

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С. М. Севярын

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б. В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А. М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В. Ф. Байнёў
Т. А. Гарупа
А. А. Гужалоўскі
Т. І. Доўнар
А. І. Забейварота
У. В. Здановіч
У. Л. Ключа
У. У. Лосеў
Б. М. Ляпешка
А. А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ ЭКАНОМІКА ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2019

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21.01.2019 № 24 (са змяненнямі,
унесенымі загадамі ВАК ад 04.02.2019 № 30; 15.03.2019 № 75;
10.06.2019 № 160; 16.10.2019 № 236) часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

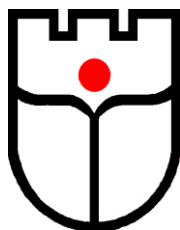
Вабішчэвіч А. М. Стан і перспектывы гісторыка-краязнаўчага вывучэння Брэста (да 1000-годдзя горада).....	5
Башкоў А. А. Археалагічнае вывучэнне рэзідэнцыі Сапегаў у Ружанах экспедыцыяй БрДУ імя А. С. Пушкіна	19
Худайбердыева Н. Х. Усілія Турцыі і Туркменистана по сохранению и укреплению региональной стабильности в начале XXI в.	25
Розенблат Е. С. Создание органов самоуправления и регистрация еврейского населения западных областей Беларуси в 1941–1942 гг.....	33
Демьянович Ю. Э. Сербский контекст в реализации права югославских народов на самоопределение	39
Зуев И. В. Отношения Швейцарии с соседними государствами	49
Перзашкевич О. В. К вопросу об историчности ригведийского общества	57

ЭКАНОМІКА

Конончук В. В. Методологические аспекты моделирования инновационного устойчивого развития агропромышленного комплекса региона.....	64
Черновалов П. А., Черновалова Ж. В. Биоэкономика: история, содержание, экономическая мысль	70
Пукович А. В. Свободная экономическая зона «Брест»: торгово-экономическое сотрудничество со странами ЕАЭС	75

ПРАВА

Зайчук Г. И. Место природоресурсного права в национальной системе права Республики Беларусь	82
Резюк В. И. Участие общественности в борьбе с коррупцией в Республике Беларусь: организационно-правовые формы	90
Романюк Е. В. Активность в социальных сетях и уголовная ответственность	99
Шалаева Т. З. Право собственности и исключительные права на информационные ресурсы: проблемы двуединой природы	106
Чмыга О. В. Негативная и позитивная ответственность членов Парламента Беларуси: проблемы правового закрепления и реализации	111
Грачева И. М. Деятельность органов прокуратуры БССР в 1941 г.	117

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A. N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S. M. Sevyaryn

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B. V. Salikhau (Russia)

Editorial Board:

A. M. Vabishchevich

(managing editor)

V. F. Bajnyou

T. A. Garupa

A. A. Guzhalouski

T. I. Dounar

A. I. Zabeivarota

V. V. Zdanovich

V. L. Klunia

V. V. Loseu

B. M. Lyapeshka

A. A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A. S. Pushkin»

№ 2 / 2019

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 21, 2019 № 24 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from February, 04, 2019 № 30; March, 15, 2019 № 75; June, 10, 2019 № 160; October, 16, 2019 № 236) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Vabishchevich A. M. The State and Prospects of Studying the History and Local History of Brest (on the 1000th Anniversary of the City)	5
Bashkou A. A. Archaeological Studies of the Residence of Sapiehas of Ruzhany Expedition by BrSU Named after A. S. Pushkin	19
Khudayberdiyeva N. Kh. Turkey and Turkmenistan's Efforts for Conservation and Strengthening of Regional Stability at the Beginning of the XXI Century	25
Rozenblat E. S. Creation of Self-Government Bodies and Registration of the Jewish Population of the Western Regions of Belarus in 1941–1942	33
Demyanovich Y. E. Serbian Context in the Implementation of the Right of Self-Determination of Peoples of Yugoslavia	39
Zuyev I. V. Switzerland's Relations with Neighbouring States	49
Perzashkevich O. V. To the Problem of Historicalness of the Rigvedic Society	57

ECONOMICS

Kononchuk V. V. Methodological Aspects of Modeling of Innovative Sustainable Development of Agribusiness in the Region	64
Chernoalov P. A., Chernoalova Zh. V. Bioeconomics: History, Contents, Economic Thought	70
Pukovich A. V. Free Economic Zone «Brest»: Trade and Economic Cooperation with the EAEU Countries	75

LAW

Zaychuk G. I. Place of Natural Resource Law in the National System of Law of the Republic of Belarus	82
Rezyuk V. I. Public Participation in the Fight against Corruption in the Republic of Belarus: Organizational and Legal Forms	90
Romanyuk E. V. Activity in Social Networks and Criminal Responsibility	99
Shalayewa T. Z. Ownership and Exclusive Rights to Information Resources: Problems of the Twin Nature	106
Chmyha O. V. Negative and Positive Responsibility of Members of Parliament of Belarus: Problems of Legal Fixing and Realization	111
Hrachova I. M. The Activities of the Prosecution Authorities of the BSSR in 1941	117

ГІСТОРЫЯ

УДК 908(476.7-25)

А. М. Вабішчэвіч

д-р гіст. навук, праф., заг. каф. гісторыі славянскіх народаў

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

e-mail: vabischev@rambler.ru

СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ ГІСТОРЫКА-КРАЯЗНАЎЧАГА Вывучэння Брэста (ДА 1000-ГОДДЗЯ ГОРАДА)

Прааналізаваны гістарычныя і краязнаўчыя даследаванні горада Брэста, 1000-годдзе якога адзначаецца ў 2019 г. Прадметам вывучэння сталі найбольш значныя і адметныя працы пра Брэст, асабліва ўвага звернута на публікацыі вучоных і краязнаўцаў пачынаючы з XIX ст. Выдзелены асноўныя перыяды вывучэння гісторыі горада, асабліваці кожнага з іх. Адзначаны ўклад у гісторыка-краязнаўчыя даследаванні ўстаноў адукацыі (у тым ліку Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна), культуры, органаў дзяржаўнага кіравання, грамадскіх арганізацый, прадстаўнікоў інтэлігенцыі. Вылучаны нявырашаныя пытанні, якія застаюцца цяпер у справе вывучэння гісторыі Брэста, зроблены канкрэтныя прапановы аб далейшым выяўленні, навуковай апрацоўцы і ўвядзенні ў навуковы зварот дакументальных крыніц з фондаў архіваў, бібліятэк, музеяў Беларусі і замежных краін; падрыхтоўцы абагульняючай фундаментальнай працы; распрацоўцы слаба вывучаных тэм; каардынацыі гісторыка-краязнаўчай працы; вывучэнні гісторыі г. Брэста ў сярэдніх школах; вучэбнай і навукова-метадалагічнай падрыхтоўцы па краязнаўстве студэнтаў педагагічных спецыяльнасцей і інш.

Уводзіны

Горад Берасце (Бярэсце) згадваўся яшчэ ў старажытнарускіх летапісах XI–XII стст. Звесткі апісальнага характару ўтрымліваліся ў хроніках, дзённіках і мемуарах падарожнікаў. Творчай кампіляцыяй папярэдніх хронік Я. Длугаша і інш. сярэдневяковых аўтараў з’яўляецца «Хроніка польская, літоўская, жамойцкая і ўсяе Русі» М. Стрыйкоўскага (1582). Берасце і Берасцейскае ваяводства згадваў А. Гваньіні ў «Хроніцы Еўрапейскай Сарматыі» (1578 і 1581 гг.), у якой упершыню пазнаёміў заходнееўрапейскага чытача з гісторыяй ВКЛ. Да сённяшняга часу каштоўнай крыніцай па старажытнай гісторыі горада з’яўляецца гравюра шведскага ваеннага інжынера Э. Дальберга «Асада Бярэсця шведамі ў 1657 г.», якая была змешчана ў выдадзенай С. фон Пуфендорфам «Гісторыі Карла Густава...» у 1696 г. у Нюрнбергу. Значнай крыніцай для вывучэння канфесійнага жыцця ў XVII ст. з’яўляецца «Дыярыуш» Афанасія Брэсцкага (Філіповіча) [1], які быў ігуменам манастыроў Сімяона Стоўпніка і Раства Прасвятой Багародзіцы.

Аднак да XIX ст. нельга гаварыць пра існаванне грунтоўнага краязнаўства Берасця (Бярэсця, Брэста) як усебаковага вывучэння гісторыі, географіі, эканомікі, культуры горада навукова-даследчымі ўстановамі, мясцовым насельніцтвам. Гісторыка-краязнаўчае даследаванне Брэста і яго наваколля пачалося ў складзе Расійскай імперыі з сярэдзіны XIX ст.

Мэта дадзенага артыкула – абагульненне ведаў пра вывучэнне гісторыі, краязнаўства Брэста. Для дасягнення пастаўленай мэты вызначаны наступныя задачы:

- 1) прааналізаваць асноўныя надрукаваныя працы, прысвечаныя гісторыі г. Брэста, выдзеліць асноўныя перыяды ў вывучэнні гісторыі горада, даць іх характарыстыку;
- 2) ацаніць уклад у гісторыка-краязнаўчыя даследаванні другой паловы XX – пачатку XXI ст. асобных навучальных устаноў, устаноў культуры, органаў дзяржаўнага кіравання, грамадскіх арганізацый, мясцовых краязнаўцаў;

3) ахарактарызаваць дасягненні ў вывучэнні лакальнай гісторыі Брэста па стане на 2019 г., вызначыць перспектывыныя напрамкі даследаванняў, больш эфектыўныя сродкі пашырэння краязнаўчых ведаў, асабліва сярод школьнікаў, студэнтаў, шляхі ўдасканалення вучэбнай і навукова-метадалагічнай падрыхтоўкі па краязнаўстве.

Гісторыка-краязнаўчыя даследаванні Брэста

Хоць звесткі пра Берасце (Бярэсце) з'яўляліся ў пісьмовых крыніцах з ранняга сярэднявечча, аднак гісторыка-краязнаўчыя працы, прысвечаныя этнаграфіі, культуры, гісторыі горада, з'явіліся з 40-х гг. XIX ст., што было звязана з разгортваннем навуковых даследаванняў гісторыі і культуры беларускіх зямель. Адною з першых была кніга П. Шпілеўскага «Падарожжа па Палессю і Беларускаму краю» (1858) [2], дзе змешчаны багаты этнаграфічны матэрыял, у т. л. легенда пра ўзнікненне горада – пра купца, які выкарыстаў бярозавую кару (бяросту) для таго, каб выехаць з балота (адсюль і назва Бярэсце). У 1863 г. П. Баброўскі выдаў асобны том пра Гродзенскую губерню, дзе былі змешчаны звесткі пра гаспадарчае развіццё, побыт, матэрыяльную культуру [3]. Разнастайны факталагічны матэрыял утрымліваецца ў «Памятных кніжках Гродзенскай губерні», што выдаваліся штогод да пачатку Першай сусветнай вайны [4].

Інтэрэс уяўляюць звесткі пра Брэст-Літоўск, змешчаныя ў публікацыях рускіх пісьменнікаў А. Грыбаедава, Ф. Рашэтнікава. Асабістыя ўражанні пра горад і яго наваколле можна знайсці ў польскамоўных працах Ю. Крашэўскага «Дзённікі маіх часоў...» (1848), «Гістарычныя падарожжы па польскіх землях...», «Успаміны пра Палессе, Валынь і Літву» (1840), у этнаграфічным нарысе «Адзенне сялян і мяшчан наваколляў Брэста, Кобрына, Пружан» (1880) і інш.

У другой палове XIX ст. з'явіліся шматтомныя выданні Віленскай археаграфічнай камісіі, Паўночна-Заходняга аддзела Рускага геаграфічнага таварыства. У асобных тамах Актаў Віленскай археаграфічнай камісіі былі надрукаваны дакументы па гісторыі старажытнага Брэста XIV–XIX стст. (у прыватнасці, акты гродскага суда [5]). У 1897 г. у «Дакументах Маскоўскага архіва юстыцыі» пад рэдакцыяй М. Доўнар-Запольскага ўпершыню было надрукавана «Апісанне староства Берасцейскага 1566 г.», складзенае Д. Сапегам.

Каштоўным дапаможнікам для карыстальнікаў стала кніга 1883 г. па бібліяграфіі Палесся за 1855–1880 гг., падрыхтаваная першай рускай жанчынай-бібліёграфам З. Пенкінай з Публічнай бібліятэкі Санкт-Пецярбурга [6]. Краязнаўчыя матэрыялы змяшчаліся на старонках «Гродненских губернских ведомостей», «Епархиальных ведомостей» і іншых мясцовых перыядычных выданняў, а таксама ў сталічных расійскіх выданнях.

Нягледзячы на русіфікатарскую тэндэнцыю, да краязнаўчай працы далучаліся прыватнаўладальнікі святаў. Свяшчэннік Л. Паеўскі падрыхтаваў кнігу «Город Брест-Литовск и его древние храмы» (1894) [7].

Адна з першых кніг па гісторыі брэсцкай яўрэйскай абшчыны была выдадзена ў 1886 г. у Варшаве на старажытнай яўрэйскай мове А. Л. Файнштэйнам (магчыма, у суаўтарстве з А. Фінкельштэйнам) [8]. У дзвюх яе частках разглядаецца гісторыя Брэста да будаўніцтва крэпасці ў 1836–1842 гг. і пасля ўзвядзення крэпасці, калі горад быў перанесены на ўсход ад яе.

У 1907 (1908) г. была выдадзена кніга «История города Брест-Литовска. 1016–1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям», складзеная ўраджэнцам горада Х. Зоненбергам [9]. Яе можна разглядаць як адну з першых спроб, яшчэ вельмі недасканалую, гісторыка-краязнаўчай працы папулярнага характару. Складальнік выдзеліў тры эпохі ў гісторыі горада: «Брэст пераходны» (да канца XIV ст.); «Брэст (Літоўск) – польскі (польска-літоўскі) горад» (да 1815 г.); «Брэст-Літоўск – горад рускі».

Яшчэ ў дарэвалюцыйны час пачаліся разыходжанні адносна пачатковай даты ў гісторыі Брэста. У прадмове да трэцяга тома Актаў Віленскай археаграфічнай камісіі яе старшыня Я. Галавацкі адзначаў, што ўпершыню ў летапісах Бярэсце згадана ў 1016 г. [5, с. V]. На яго спасылка ў паўтараў дату 1016 г. у сваёй кнізе і Х. Зоненберг [9, с. 6]. Гэтая ж дата была і ў календарах-даведніках, што выйшлі напярэдадні Першай сусветнай вайны (іх складваў Я. Хмелеўскі) [10, с. 32]. Бярэсце як горад, які ў 1015 г. уваходзіў у склад Тураўскага княства, адзначалася ў Л. Паеўскага (таксама ўказвалася, што ў летапісах Бярэсце ўзгадвалася з 1016 г.) [7, с. 3]. У названай вышэй працы П. Баброўскага фігуравала дата 1018 г. [3, с. 810], спасылка ім рабілася на Ю. Ярашэвіча.

Аднак з таго часу найбольшае пашырэнне атрымалі 1017 і 1019 гг. Дарэвалюцыйныя расійскія гісторыкі М. Карамзін, С. Салаўеў перавагу аддавалі першаму спісу Наўгародскага летапісу, дзе было напісана, што «в лето 6525 (1017) Ярослав иде к Берестью». Іншыя вучоныя спасылаліся на «Аповесць мінулых гадоў» (Іпацьеўскі і інш. летапісы), дзе Бярэсце ўпершыню ўзгадана пад 6527 (1019) як буйное, добра ўмацаванае паселішча. У Іпацьеўскім летапісе адзначана: «А Святополк бежа. Бежащю же ему и нападе на нь бес. И раслабеша кости его и не можаше седети на кони. И ношахуть и в носилах. И принесоша и к Берестию» [11, с. 132]. У дарэвалюцыйны час гэтую пазіцыю адстойвалі В. Тацішчаў і А. Шахматаў.

Публікацыі па гісторыі Брэста, што выйшлі ў дарэвалюцыйнай Расійскай імперыі, за рэдкім выключэннем былі пераважна звязаны з Палессем. Гэта былі ў асноўным папулярныя працы, што не ўтрымлівалі навуковага апарату. Яны не мелі спасылак на дакладныя крыніцы, нярэдка ўтрымлівалі розныя паданні, легенды.

Пасля Першай сусветнай і польска-савецкай войнаў краязнаўства Брэста аднавілася толькі ў 1921–1939 гг. Цяпер яно развівалася ў кантэксце ідэй «польскага рэгіяналізму». У 1924 г. быў створаны Брэсцкі аддзел Польскага краязнаўчага таварыства, які наладжваў навукова-папулярныя лекцыі, займаўся апекай над помнікамі гісторыі і культуры. У культурна-асветніцкай працы актыўна выкарыстоўвалася манаграфія «Ілюстраванае Палессе» А. Нелярда (1923), у якой былі сабраны народныя песні, вершы, загадкі. У 1926 г. пры падтрымцы аддзела ПКТ у Брэсце быў выдадзены «Rocznik Poleski» («Палескі штогоднік»), дзе змяшчаліся статыстычныя матэрыялы, артыкулы па краязнаўстве. На старонках часопіса «Kresy ilustrowane» («Ілюстраваныя акраіны») спачатку змяшчаліся краязнаўчыя рубрыкі, потым выданне было поўнасьцю прысвечана краязнаўчай тэматыцы [12, с. 83]. Рэдактарам і выдаўцом часопіса быў В. Мандальскі, якому належыць таксама аўтарства шэрагу прац па краязнаўстве, у т. л. геаграфічны і гістарычны нарыс пра Брэст [13]. У даведніку М. Марчака пра Палессе (1935) утрымліваліся звесткі пра матэрыяльныя каштоўнасці рэгіёна. Краязнаўствам Брэста займаўся і Р. Гарашкевіч [14]. Цяпер з'яўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю кніга на ідыш А. Каплана «Разбурэнне Брэста ў гады Сусветнай вайны» (1925). Адзін з яе экзэмпляраў выявіла В. Кнорынг у Расійскай нацыянальнай бібліятэцы (С.-Пецяярбург). У 1938–1939 гг. Т. Жук-Рыбіцкі праводзіў археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці.

Пасля ўз'яднання заходнебеларускіх зямель з БССР восенню 1939 г. Брэст стаў абласным горадам рэспублікі. У кантэксце разгорнутай саветызацыі быў прадвызначаны агульны характар вывучэння мінулага гораду, звярталася ўвага на адлюстраванне прыгнечанага стану жыхароў у дарэвалюцыйны час, прапаганду савецкага ладу жыцця.

У час Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг. айчынная гісторыка-культурная спадчына панесла вялікія і незваротныя страты. У пасляваенныя дзесяцігоддзі краязнаўства Брэста аднаўлялася на аснове савецкай ідэалогіі, фактычна без выкарыстання назапашанага ў вывучэнні мінулага горада ў дарэвалюцыйнай Расіі і міжваеннай Польшчы. Найбольшая ўвага надавалася вывучэнню гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, падпольнага патрыятычнага антыфашысцкага руху, партызанскай барацьбы. У акадэміч-

ных выданнях Інстытута гісторыі, дзе гісторыя Брэста разглядалася ў агульным кантэксце гісторыі Беларусі, былі закладзены асновы гістарычнага краязнаўства.

У 1950-я – сярэдзіне 1960-х гг. у спрэчцы аб першым летапісным упамінанні Брэста ў савецкай гістарычнай навуцы стала вядучай пазіцыя акадэміка М. Ціхамірава, які сярод старажытнарускіх гарадоў XI ст. упамінаў і Бярэсце ў 1019 г. [15, с. 33, 326]. Гэтай думкі прытрымліваліся М. Беражкоў і Д. Ліхачоў. У «Гісторыі Беларускай ССР» (1961) сярод 10 гарадоў, якія названы ў летапісах на заходніх землях Русі, Брэст згадваецца пад 1019 г. [16, с. 32]. Аднак былі і прыхільнікі даты 1017 г.

Партыйныя і савецкія органы Брэста выступілі з ініцыятывай святкавання 950-годдзя горада ў маі 1967 г., аднак не атрымалі дазволу ад ЦК КПБ. Пасля паўторнага звароту была атрымана згода на правядзенне ўрачыстасцей у маі 1969 г. [17, с. 11]. Да юбілею Брэста быў падрыхтаваны гісторыка-эканамічны нарыс [18]. Тыя ўрачыстасці паклалі пачатак традыцыі святкавання Дня горада.

Праведзеныя П. Лысенкам археалагічныя раскопкі гарадзішча Бярэсця ў 1968–1981 гг. паказалі, што як пагранічная крэпасць і апорны пункт славянскай каланізацыі горад быў заснаваны ў канцы X ст. [19, с. 5, 11–13]. Першае ўпамінанне Бярэсця звязана менавіта з 1019 г. Здзейсненае маштабнае навуковае адкрыццё адлюстравана ў працах П. Лысенкі [20]. Адкрыты ў 1982 г. археалагічны музей «Бярэсце» з’яўляецца ўнікальным аб’ектам культурнай спадчыны, адзіным у свеце музеем сярэдневяковага ўсходнеславянскага горада. На афіцыйным узроўні 1019 г. стаў агульнапрызнанай датай першага летапіснага ўпамінання Брэста. Аднак спрэчкі аб пачатковым пункце адліку гісторыі Брэста працягваюцца і да цяперашняга часу – 1017 г. адстойваюць А. Гладышчук, А. Нікітчык і іншыя сучасныя аўтары.

У 1950–1980-я гг. краязнаўчыя матэрыялы размяшчаліся на старонках газет, гучалі па радыё. Папулярызацыяй гісторыка-краязнаўчых ведаў займаліся М. Алексяюк, І. Біруля, В. Ласковіч, В. Купцова, Г. Церабунь і інш.

Хоць мэта створанага ў 1965 г. Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры была заідэалагізаванай (*«прыцягненне шырокай грамадскасці да актыўнага ўдзелу ў ахове помнікаў гісторыі і культуры, павышэнне іх ролі ў камуністычным выхаванні савецкіх людзей»*), што прадвызначыла прыярытэтны клопат пра помнікі рэвалюцыйнай, баявой і працоўнай славы, аднак праводзілася значная праца па мемарыялізацыі пахаванняў савецкіх воінаў і партызан, мірных ахвяр Вялікай Айчыннай вайны. Значнай падзеяй стаў выхад Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі па Брэсцкай вобласці [21]. У энцыклапедычным даведніку «Брэст» (1987) у аглядавым нарысе быў змешчаны матэрыял па гісторыі, аднак значная яго частка адведзена рэвалюцыйным падзеям, гісторыі кампартыі [22, с. 12–67].

Актыўна займаліся пошукавай працай настаўнікі, працоўная і студэнцкая моладзь, школьнікі. У многіх школах, вучылішчах былі створаны ваенна-патрыятычныя клубы, музеі (напрыклад, гісторыка-краязнаўчы музей СШ № 16 на чале з Заслужаным настаўнікам БССР А. Башчук), патрыятычны клуб «Помнікі Айчыны расказваюць» ПТВ № 151 (кіраўнік – Ганаровы краязнаўца Беларусі М. Клімец). У 1957 г. у Брэсце была заснавана абласная станцыя юных турыстаў (з 2011 г. – Брэсцкі абласны цэнтр турызму і краязнаўства дзяцей і моладзі).

Ажыўленне краязнаўчага руху назіралася з канца 1980-х – пачатку 1990 гг. У студзені 1989 г. у Брэсце адбылася першая абласная канферэнцыя краязнаўцаў, ініцыятарам правядзення якой быў У. Мелішкевіч. Са стварэннем у канцы 1989 г. Беларускага краязнаўчага таварыства вывучэнне гісторыі і краязнаўчага праца актывізаваліся. У незалежнай Рэспубліцы Беларусь з разгортваннем нацыянальна-культурнага адраджэння адбывалася развіццё краязнаўчага руху. У Брэсце актыўнасць праяўляла грамадскае аб’яднанне «Стары горад» (1991–2007) на чале з І. Лаўроўскай, аўтарам публі-

кацый па ўрбаністыцы старажытнага Брэста. У 1994 г. быў праведзены Фестываль бера-сцейцаў свету, навукова-практычная канферэнцыя «Гісторыя і сучаснасць Брэстчыны».

У рамках выканання рэспубліканскіх і абласных праграм захавання і развіцця культуры ўладамі Брэсцкай вобласці і г. Брэста ў 1990-я гг. – пачатку XXI ст. нямала зроблена ў справе зберажэння гісторыка-культурнай спадчыны. Ужо стаў добра вядомым «брэсцкі вопыт» аховы гісторыка-культурнай спадчыны [23, с. 165–171], паспяхова выкананы цэлы шэраг праектаў у гэтым напрамку [24]. У 1997 г. пры Брэсцкім аблвыканкаме быў створаны каардынацыйны савет па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны. Ініцыятарам яго стварэння і сакратаром быў Л. Несцярчук, аўтар даследавання пра замкі і паркі Берасцейшчыны [25], гісторыка-біяграфічных прац пра С. А. Панятоўскага, Т. Касцюшку, М. К. Агінскага, Н. Орду. Аховай помнікаў гісторыі і культуры, мемарыялізацыяй пахаванняў ваеннаслужачых Першай і Другой сусветных войнаў, ахвяраў германскага нацызму займаецца А. Кондак.

З 1990-х гг. пачалі друкавацца ўспаміны ўраджэнцаў Брэста, першымі сярод якіх былі кнігі М. Мантвілава [26], Д. Вашчукоўны-Камянецкай [27]. Выдадзена серыя кніг «Берасцейскае вогнішча». У 1998–1999 гг. выдаваўся гісторыка-краязнаўчы часопіс «Радавод» (6 нумароў). Важнай падзеяй з’явілася выданне дзвюх кніг гісторыка-дакументальнай хронікі «Памяць» [28], якія былі створаны на аснове новых навуковых даследаванняў, разнастайных архіўных дакументаў, друкаваных крыніц, успамінаў. Пашырэнне атрымала школьнае краязнаўства. Была распрацавана праграма «Бярэсцезнаўства» для малодшых школьнікаў [29]. У снежні 2006 г. адбыўся «круглы стол» «Краязнаўства Берасцейшчыны: стан і перспектывы развіцця» [30], дзе падводзіліся вынікі краязнаўчай працы і акрэслены задачы на бліжэйшую будучыню.

Значны ўклад у гістарычнае краязнаўства ўнеслі музеі, бібліятэкі. З першых пасляваенных гадоў пачалася праца па стварэнні Брэсцкага абласнога краязнаўчага музея, які ў 1950 г. зацвердзіў штат і пачаў збіральніцкую працу. У 1957 г. была адкрыта яго першая экспазіцыя. Паступова музей ператварыўся ў цэнтр вывучэння гісторыі ўсёй Брэстчыны. Яго фонды актыўна выкарыстоўваюцца вучонымі, краязнаўцамі, студэнтамі. У музеі налічваецца 23 каштоўныя калекцыі (археалагічная, нумізматычная, этнаграфічная, рукапісаў і старадрукаў, жывапісу, графікі, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва і інш.) [31]. У 2019 г. асноўны фонд музея складаў 173,3 тыс. адзінак захавання, навукова-дапаможны – 56,3 тыс. адзінак. Музей і яго філіялы (археалагічны музей «Бярэсце», музей «Выратаваныя мастацкія каштоўнасці», мастацкі музей) праводзяць выстаўкі на аснове ўласных фондавых калекцый, ажыццяўляюць сумесныя праекты з творчымі саюзамі, грамадскімі арганізацыямі, мастакамі, разнастайныя культурна-адукацыйныя мерапрыемствы і інш.

Адкрыты ў 1998 г. Музей гісторыі горада Брэста налічвае ў асноўным фондзе 4 тыс. адзінак захавання, у навукова-дапаможным – больш за 600. Раздзелы пастаяннай экспазіцыі: «Архітэктурнае аблічча і гістарычнае жыццё горада ў XI – першай палове XIX ст.», «Будаўніцтва і развіццё горада на новым месцы ў сярэдзіне XIX – 40-х гг. XX ст.», «Сучасны горад» – дазваляюць прасачыць гісторыю Брэста са старажытнасці да сучаснасці. У музеі з’явіўся арыгінал Брэсцкай Бібліі 1563 г., падараваны жыхарам горада Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкам 6 верасня 2019 г. на ўрачыстым мерапрыемстве да 1000-годдзя Брэста. *«У Год малой радзімы гэтая вечна жывая кніга вяртаецца дахаты. Нашы продкі лічылі, што горад, у якім выдавалася Біблія, знаходзіцца пад асаблівай абаронай нябёсаў. Яго ніколі не могуць зруйнаваць ні час, ні людзі»,* – заявіў кіраўнік дзяржавы [32]. Трэба спадзявацца, што набыты пры дапамозе мясцовых прадпрыемстваў фаліант будзе садзейнічаць гісторыка-краязнаўчай працы ў горадзе.

Музей абароны Брэсцкай крэпасці быў адкрыты ў 1956 г. намаганнямі яго першага дырэктара А. Крупеннікава. Цяпер у яго 10 залах пастаяннай экспазіцыі адлюстравана гісторыя Брэсцкай крэпасці з моманту яе праектавання, будаўніцтва, у час Першай і Другой сусветных войнаў. Як пастаянная экспазіцыя музея, так і V форт крэпасці, экспазіцыі «Музей вайны – тэрыторыя міру», «Армейскі клуб» актыўна выкарыстоўваюцца для ваенна-патрыятычнага выхавання моладзі.

Гераічная абарона Брэсцкай крэпасці ў чэрвені–ліпені 1941 г. набыла ўсесаюзнае і міжнароднае прызнанне дзякуючы савецкаму пісьменніку С. Смірнову [33–37]. Больш за 10 гадоў жыцця ён прысвяціў вывучэнню абароны крэпасці і пошуку яе абаронцаў. Музей абароны Брэсцкай крэпасці на працягу ўсёй сваёй гісторыі нястомна праводзіць пошукавую працу абаронцаў, высвятляе іх лёс, падтрымлівае сувязі з іх сваякамі. У адкрытым у 1971 г. мемарыяльным комплексе «Брэсцкая крэпасць-герой» пастаянна ажыццяўляецца навукова-даследчыцкая дзейнасць па вывучэнні гістарычнай і духоўнай спадчыны Брэсцкай крэпасці, наладжваюцца навукова-практычныя канферэнцыі, «круглыя сталы» і іншыя мерапрыемствы.

У музеях г. Брэста ўжо шмат гадоў самааддана працавалі ці працягваюць працоўную эстафету Т. Слесарук, Т. Ходцава, С. Тамчук, Т. Новікава, А. Міцюкоў, Н. Кірылава, І. Тарыма, В. і С. Гуляевы, С. Шчэрба, Л. Бібік, А. Харычкава, А. Каркатадзэ і іншыя музейныя супрацоўнікі.

Заснаваная яшчэ ў 1940 г. Брэсцкая абласная бібліятэка імя М. Горкага была адкрыта для чытачоў ў 1950 г. У 2019 г. яе ўніверсальны фонд склаў 887,7 тыс. экзэмпляраў. У 1969 г. быў створаны аддзел беларускай літаратуры і краязнаўства (з 1994 г. – аддзел краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі, загадчык Т. Кавенька, цяпер – І. Жалыяноўская), выдзелены краязнаўчы фонд, пачаў стварацца сістэматычны краязнаўчы каталог. На сайце бібліятэкі ёсць субдамен «Краязнаўства Берасцейшчыны», што ўключае ўласныя базы даных па краязнаўстве – «Спадчына», «Памяць», «Брэсцкі мір» і інш. Бібліятэка на абласным узроўні каардынуе фарміраванне рэгіянальнага зводнага каталогу. Сярод 2,5 тыс. экзэмпляраў кніг сектара рэдкай кнігі захоўваюцца ўнікальныя выданні, у т. л. фрагмент арыгінала Брэсцкай Бібліі. Бібліятэка з’яўлялася ініцыятарам шэрагу міжнародных навукова-даследчыцкіх праектаў краязнаўчай тэматыкі, прысвечаных Брэсцкай Бібліі [38], кніжнай спадчыне Сапегаў, Ю. Крашэўскага і інш. З 2008 г. там праводзяцца міжнародныя навукова-практычныя канферэнцыі «Берасцейскія кнігазборы» (немалая заслуга ў гэтым А. Мяснянкінай), разнастайныя «круглыя сталы», прэзентацыі краязнаўчых выданняў і інш.

Сярод цэнтраў краязнаўчай працы ў горадзе трэба адзначыць і Брэсцкую цэнтральную гарадскую бібліятэку імя А. С. Пушкіна, адкрытую ў 1940 г. У бібліятэцы праводзяцца разнастайныя сустрэчы з мясцовымі літаратарамі, наладжваюцца прэзентацыі краязнаўчых выданняў.

Створаны ў 1940 г. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці мае больш за 1,1 млн адзінак захавання (2019 г.). Яны з’яўляюцца каштоўнымі крыніцамі па гісторыі Брэста ў складзе Польшчы ў 1919–1939 гг., у час германскай нацысцкай акупацыі 1941–1944 гг., у савецкі перыяд 1939–1941, 1944–1991 гг. і ў незалежнай Рэспубліцы Беларусь. Рэгулярна арганізуюцца выставы архіўных дакументаў, прысвечаныя памятным датам, падзеям у гісторыі горада. Сярод найбольш значных публікацый архіва апошняга дзесяцігоддзя трэба адзначыць зборнікі дакументаў і матэрыялаў (укладальнікі – Г. Карапузава і іншыя архівісты і гісторыкі) [39–41].

Багатыя традыцыі літаратурнага, геаграфічнага, гістарычнага краязнаўства мае Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, адкрыты ў 1945 г. як настаўніцкі інстытут. Літаратурнае краязнаўства асабліва актывізавалася пад кіраўніцтвам У. Калесніка. У гонар У. Калесніка ва ўніверсітэце прысуджаецца прэмія ў галіне сацыяльных

і гуманітарных навук, праводзяцца навуковыя чытанні, выдаюцца кнігі ўспамінаў пра настаўніка [42], дзейнічае Адукацыйна-асветны цэнтр імя У. Калесніка. Пытаннем літаратурнага краязнаўства ў школе надавала асаблівую ўвагу В. Я. Зарэцкая (Ляшук) [43], якая доўгі час узначальвала кафедру метадыкі выкладання беларускай літаратуры і краязнаўства. В. Я. Зарэцкая (Ляшук) і яе калегі выдалі шэраг кніг пра літаратуру Берасцейшчыны [44–46]. Шматлікія гісторыка-літаратурныя працы напісалі М. Мішчанчук, А. Майсейчык, Г. Праневіч, І. Калянковіч і інш. Мовазнаўчымі даследаваннямі, дыялектамі працяглы час займаліся Г. Малажай, М. Аляхновіч і інш. На сучасным этапе традыцыі літаратурнага краязнаўства на філалагічным факультэце працягваюць З. Мельнікава, У. Сенькавец, Г. Ішчанка і інш. Дыялекталагічныя даследаванні ажыццяўляе Л. Леванцэвіч, гісторыю СМІ вывучае В. Смаль і інш. На філалагічным факультэце дзейнічае вучэбная фальклорна-краязнаўчая лабараторыя (кіраўнік – І. Швед), ладзяцца фальклорна-краязнаўчыя святы «Ад прадзедаў спакон вякоў...» і іншыя мерапрыемствы.

Сярод пачынальнікаў гістарычнага краязнаўства ва ўніверсітэце быў У. Мелішкевіч, які стаяў у вытокаў адкрыцця ў 1991 г. гістарычнага факультэта. Выкладчыкі гістарычнага факультэта прымалі ўдзел у падрыхтоўцы гісторыка-дакументальнай хронікі «Памяць» г. Брэста, іншых гісторыка-краязнаўчых выданняў, у т. л. прысвечаных гісторыі БрДУ імя А. С. Пушкіна [47–48]. Этнаграфічнымі даследаваннямі Заходняга Палесся займаўся С. Жлоба. Краязнаўчая тэматыка рэгулярна з’яўляецца прадметам вывучэння курсавых і дыпломных прац студэнтаў, магістарскіх дысертацый. Шматлікія публікацыі змешчаны ў зборніках навуковых прац «Берасцейскі хранограф», «Моладзь Берасцейшчыны» і інш. Разнастайныя аспекты краязнаўства Брэста разглядаюцца на міжнародных навуковых канферэнцыях «Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае», «Праваслаўе ў духоўным жыцці Беларусі» і інш. Ажыццяўляюцца археалагічныя даследаванні на аб’ектах гісторыка-культурнай спадчыны (у т. л. на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці, на месцах новабудоўляў), этнаграфічныя і краязнаўчыя даследаванні праводзяцца ў час вучэбных практык.

Кафедры гістарычнага факультэта прымаюць удзел у распрацоўцы разнастайных пытанняў краязнаўства. На кафедры гісторыі Беларусі праводзяцца даследаванні па мемарыялізацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны, распрацаваны спецкурс па гісторыі Брэста і інш. На кафедры гісторыі славянскіх народаў выконваўся праект «Гарады і раёны Брэстчыны: гісторыя і сучаснасць», прысвечаны Івацэвіцкаму, Маларыцкаму, Іванаўскаму раёнам, пачынальнікам якога быў А. Гарбацкі, дзейнічае музейная экспазіцыя. На кафедры ўсеагульнай гісторыі вывучаецца гісторыя Брэста міжваеннага часу, гісторыя яўрэйскай абшчыны Брэста [49], створана база па вуснай гісторыі 20–30-х гг. ХХ ст. і інш. Зараз гісторыка-краязнаўчай праблематыкай займаюцца А. Вабішчэвіч, У. Здановіч, А. Пашковіч, А. Башкоў, А. Свірыд, А. Савіч, Н. Самасюк, В. Піліповіч, А. Бодак, А. Бурык, Т. Мілач, Я. Разенблат, Н. Галімава, П. Гарбуль, Т. Саўчук, П. Рамановіч, Я. Занько, Р. Чуль і інш.

Геаграфічнае краязнаўства атрымала развіццё на геаграфічным факультэце. Аўтарам шэрагу вучэбна-метадычных дапаможнікаў па геаграфічным краязнаўстве з’яўляецца Я. Мяшэчка [50–52]. На факультэце праводзіліся рэспубліканскія навукова-метадычныя канферэнцыі «Краязнаўства ў вучэбна-выхаваўчым працэсе школ і ВНУ». Цяпер традыцыі геаграфічнага краязнаўства працягваюцца (на кафедры турызма і краязнаўства і інш.). На факультэце фізічнага выхавання вывучаецца гісторыя фізічнай культуры і спорту Брэстчыны (А. Зданевіч).

У Брэсцкім тэхнічным універсітэце, адкрытым у 1966 г., гісторыка-краязнаўчымі даследаваннямі займаюцца на шэрагу кафедраў: гуманітарных навук (М. Стралец, Т. Лісоўская, А. Машчук, Н. Кавалёва, С. Васовіч, В. Місіюк, А. Баюра, В. Сушко і інш.), беларускай

і рускай моў (Н. Борсук, М. Жыгалава, З. Заіка, Ю. Паталкоў і інш.). Пытанні архітэктуры і горадабудаўніцтва Брэста вывучаюцца на кафедры архітэктуры (М. Уласюк (мал.), А. Андраюк, А. Дзічэнская, М. Уласюк (ст.), Г. Кароза і інш.). Штогод праводзіцца міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Праблемы, даследаванні, тэндэнцыі развіцця рэгіянальнай архітэктуры». Вельмі актыўна гісторыка-краязнаўчай тэматыкай займаюцца А. Гладышчук, А. Нікітчык, С. Басаў, гісторыю фізічнай культуры і спорту даследуе У. Кудрыцкі.

Вялікую ролю ў папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны, краязнаўчай працы іграюць СМІ. Старонкі гісторыі Брэста адлюстроўваюцца на тэлебачанні (рэгіянальны тэлеканал «Беларусь 4. Брэст», «Буг-ТВ» і інш.), радыё («Радыё Брэст»), у газетах «Брэсцкі вестнік», «Заря», «Вячэрні Брэст», «Духоўны вестнік», польскамоўным часопісе «Echa Polesia» і іншых друкаваных, электронных выданнях. З 1998 г. на Брэсцкай студыі тэлебачання пачала выходзіць тэлеперадача «Край» (аўтар і вядучы – М. Пракаповіч).

Літаратурнае краязнаўства пашыраецца дзякуючы пісьменніцкім арганізацыям – Брэсцкаму абласнаму аддзяленню Саюза пісьменнікаў Беларусі, Брэсцкаму абласнаму аддзяленню Саюза беларускіх пісьменнікаў і іх гарадскім аддзелам. Краязнаўчая тэматыка прысутнічае і ў творчасці мастакоў.

На сучасным этапе гісторыя і краязнаўствам Брэста займаюцца не толькі ва ўстановах культуры, адукацыі, але і грамадскія арганізацыі, аб'яднанні, прыватныя асобы. Цяпер шмат краязнаўчага матэрыялу змяшчаецца ў сацыяльных сетках, у Інтэрнэце. З 2013 г. дзейнічае некамерцыйная арганізацыя «Фонд развіцця Брэсцкай крэпасці», якая займаецца пошукам, зборам архіўных і іншых дакументальных матэрыялаў (выдае атлас [53]), папулярызацыяй гісторыі горада.

Сучасныя гісторыка-краязнаўчыя выданні маюць відавую разнастайнасць: навуковыя, навукова-папулярныя, вучэбныя, даведачныя, літаратурна-мастацкія, духоўна-асветніцкія, рэкламна-інфармацыйныя і інш. Рэгіянальная праблематыка знайшла адлюстраванне ў энцыклапедычных выданнях [54–55]. Розныя аспекты мінулага горада выкладзены ў працах супрацоўнікаў НАН Беларусі, асабліва Інстытута гісторыі – у фундаментальных навуковых даследаваннях «Нарысы гісторыі Беларусі» (у 2 кн.), «Гісторыя Беларусі» (у 5 т.), «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» (у 5 т.), у манаграфіях – пра Брэсцкі мір 1918 г. [56] і інш. Гісторыя Брэста і Брэсцкай крэпасці, краязнаўчы рух з'яўляюцца прадметам даследаванняў А. Карлюкевіча, В. Папко, Д. Лісейчыкава, А. Сушы, В. Лабачэўскай, С. Піваварчыка, В. Швайко, І. Цітовіча і іншых беларускіх гісторыкаў, культуролагаў, краязнаўцаў.

Гісторыя, культура Берасцейшчыны ўважліва вывучаюцца і замежнымі вучонымі. Асабліва трэба адзначыць кніжнаўчыя працы М. Нікалаева (Санкт-Пецярбург), даследаванні пра Брэсцкую царкоўную ўнію 1596 г. Л. Цімашэнкі (г. Драгобыч), па гісторыі Праваслаўнай Царквы А. Мірановіча, гісторыі міжваеннага часу В. Сляшынскага (г. Беласток), П. Ціхарацкага (г. Вроцлаў) і інш. Агляд усёй гісторыі Брэста, хоць і ў выглядзе кампіляцыі, зрабіў А. Чаромін [57].

У сучасных гісторыка-краязнаўчых працах прысутнічаюць як традыцыйныя, так і новыя праблемна-тэматычныя сюжэты. Гісторыя архітэктуры старажытнага Бярэсця, замка разглядаецца ў кнізе А. Вараб'я і А. Жаркова [58]. Па-ранейшаму застаецца запатрабаванай гісторыя Брэсцкай крэпасці (У. Бяшанаў, А. Сувораў і інш.) [59–62]. І. Чайчыц пастараўся зафіксаваць надпісы і малюнкі на яе сценах [63]. Антыфашысцкаму падполлю Брэста, лёсам сем'яў чырвонаармейцаў у гады Вялікай Айчыннай вайны прысвечаны кнігі Г. Грабёнкінай [64–65]. Новыя старонкі ў дзейнасці Брэсцкага ўпраўлення дзяржбяспекі БССР раскрыты ў працах І. Кеза [66–67]. У навукова-папулярных кнігах В. Мароза [68–69], А. Суворова [70], дакументальных хроніках В. Сары-

чава [71–72] даецца як агульны агляд гісторыі горада, так і яе фрагменты. Цяпер вялікае распаўсюджанне атрымоўваюць юбілейныя выданні: да юбілеяў Маскоўскага і Ленінскага раёнаў г. Брэста [73–74], асобных устаноў (напрыклад, тэхнічнага ўніверсітэта [75], арганізацый, прадпрыемстваў. Гісторыя гарадскіх вуліц выкладзена В. Купцовай, Я. Мяшэчкам і інш. [76–78]. Лёс знакамітых яўрэяў – ураджэнцаў Брэстчыны прасачыў У. Глазаў [79], яўрэйскую спадчыну вывучаюць Я. Басін, І. Ваўранюк і інш. Актыўна пытаннімі краязнаўства таксама займаюцца М. Аляксандраў, Ю. Рубашэўскі, Н. Шляжко, І. Бараноўскі, У. Губенка, А. Фяцісава, А. Пашчук і інш.

У 2019 г., калі адзначаецца 1000-годдзе Брэста, быў падрыхтаваны цэлы шэраг кніжных выданняў. Быў рэалізаваны праект Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, выдавецкага дома «Сегмент» і ЗАТ «Белнафтастрах» – зроблена факсімільнае выданне Брэсцкай Бібліі (экзэмпляры атрымалі ўстановы культуры г. Брэста). Нацыянальная бібліятэка Беларусі сумесна з Брэсцкай абласной бібліятэкай імя М. Горкага, Нацыянальным гістарычным архівам Беларусі ў межах віртуальнай рэканструкцыі дакументаў і матэрыялаў па рэгіянальнай гісторыі Беларусі выпусціла асобны кампакт-дыск, прысвечаны гісторыі Брэста [80]. Было завершана выданне трылогіі А. Гладышчука «Замок Берестейский» [81]. Пад агульнай рэдакцыяй У. Шпарло надрукавана кніга «Брест. Мгновения спрессованы в столетия» [82]. Новыя архіўныя дакументы, ілюстрацыйны і графічны матэрыял утрымлівае кніга А. Суворова «Брест. 1000. Истоки. Судьба. Наследие» [83].

Энцыклапедыя «Брест. 1000» (складальнік – А. Вабішчэвіч) [84] з’яўляецца наватарскім энцыклапедычным выданнем, што ўтрымлівае 14 раздзелаў: органы кіравання; гісторыя; адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел; насельніцтва; прырода; эканоміка; ахова здароўя; СМІ; грамадскія арганізацыі; рэлігія і царква; архітэктура і горадабудаўніцтва, помнікі і памятныя мясціны; фізічная культура, спорт і турызм; адукацыя, навука; культура. 28 ілюстраваных артыкулаў-развортаў на беларускай, рускай і англійскай мовах прадстаўляюць самыя вядомыя гістарычныя сімвалы Брэста, флагманы яго эканомікі, вядучыя ўстановы адукацыі (у т. л. БрДУ імя А. С. Пушкіна), культуры, буйнейшыя спартыўныя аб’екты і каманды, фестывалі. У кнізе змешчана каля 1 тыс. артыкулаў, з іх каля 400 біяграфічных.

Адлюстраванне Брэста на старажытных картах, планах можна пабачыць на старонках выдання «Белкартаграфіі» [85]. У. Кудрыцкі, А. Навіцкі падрыхтавалі кнігу пра дасягненні ў спорце [86], пісьменніца З. Дудзюк выдала храналогію Брэста [87].

Вельмі карыснымі для далейшых гісторыка-краязнаўчых даследаванняў з’яўляюцца віртуальныя падарункі. Дэпутаты Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь В. Папко, Л. Брыч, А. Дашко, В. Мілашэўскі пры падтрымцы Галоўнага ўпраўлення Нацбанка па Брэсцкай вобласці рэалізавалі праект – электронную копію кнігі Брэсцкага магістрата 1623–1626 гг., якая перададзена Брэсцкай цэнтральнай гарадской бібліятэцы імя А. С. Пушкіна. Віртуальную выставу да юбілею горада падрыхтаваў Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі [88].

Заклучэнне

У гісторыка-краязнаўчым вывучэнні г. Брэста можна вылучыць найбольш значныя перыяды: *сярэдзіна XIX – пачатак XX ст.* – у складзе дарэвалюцыйнай Расійскай імперыі (пачатак вывучэння Палесся і г. Брэста; павярхоўны агляд гісторыі; слабасць крыніцазнаўчай базы); *1921–1939 гг.* – у складзе Польшчы (у кантэксце ідэй «польскага рэгіяналізму»); *1939–1941, 1944–1991 гг.* – у складзе СССР (перавага надавалася вывучэнню гісторыі Брэста і Брэсцкай крэпасці-героя ў гады Вялікай Айчыннай вайны; станаўленне і развіццё літаратурнага, геаграфічнага, гістарычнага краязнаўства; абмежаванні ў доступе да архіўных матэрыялаў і інш.); з *1991 г.* – у межах Рэспублікі Бела-

русь (актывізацыя краязнаўчага руху; значнае пашырэнне тэматыкі даследаванняў; адкрыццё доступу да разнастайных крыніц). Гісторыка-краязнаўчымі даследаваннямі займаліся ва ўстановах адукацыі, бібліятэках, музеях і іншых установах, да іх далучыліся розныя грамадскія арганізацыі, прыватныя асобы.

Падводзячы вынікі гісторыка-краязнаўчага вывучэння г. Брэста, трэба выдзеліць найбольш актуальныя і перспектыўныя пытанні яго развіцця:

1. Далейшае сістэматычнае выяўленне, навуковая апрацоўка і ўвядзенне ў навуковы зварот дакументальных крыніц па гісторыі Брэста з фондаў архіваў, бібліятэк, музеяў Беларусі і замежных краін.

2. Падрыхтоўка фундаментальнай навуковай (абагульняючай) працы па гісторыі горада Брэста.

3. Навуковая распрацоўка асобных, слаба вывучаных тэм («белых плям»).

4. Падрыхтоўка актуальных прац па гісторыі асобных устаноў, прадпрыемстваў, арганізацый, сем'яў, біяграфій знакамітых людзей і інш.

5. Каардынацыя гісторыка-краязнаўчай працы (напрыклад, на базе гістарычнага факультэта БрДУ імя А. С. Пушкіна), стварэнне асобнага гісторыка-краязнаўчага сайта Брэсцкай вобласці (часопіса, альманаха).

6. Візуальна-знакавае пазначэнне (у т. л. віртуальнае) у гарадской прасторы «месцаў памяці», архітэктурных аб'ектаў мінулага, што не захаваліся да сучаснасці.

7. Вывучэнне гісторыі г. Брэста ў сярэдніх школах (факультатыў «Брэстазнаўства» і інш.).

8. Навучэнне і навукова-метадалагічная падрыхтоўка па краязнаўстве студэнтаў, будучых настаўнікаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Святы Афанасій, ігумен Брэсцкі : дыярыуш : жыццёапісанне прападобнаму-чаніка Афанасія, ігумена Брэсцкага : аповесць пра пакуты і смерць айца Афанасія Філіповіча. – Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, 2018. – 59 с.

2. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – СПб., 1858. – 242 с.

3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами штаба: Гродненская губерния : в 2 ч. / сост. П. О. Бобровский. – СПб. : Тип. департамента Генер. штаба, 1863. – Ч. 1. – 870 с. ; Ч. 2. – 1076 с.

4. Памятные книжки Гродненской губернии (1847–1915) [Электронный ресурс] / Нац. б-ка Беларуси ; сост. Т. В. Дробышевская ; под науч. ред. Т. В. Кузьминич. – Минск : НББ, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

5. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. III. Акты Брестского гродского суда XVI–XVIII вв. – Вильно : Тип. губерн. правления, 1870. – 435 с.

6. Полесье. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья (Северо-Западный и Юго-Западный край вообще и губернии: Минская, Гродненская, Волынская, Киевская и Могилевская в частности). – СПб. : Тип. Д. И. Шеметкина, 1883. – 275 с.

7. Паевский, Л. С. Город Брест-Литовск и его древние храмы (исторический очерк) / сост. Л. Паевский. – Гродно : Тип. губерн. правления, 1894. – 107 с.

8. Ир тегило, т. е. Славный город: история города Брест-Литовска. – Варшава : Тип. В. Тиля, 1886. – 224 с. (иврит).

9. История города Брест-Литовска. 1016–1907: по достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям / сост. Х. Зоненберг. – Брест-Литовск : Тип. И. Кобринца, [1907]. – 104 с.

10. Календарь-справочник гор. Брест-Литовска на 1913 год / сост. Я. М. Хмелевский. – Брест-Литовск : Тип. И. Кобринца, 1912. – 136 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908.
12. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
13. Mondalski, W. Brześć Podlaski (Brześć Litewski, Brześć nad Bugiem): zarys geograficzno-historyczny. – Turek : Wydaw. Regionalne, 1929. – 112 s.
14. Horoszkiewicz, R. Krótki zarys dziejów Brześcia n/B. / R. Horoszkiewicz. – Brześć nad Bugiem, 1926. – 16 s.
15. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Госполитиздат, 1956. – 477 с.
16. История Белорусской ССР : в 2 т. – Минск : Изд-во АН БССР, 1961. – Т. 1. – 701 с.
17. Вабішчэвіч, А. М. «Вечна будзеш ты малады, Брэст наш, квітнеючы горад!» : як адзначалася 950-годдзе Брэста / А. М. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 2019. – № 9. – С. 9–16.
18. Брест : ист.-экон. очерк / В. Я. Науменко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1977. – 177 с.
19. Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1985. – 395 с.
20. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1989. – 159 с.; 2-е изд., доп. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 181 с.
21. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; Беларус. Савет. Энцыкл. – Мінск : Беларус. Савет. Энцыкл., 1984. – 368 с.
22. Брест : энцykl. справ. – Минск : Беларус. Савет. Энцykl., 1987. – 407 с.
23. Несцярчук, Л. М. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі. Асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы / Л. М. Несцярчук. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 283 с.
24. Гістарычная і культурная спадчына Берасцейшчыны. – Брэст : Ред. Брест. обл. газ. «Заря», 2016. – 187 с.
25. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны Х–XX стагоддзяў : гісторыя, стан, перспектывы / Л. М. Несцярчук. – 2-е выд., дап. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – 334 с.
26. Монтвилов, М. В. Русская гимназия в Бресте на Буге. 1919–1939 / М. В. Монтвилов. – Ницца : Брест : Минск, 1996. – 119 с.
27. Ващукувна-Каменеца, Д. Брест – город незабываемый / Д. Ващукувна-Каменеца. – Брест : Изд-во С. Лаврова, 2000. – 283 с.
28. Памяць. Брэст : гіст.-дакум. хроніка : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1997–2001. – Кн. 1. – 1997. – 574 с. ; Кн. 2. – 2001. – 685 с.
29. Аўтарская праграма ўрокаў «Бярэсцезнаўства» (пачатковая школа) / Брэсц. абл. ін-т павышэння кваліфікацыі і перападрыхт. кіруючых работнікаў і спец. адукацыі. – Брэст : Выд. дом С. Лаўрова, 2001. – 59 с.
30. Краязнаўства Берасцейшчыны: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы «круглага стала», 12 снеж. 2006 г. – Брэст : БрДУ, 2007. – 56 с.
31. Брестский областной краеведческий музей / сост. Н. М. Кириллова. – Брест : Брест. тип., 2018. – 66 с.

32. Рабочая паездка ў Брэст. 6 верасня 2019 г. [Электронны рэсурс] // Афіцыйны Інтэрнэт-партал Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochaja-poezdka-v-brest-21949/. – Дата доступу: 10.09.2019.
33. Смирнов, С. Крепость над Бугом / С. Смирнов. – М. : Искусство, 1956. – 117 с.
34. Смирнов, С. Брестская крепость : краткий очерк героической обороны 1941 года / С. Смирнов. – М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1957. – 167 с.
35. Смирнов, С. Герои Брестской крепости / С. Смирнов. – М. : Молодая гвардия, 1961. – 236 с.
36. Смирнов, С. С. Собр. соч. : в 3 т. / С. С. Смирнов. – М. : Молодая гвардия, 1973. – Т. 1 : Брестская крепость ; Крепость над Бугом. – 528 с.
37. Смирнов, С. С. Брестская крепость : к 70-летию Победы / С. С. Смирнов. – М. : Terra : Книж. клуб Книгобек, 2015. – 459 с.
38. Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI стагоддзя: новыя даследаванні і матэрыялы = Biblia Brzeska – unikatowy zabytek kultury XVI wieku: nowe badania i materiały. – Мінск : Паліграфкамбінат імя Я. Коласа, 2015. – 272 с.
39. Брэст в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост.: А. Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.] ; редкол.: Е. С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брэст : Альтернатива, 2009. – 306 с.
40. Брэст в 1939–1941 гг.: документы и материалы / сост.: А. Г. Карапузова [и др.]. – Брэст : Альтернатива, 2012. – 245 с.
41. Брэст в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы / сост.: А. Г. Карапузова [и др.]. – Брэст : Альтернатива, 2016. – 313 с.
42. Пасланец Праметэя : кніга пра Уладзіміра Калесніка / уклад.: З. М. Калеснік [і інш.]. ; рэдкал.: Г. М. Праневіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст : БрДУ, 2007. – 387 с.
43. Ляшук, В. Я. Літаратурнае краязнаўства ў школе / В. Я. Ляшук. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 150 с.
44. Ляшук, В. Я. Літаратура Берасцейшчыны / В. Я. Ляшук, Г. М. Снітко. – Брэст : Выд. Лаўроў, 1999. – 373 с.
45. Літаратурная Берасцейшчына : краязн. нарысы, партр., арт. / В. Я. Ляшук, Г. М. Снітко. – Мінск : Лит. и Искусство, 2008. – 319 с.
46. Літаратурная карта Берасцейшчыны. – Брэст : Брэсц. друкарня, 2008. – 567 с.
47. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна: старонкі гісторыі / пад агул. рэд. М. Э. Часноўскага. – Брэст : БрДУ, 2005. – 251 с.
48. Ад настаўніцкага інстытута да ўніверсітэта: этапы станаўлення БрДУ імя А. С. Пушкіна / У. В. Здановіч [і інш.]. ; рэдкал.: Г. М. Сендзер (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст : БрДУ, 2015. – 77 с.
49. Розенблат, Е. С. «Жизнь и судьба» Брестской еврейской общины XIV–XX вв. / Е. С. Розенблат. – Брэст, 1993. – 84 с.
50. Мешечко, Е. Н. Географическое краеведение : учеб. пособие / Е. Н. Мешечко. – Минск : Выш. шк., 1986. – 144 с.
51. Мешечко, Е. Н. Географическое краеведение : учеб. пособие / Е. Н. Мешечко. – Минск : Экоперспектива, 2002. – 335 с.
52. Мешечко, Е. Н. Краеведение : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Мешечко. – Брэст : БрГУ, 2011. – 298 с.
53. Атлас крепости Брест-Литовск : в 3 т. – Брэст : Фонд развития Брест. крепости, 2017. – Т. 3 : Фортированный период (1876–1915). – 287 с.
54. Гароды і вёскі Беларусі : энцыклапедыя : у 15 т. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : БелЭН, 2004–2019. – Т. 3, кн. 1 : Брэсцкая вобл. – 2006. – 525 с.

55. Регионы Беларуси : энциклопедия : в 7 т. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2009–2019. – Т. 1 : Брестская область : в 2 кн. – 2009. – Кн. 1. – 518 с. ; Кн. 2. – 487 с.
56. Трацяцк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяцк. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 208 с.
57. Черемин, А. А. Брест. История приграничного города (X–XXI вв.) / А. А. Черемин. – М. : Первый том, 2017. – 383 с.
58. Город и замок Брест Литовский / А. В. Воробей, А. В. Жарков. – Брест : БрГТУ, 2018. – 163 с.
59. Бешанов, В. В. Брестская крепость / В. В. Бешанов. – 2-е изд., доп. – Минск : Беларусь, 2005. – 159 с.
60. Брестская крепость. Война и мир / авт. концепции и текста А. М. Суворов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Брест : Полиграфика, 2015. – 255 с.
61. Брестская крепость на ветрах истории / авт. концепции и текста А. М. Суворов. – Брест : Ред. журн. СЭЗ, 2004. – 151 с.
62. Брест. Лето 1941 г.: документы, материалы, фотографии / сост.: К. Ганцер [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 727 с.
63. Надписи и рисунки на стенах Брестской крепости / И. Н. Чайчиц [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2018. – 51 с.
64. Гребенкина, А. А. Брест непокоренный: антифашистское подполье г. Бреста и Брестского района в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / А. А. Гребенкина. – Минск : БелЭн, 2005. – 311 с.
65. Гребенкина, А. А. Живая боль: женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944) / А. А. Гребенкина. – Минск : Беларусь, 2008. – 173 с.
66. Кез, И. В. Руководствуясь военным положением: спецгруппы НКГБ БССР в тылу врага. Западная Белоруссия. 1941–1944 гг. / И. В. Кез. – Брест : Альтернатива, 2017. – 206 с.
67. Кез, И. В. Противостояние: Западная Белоруссия. Управления НКВД (НКГБ) – МГБ БССР по Брестской, Пинской и Барановичской областям, 1939–1954 / И. В. Кез. – Брест : Альтернатива, 2019. – 283 с.
68. От Берестья до Бреста из века в век / В. Мороз, В. Ежелов. – Брест : Академия, 2004. – 229 с.
69. Мароз, В. Драўляныя сакральныя помнікі Берасцейшчыны : нарысы гісторыі, археалогіі і культуры / В. Мароз. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2018. – 511 с.
70. Брест. На перекрестке дорог и эпох: 1019–2009 / авт. концепции и текста А. М. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2009. – 239 с.
71. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени : в 6 кн. / В. В. Сарычев. – 2-е изд., испр. – Брест, 2010–2016. – Кн. 1. – 2010. – 305 с. ; Кн. 2. – 2015. – 303 с. ; Кн. 3. – 2016. – 295 с.
72. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени : в 6 кн. / В. В. Сарычев. – Брест, 2010–2017. – Кн. 4. – 2011. – 297 с. ; Кн. 5. – 2013. – 297 с. ; Кн. 6. – 2017. – 293 с.
73. Брест. Московский район: портрет на фоне времени / авт. концепции и текста А. М. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2013. – 207 с.
74. Историческое сердце Бреста. Ленинский район: 40 лет / авт. текста Н. Васюк. – Брест : Вечер. Брест, 2018. – 101 с.
75. Кудрицкий, В. Н. Наша история: 40-летию Брестского государственного технического университета посвящается (1966–2006 гг.) / В. Н. Кудрицкий. – Брест : БрГТУ, 2006. – 239 с.
76. Купцова, В. Г. Я иду по городу, по знакомой улице...: путешествия по улицам довоенного и современного Бреста / В. Г. Купцова. – Брест : Альтернатива, 2007. – 247 с.

77. Мешечко, Е. Н. Брест сегодня. Их именами названы улицы города : путеводитель / Е. Н. Мешечко. – Брест : Брест. тип., 2016. – 174 с.
78. Улицы Бреста рассказывают... / Л. Илларионова [и др.] ; под общ. ред. П. Н. Тишука. – Брест : Вечер. Брест, 2008. – 139 с.
79. Симфония еврейских судеб Брестчины: книга об именитых земляках / сост. В. Глазов. – Брест : Брест. тип., 2015. – 159 с.
80. 1000-годдзе Брэста: праз прызму старадаўніх дакументаў [Электронны рэсурс] / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Брэсцкая абласная бібліятэка імя М. Горкага, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ; склад.: І. У. Градоўкіна [і інш.] ; аўт. навук. арт.: Н. Ю. Бязозкіна, А. М. Латушкін ; навук. рэд. Т. В. Кузьмініч. – Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2019. – 1 электрон. апт. дыск (DVD).
81. Гладышук, А. А. Замок Берестейский : в 3 кн. / А. А. Гладышук. – Гродно : ЮрСаПринт, 2017–2019. – Кн. 1 : Русь. – 2017. – 288 с. ; Кн. 2 : Литва. – 2018. – 312 с. ; Кн. 3 : Res Publica. – 2019. – 239 с.
82. Брест. Мгновения спрессованы в столетия / Ю. Рубашевский [и др.] ; гл. ред. В. Шпарло. – Брест : Вечер. Брест, 2019. – 144 с.
83. Брест. 1000. Истоки, судьба, наследие / авт. текста А. М. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2019. – 320 с.
84. Брест. Брэст. Brest. 1000 / сост. А. Н. Вабищевич. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2019. – 456 с.
85. Брэст на старадаўніх картах і планах. – Мінск : Белкартаграфія, 2019. – 96 с.
86. Кудрицкий, В. Н. Город над Бугом: история, спорт, достижения / В. Н. Кудрицкий, А. А. Новицкий. – Брест : Брест. тип., 2019. – 204 с.
87. Дудзюк, З. І. Брэст : храналагічны даведнік / З. І. Дудзюк. – Брэст : Альтернатива, 2019. – 93 с.
88. Віртуальная выстава «Берестье/Bressicia/Брэст: пад стрэлкамі ратушнага гадзінніка» (да 1000-годдзя Брэста) [Электронны рэсурс] // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Рэжым доступу: <http://niab.by/newsite/ru/infarmacija-ab-vistave-brest-tisyachagoddze>. – Дата доступу: 12.10.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2019

Vabishchevich A. M. The State and Prospects of Studying the History and Local History of Brest (on the 1000th Anniversary of the City)

The author analyzed the study of history and local history of the city of Brest, which celebrated its 1000th anniversary in 2019. The article considers the most significant and original publications devoted to the history of Brest. The main periods in the study of the history of the city are highlighted, the characteristic features of each of the periods are indicated. A great contribution to the study of regional studies of the city was made by various educational institutions, including Brest State University named after A. S. Pushkin, cultural institutions, government, public organizations, intelligentsia. The author identified unresolved problems in the study of the history of Brest, outlined a number of proposals for the further development of research.

УДК 902.2:378(476.7)

А. А. Башкоў

*канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна
e-mail: bashkow@mail.ru*

АРХЕАЛАГІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ РЭЗІДЭНЦЫІ САПЕГАЎ У РУЖАНАХ ЭКСПЕДЫЦЫЯЙ БРДУ ІМЯ А. С. ПУШКІНА

Выкладзены асноўныя вынікі палявых даследаванняў археалагічнай экспедыцыі БрДУ імя А. С. Пушкіна на тэрыторыі рэзідэнцыі Сапегаў у г. п. Ружаны Пружанскага р-на Брэсцкай вобласці. Акцэнт зроблены на пачатак новага этапу археалагічнага вывучэння гэтага аб'екта. Вынікі экспедыцыйнай працы прадстаўлены ў храналагічным парадку, што дазваляе сфарміраваць уяўленні пра этапы назапашвання і сістэматызацыі здабытага археалагічнага матэрыялу на кожным аб'екце палацавага комплексу. Выказаны шэраг заўваг і меркаванняў адносна асаблівасцей архітэктуры, захаванасці рэшткаў першапачатковай рэзідэнцыі Сапегаў, а таксама матэрыяльнай культуры насельніцтва рэзідэнцыі ў перыяд Новага часу.

Уводзіны

Рэзідэнцыя Сапегаў у г. п. Ружаны з'яўляецца шэдэўрам архітэктуры барока і класіцызму другой паловы XVIII ст. Яе рэшткі размешчаны на ўсходняй ускраіне населенага пункта на трасе Ружаны – Косава. Гэты архітэктурны помнік узносіцца маляўнічымі руінамі над наваколлем і сваёй велічнасцю прымушае схіліць галовы перад магутнасцю магнатаў Вялікага Княства Літоўскага і талентам еўрапейскіх архітэктараў Яна Сігізмунда Дэйбля і Яна Самуэля Бэкера. З 2008 г. распачаліся працы па рэстаўрацыі і рэканструкцыі гэтага шыкоўнага помніка архітэктуры. Але за прыгожымі фасадамі ўзноўленых будынкаў сённяшняга музея хаваецца руплівая і цяжкая праца археолагаў, якія павінны крок за крокам адкрываць рэшткі некалі велічнага архітэктурнага комплексу. Даследаванні археолагаў сталі неад'емнай часткай працы архітэктараў-рэстаўратораў і будаўнікоў па вяртанні гістарычна аб'ектыўнага аблічча рэзідэнцыі Сапегаў.

Ружаны – населены пункт за 130 км на паўночны ўсход ад Брэста і за 45 км на паўночны ўсход ад Пружан [2, с. 531]. Згадваюцца Ружаны з канца XV ст. як уладанні Казіміра Ягелончыка. З XVI ст. яны пераходзяць да рода Тышкевічаў, а пазней Бруханскіх, якія прадаюць Ружаны Льву Сапегу ў 1598 г. [9, с. 244]. Да канца XVIII ст. Ружаны становяцца адной з важнейшых рэзідэнцый гэтага магнатскага роду.

На пачатку XVII ст. Львом Сапегам быў збудаваны двухпавярховы крыжападобны ў плане каменна-цагляны палац з трыма вежамі. Памяшканні на першым паверсе былі скляпеннымі, на другім – з бэлечнымі перакрыццямі. Пад палацам знаходзіліся двухпавярховыя падвалы. Акрамя вестыбюля і залы прыёмаў меліся жылыя пакоі, кабінет, архіў, бібліятэка. У 1698 г. падчас барацьбы Сапегаў і Агінскіх і пазней, у часы Паўночнай вайны 1700–1721 гг., палац быў моцна пашкоджаны. Аднак яго аднавілі: у 70–80-я гг. XVIII ст. палац быў перабудаваны пад кіраўніцтвам вядомага саксонскага архітэктара Яна Самуэля Бэкера і набыў рысы барока і класіцызму (былі ўзведзены сіметрычныя бакавыя карпусы, злучаныя з палацам аркадамі). Ва ўсходнім корпусе размяшчаліся тэатр і манеж, у заходнім – карцінная галерэя. Паралельна палацу па восі ўнутранага двара былі збудаваны арачная ўязная брама з прыбудаванымі з абодвух бакоў двухпавярховымі флігелямі (кардэгардамі). Аднак актыўна распачатае Аляксандрам Сапегам будаўніцтва рэзідэнцыі спыняецца пасля смерці яго жонкі Магдалены Любамірскай, і ён пакідае рэзідэнцыю. У пачатку XIX ст. рэзідэнцыя аддаецца ў арэнду яўрэйскаму роду Пінэсаў, якія разгарнулі тут ткацкую вытворчасць. Падчас Першай су-

светнай вайны комплекс быў часткова разбураны. Да 1944 г. ва ўсходнім корпусе размяшчалася ткацкая фабрыка, але пры адступленні нямецкіх войск сапегаўская рэзідэнцыя зноў моцна пацярпела. Аднак да 1965 г. у заходнім флігелі каля ўязной брамы дзейнічаў кафельны цэх [4, с. 3–5].

У канцы 80-х – пачатку 90-х гг. XX ст. былі зроблены спробы рэстаўрацыі палацавага комплекса. Так, Беларускі рэстаўрацыйна-праектны інстытут у 1989 і 1992 гг. правёў комплексныя навуковыя даследаванні, у склад якіх уваходзілі археалагічныя работы, неабходныя для вызначэння захаванасці падмуркаў збудаванняў і асаблівасцей іх канструктыўных элементаў, а таксама вывучэння культурных пластоў [3; 5–8].

У 2008 г. распачаліся працы па рэстаўрацыі ўязной брамы з далейшым узнаўленнем флігеляў, якія прымыкалі да яе, а таксама рэстаўрацыяй і ўзнаўленнем тэатральнага корпуса. Гэта абумовіла актуальныя мэты працы спецыялістаў-археолагаў з Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна – даследаванне ўнутранай прасторы ўсходняга і заходняга флігеляў уязной брамы і тэатральнага корпуса. У арганізаваных экспедыцыях актыўны ўдзел бралі студэнты гістарычнага факультэта як у межах выязной археалагічнай практыкі, так і ў пазавучэбны час у якасці валанцёраў.

У выніку даследаванняў археолагі ўстанавілі, што на працягу існавання флігеляў яны неаднаразова разбураліся і рэканструяваліся. З другой паловы XIX ст. па 50-я гг. XX ст. тут знаходзіліся вытворчыя майстэрні, што, у сваю чаргу, прывяло да значнага пашкоджання культурных пластоў і канструктыўных элементаў саміх будынкаў. У цэнтральнай частцы ўсходняга флігеля было знойдзена заваленае падвальнае памяшканне, якое існавала ў першай палове XX ст. Знойдзеныя там рэчы ўказваюць на тое, што яно выкарыстоўвалася з часоў Першай сусветнай вайны. Апроч таго, ва ўсходнім флігелі была знойдзена значная колькасць артэфактаў другой паловы XVIII ст.

У 2010 г. усходні флігель быў адрэстаўраваны. Перспектыўныя працы былі скіраваны на ўзнаўленне заходняга флігеля. У ходзе яго вывучэння было пацверджана, што да сярэдзіны XX ст. тут знаходзіліся вытворчыя майстэрні. Гэта прывяло да моцнага пашкоджання культурных пластоў. Верхнія пласты па ўсёй плошчы флігеля на глыбіні да 60 см былі перамяшаныя і насычаныя бітай цэглай і камянямі. На значнай плошчы захаваліся рэшткі бетонных і каменна-цагляных канструкцый першай паловы XX ст. Толькі ніжэйшыя пласты, якія захаваліся паміж гэтымі канструкцыямі, утрымлівалі матэрыялы канца XVI – XVIII стст. Тым не менш вывучэнне гэтых пластоў дазволіла даказаць існаванне на месцы ўзведзенага ў другой палове XVIII ст. заходняга флігеля больш ранейшага збудавання сапегаўскай рэзідэнцыі, якое адносіцца да XVII ст. Гэта стала галоўным археалагічным адкрыццём.

Археолагі зафіксавалі рэшткі каменна-цаглянай канструкцыі, знішчанай пажараў, верагодна, у выніку магнацкай міжусобицы канца XVII ст., сабралі таксама значную калекцыю артэфактаў гэтага перыяду. Унікальнасць дадзенай калекцыі ў тым, што яе керамічны матэрыял менавіта XVII ст. добра датуецца дзякуючы значнай колькасці манет са стратыграфічных пластоў. Усяго ў межах заходняга флігеля ўдалося прасачыць чатыры будаўнічыя перыяды:

I (канец XVI – пачатак XVII ст.) – наяўнасць некалі драўлянага збудавання, якое згарэла, пра што сведчыць спрэсаваная вугальная праслойка;

II (першая палова – канец XVII ст.) – драўлянае збудаванне на каменным падмурку з цаглянай падлогай;

III (другая палова XVIII ст.) – каменна-цаглянае збудаванне самога флігеля;

IV (першая палова XX ст.) – каменна-цагляныя і бетонныя збудаванні, узведзеныя ў ходзе перабудовы флігеля пад вытворчыя майстэрні.

Сёння ўсходні флігель эксплуатаецца як гістарычны музей, а фрагменты знойдзенага збудавання XVII ст. закансерваваны і прадстаўлены ў экспазіцыі адкрытага

музея. Менавіта гэта пабудова стала важнейшым адкрыццём, бо яна існавала з самага пачатку ўпарадкавання дадзенай тэрыторыі пад рэзідэнцыю Льва Сапегі. Гэта дае падставы з вялікай доляй верагоднасці меркаваць, што калі на глыбіні аднаго метра захаваўся сляды збудавання, якое некалі ўваходзіла ў склад комплексу рэзідэнцыі, то не выключана, што на шырокай пляцоўцы ўсяго Ружанскага палацавага комплексу залягаюць добра захаваныя культурныя пласты з рэшткамі першых збудаванняў сапегаўскай рэзідэнцыі XVII ст.

Але на гэтым «сюрпрызы» не скончыліся. На чарзе было археалагічнае вывучэнне тэатральнага корпуса Ружанскай рэзідэнцыі. Рэстаўратары паставілі перад археолагамі задачу ўскрыць заходнюю частку ўнутранай тэатральнай каланады і яе ўсходні край для ўдакладнення канструкцыйных элементаў каланады і фіксацыі стану яе захаванасці. Пачатковым пунктам працы археолагаў стала вывучэнне плана-праекта гэтага корпуса, зробленага Янам Самуэлем Бэкерам у 70-я гг. XVIII ст. Паводле плана, тэатральны корпус быў падзелены на тры часткі: паўночная частка збудавання ўяўляла сабой манеж для конных прагулак, у паўднёвай частцы размяшчаўся тэатр, з цэнтральнага, найменшага, памяшкання можна было трапіць у манеж і тэатр праз дзвярны праём і лесвіцу на другі паверх.

На плане Я. С. Бэкера дакладна пазначаны канструкцыі паўднёвай часткі корпуса, дзе размяшчаўся тэатр, у тым ліку і каланада, якая выконвала апорную функцыю для лоджый на балконах і канструкцыйных элементаў перакрыццяў. Каланада мела падковападобную форму, разгорнутую на поўдзень, з шаснаццаццю калонамі. Усярэдзіне «падковы» размяшчаўся партэр і аркестравая яма. Далей на поўдзень была сцэна і два аднолькавыя памяшканні па кутах будынка.

У ходзе праведзеных прац на тэрыторыі тэатральнага корпуса былі закладзены чатыры археалагічныя раскопы. У выніку былі ўскрыты і даследаваны фрагменты каменна-цаглянай канструкцыі, якая ўяўляла сабой цэльную падковападобную канструкцыю – унутраную каланаду тэатральнага памяшкання. Канструкцыя ўяўляла сабой дзевяць квадратных цагляных баз пад калоны з бакамі памерам 90 см. Усе базы калон былі аб'яднаны цаглянай сцяной. Цагляныя базы калон і сцяна, якая іх злучала, знаходзіліся на адзіным падмурку – падковападобным маналіце з дробных і сярэдніх камянеў, злучаных шчыльным вапнавым раствором. Высветлілася, што ўся канструкцыя ўскрытага фрагмента каланады змешчана ў пячаную падушку. Вышыня маналітнага падмурка, на якім узведзены базы калон, – 130 см.

Таксама была знойдзена каменна-цагляная канструкцыя на супрацьлеглым краі ўжо вядомай каланады. Гэта збудаванне з цэглы на каменна-вапнавым маналіце. Збудаванне ўяўляе сабой рэшткі тэатральнай лоджыі, абмежаванай з паўночнага і паўднёвага бакоў цаглянай сценкай. Падлога лоджыі была з цэглы, а яе плошча складала 15,75 м².

Ускрытыя фрагменты калоны даюць падставы рэканструяваць яе памеры і дакладнае размяшчэнне. Гэта дазволіць архітэктарам-рэстаўратарам з улікам адкрыццяў археолагаў правесці карэкціроўку праектнай дакументацыі і пачаць рэстаўрацыйныя працы ўнутры будынка з улікам аб'ектыўнай карціны ўцалелых канструкцыйных элементаў тэатра [1, с. 61].

З 2017 г. пасля працяглага перапынку пачаліся падрыхтоўчыя працы па рэстаўрацыі і ўзнаўленні знешніх сцен тэатральнага корпуса. Стратэгія рэстаўратараў зразумелая – умацаваць знешні перыметр сцен, узвесці дах і пачаць працы па ўзнаўленні інтэр'ера тэатральнага корпуса. Неабходным элементам гэтых прац з'яўляюцца мерапрыемствы па ўзмацненні і гідраізаляцыі падмуркаў усяго будынка, які мае 78,44 м даўжыні і 17,34 м шырыні. Згодна з актуальным заканадаўствам Рэспублікі Беларусь, гэтыя працы на помніку, які мае статус гісторыка-культурнай каштоўнасці, павінны праводзіцца пад наглядом спецыяліста-археолага. Такім чынам, археалагічныя дасле-

даванні на тэрыторыі сапегаўскай рэзідэнцыі набылі кшталт археалагічнага надзору. На працягу восені 2018 г. ажыццяўляўся нагляд за землянымі працамі ўздоўж паўднёва-заходняга фасадаў тэатральнага корпуса сіламі спецыялістаў-археолагаў гіста-рычнага факультэта БрДУ імя А. С. Пушкіна.

Археалагічны надзор ажыццяўляўся за ходам выбаркі грунту з «захватак» (шурфы 1×3 м) для частковага і паслядоўнага адкрыцця падмуркаў з наступнай іх прамыўкай, прасушкай, узмацненнем і пакрыццём гідраізаляцыйным растворам. У выніку былі зафіксаваны канструктыўныя асаблівасці каменна-цагляных падмуркаў на вапнавым раствору. Былі зафіксаваны таксама асаблівасці ў канструкцыі будынка. У паўночна-ўсходнім куце будынка, з вонкавага боку, зафіксавана недакладнасць у падгонцы вонкавай сцяны ўсходняга фасада з падмуркам. Падмурак паступова выходзіць за межы нясучай сцяны па меры набліжэння да паўночна-ўсходняга кута будынка. Гэта можа сведчыць пра памылковасць разлікаў архітэктараў альбо будаўнікоў XVIII ст. Можна вельмі асцярожна выказаць меркаванне аб магчымым выкарыстанні падмуркаў больш ранніх па часе будынкаў, якія пазней былі адаптаваны пад канструкцыю тэатральнага корпуса. Аднак гэта будзе даказана альбо абвергнута пры далейшых археалагічных даследаваннях паўночнага і заходняга фасадаў будынка і яго ўнутранай прасторы.

Важным момантам праведзеных даследаванняў з'яўляецца фіксацыя культурных напластаванняў уздоўж паўночнага і ўсходняга фасадаў тэатральнага корпуса. Зафіксаваны добра захаваны культурны пласт на глыбіні аднаго метра ад дзённай паверхні. Гумусаваны чорны пласт магутнасцю ад 20 да 40 см багата насычаны артэфактамі XVII–XVIII стст., пашкоджаны пазнейшымі перакопамі каля паўночна-ўсходняга і паўднёва-ўсходняга куты. Яго магутнасць расце па меры прасоўвання на поўнач. Акрамя таго, ён некалькі разоў перарываецца рэшткамі пазнейшых будынкаў, узведзеных каля паўднёвага і ўсходняга фасадаў. Будынкi хутчэй за ўсё мелі гаспадарчае прызначэнне падчас функцыянавання вытворчых майстэрняў і суконнага прадпрыемства ў XIX – першай палове XX ст. Будынак, які далучаўся да ўсходняга фасада, стаяў на каменных падмурках і меў каля 10 м шырыні. Будынак каля паўднёвага фасаду стаяў на цагляных падмурках, быў пакрыты грубай дахоўкай (зафіксавана вялікая канцэнтрацыя бітай дахоўкі) і меў каля 5 м шырыні. На жаль, аб'ёмы ўскрытага грунту не дазволілі ўстанавіць дакладных памераў будынкаў.

Падчас археалагічнага вывучэння Ружанскай рэзідэнцыі Сапегаў былі праведзены трэнінгі-практыкумы для студэнтаў гістарычнага факультэта спецыяльнасці «Гісторыя (археалогія)» БрДУ імя А. С. Пушкіна. Выезды на аб'ект студэнтаў ажыццяўляліся паэтапна. Некаторыя ўдзельнікі экспедыцыі ўжо мелі вопыт валанцёрскай працы на археалагічных помніках Берасцейшчыны. Студэнты-археологі ўзялі актыўны ўдзел у архітэктурна-археалагічных даследаваннях тэатральнага корпуса Ружанскай рэзідэнцыі Сапегаў. Перад студэнтамі былі пастаўлены такія задачы, як зачыстка профіляў у архітэктурных «захватках» пры падмурках тэатральнага корпуса; фіксацыя стратыграфічных асаблівасцей культурных напластаванняў уздоўж паўднёвага і ўсходняга фасадаў тэатральнага корпуса; збор археалагічнага матэрыялу ў пашкоджаным падчас земляных прац культурным пласце. Важнай задачай студэнтаў быў маніторынг аб'ектыўнага стану захавання цэнтральнага будынка рэзідэнцыі і рэшткаў заходняга корпусу. Быў зроблены агляд руін цэнтральнага палаца, апісаны канструктыўныя асаблівасці памяшканняў і падвалаў. Былі абмеркаваны перспектывы далейшага вывучэння гэтага ўнікальнага архітэктурна-археалагічнага комплексу і ўдзелу ў іх студэнтаў-валанцёраў гіста-рычнага факультэта БрДУ імя А. С. Пушкіна.

Аналіз здабытага археалагічнага матэрыялу, які датуецца ў асноўным XVII–XVIII стст., паказвае на актыўнае функцыянаванне рэзідэнцыі ў акрэслены перыяд. Нешматлікія матэрыялы пазнейшага часу сведчаць аб заняпадзе свецкага жыцця на акрэс-

ленай тэрыторыі, што адпавядае гістарычным звесткам аб змене функцыянальнага прызначэння гэтага архітэктурнага комплексу – пераўтварэння яго ў вытворча-гаспадарчы цэнтр. Значная археалагічная калекцыя, багатая керамічным і шкляным посудам, будаўнічай керамікай і рэчамі паўсядзённага ўжытку, паказвае на блізкасць і пэўную ўніфікацыю матэрыяльнай культуры шляхецкай рэзідэнцыі з аналагічным археалагічным матэрыялам гарадоў і мястэчак XVII ст. Але з другой паловы XVIII ст. выразна прасочваецца адрозненне ў археалагічным матэрыяле, які пачынае паказваць сацыяльную статуснасць яе носьбітаў і, адпаведна, уладароў рэзідэнцыі ў Ружанах. Так, у культурных пластах з’яўляецца замежны шкляны, фарфаравы і фаянсавы посуд. Значная колькасць якаснай паліванай кафлі сведчыць аб шыкоўным унутраным убранстве палацавага комплексу. З’яўляецца багаты нумізматычны матэрыял шырокай геаграфіі з сярэбранымі і білонавымі экзэмплярамі.

Заклучэнне

Археалагічныя раскопкі на тэрыторыі сапегаўскай рэзідэнцыі ў Ружанах праводзіліся ў 2008, 2010, 2011 гг. Археалагічны надзор з удзелам студэнтаў спецыяльнасці «Гісторыя (археалогія)» БрДУ імя А. С. Пушкіна ажыццяўляўся ў 2018 г. Задачы, пастаўленыя рэстаўратарамі перад археолагамі, былі выкананы. Усе знойдзеныя канструкцыйныя элементы Ружанскага палацавага комплексу ўлічаны ў праектнай дакументацыі, часткова выкарыстаны і будуць далей выкарыстоўвацца ў рэстаўрацыйна-ўзнаўляльных працах. Сабраная ў ходзе археалагічных даследаванняў калекцыя артэфактаў папоўніла фонды Ружанскага музея і дазволіла даследчыкам прасачыць асноўныя этапы функцыянавання гэтага помніка на працягу чатырох стагоддзяў. Шэраг пытанняў, звязаных з існаваннем першай рэзідэнцыі Сапегаў у канцы XVI – першай палове XVIII ст., чакаюць свайго рашэння ў ходзе далейшых археалагічных прац на тэрыторыі гэтага ўнікальнага архітэктурна-археалагічнага помніка.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Башков, А. А. Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель : монография / А. А. Башков. – Брест : БрГУ, 2017. – 287 с.
2. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя : у 10 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004–2018. – Т. 3 : Брэсцкая вобласць. – 2007. – 608 с.
3. Здановіч, Н. І. Архітэктурна-археалагічныя доследы вежы XVI ст. палаца Сапегаў у мястэчку Ружаны летам 1992 г. / Н. І. Здановіч. – Мінск, 1992. – 39 с.
4. Историко-архивные и библиографические изыскания по южному корпусу / сост. В. Калнин // Памятник архитектуры XVII–XVIII вв. Дворцовый ансамбль в г. п. Ружаны Пружанского р-на Брестской области : комплекс. науч. изыскания. – Минск, 1990. – 35 с.
5. Комплексные научно-изыскательские работы. Восточный корпус. Альбом фотоиллюстраций / сост. А. Пенькевич, В. Синявский, А. Сухоцкий // Памятник архитектуры XVII–XVIII вв. Дворцовый ансамбль в г. п. Ружаны Пружанского р-на Брестской области : комплекс. науч. изыскания. – Минск, 1990. – 54 с.
6. Комплексные научно-изыскательские работы. Восточная аркада. Альбом фотоиллюстраций / сост. А. Пенькевич, В. Синявский, А. Сухоцкий // Памятник архитектуры XVII–XVIII вв. Дворцовый ансамбль в г. п. Ружаны Пружанского р-на Брестской области : комплекс. науч. изыскания. – Минск, 1990. – 27 с.

7. Комплексные научно-исследовательские работы. Восточный корпус / сост. А. Пенькевич, В. Синявский, А. Сухоцкий // Памятник архитектуры XVII–XVIII вв. Дворцовый ансамбль в г. п. Ружаны Пружанского р-на Брестской области : комплекс. науч. изыскания. – Минск, 1990. – 8 с. (чертежи).

8. Трусаў, А. Справаздача аб правядзенні архітэктурна-археалагічных даследаваннях у 1989 г. / А. Трусаў, І. Чарняўскі. – Минск, 1990. – 85 с.

9. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; ред. Т. Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск : Белорус. Энцикл., 2006. – 576 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.01.2019

Bashkou A. A. Archaeological Studies of the Residence of Sapiehas of Ruzhany Expedition by BrSU Named after A. S. Pushkin

The paper summarized the main results of archeological research in the residence of the sapiehas of Ruzhany, carried out in the context of the restoration and of the rescue (protected) research during the last decade. Some considerations on the further investigation of the previously known and new archaeological sites by the results of the archaeological research in this residence have been made.

УДК 323.2

Н. Х. Худайбердиева

*аспирант 3 года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
mail: nuriya.dzhan.09@mail.ru*

УСИЛИЯ ТУРЦИИ И ТУРКМЕНИСТАНА ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Раскрываются актуальные вопросы, связанные с безопасностью и охраной границ Туркменистана в 2000-е гг. Нестабильная региональная ситуация привела высшее руководство Туркменистана к необходимости пересмотреть свою политику в сфере безопасности. Наиболее привлекательным партнером в этом направлении стала Турция. Проанализированы результаты деятельности Турции и Туркменистана по недопущению дестабилизации, отмечаются факторы сближения этих стран в политической сфере. Выделены ключевые угрозы региональной стабильности: афганский фактор, война в Ираке, терроризм, исламизм, нерешенность каспийской проблемы. Обобщены и оценены достижения Анкары и Ашхабада по сохранению стабильности и безопасности в Центральной Азии в XXI в.

Введение

Актуальность изучения вопроса сотрудничества по сохранению и укреплению региональной безопасности между Туркменистаном и Турцией вытекает из усилий Ашхабада по доктринальному пересмотру вопросов контроля над вооружением, безопасности границ, противодействия терроризму, торговли наркотиками и других современных угроз. Комплекс этих угроз и ограниченность ресурсов для их преодоления привели Туркменистан к идее нейтралитета. Начиная с 1995 г. в основе внешнеполитической стратегии политика нейтралитета стала определяющей. Ашхабад поддерживает мир и безопасность, поступательное развитие и дружеские отношения со всеми государствами мира. Свой военно-политический курс туркменское государство выстраивает на принципе «позитивного нейтралитета». Это говорит о том, что Туркменистан не относится ни к одному из государств мира как к своему противнику, не примыкает ни к одному коллективному блоку, не примет на своей территории оружие другого государства, не применит оружие против другого государства, а также будет содействовать предотвращению войны и вооруженных конфликтов [1].

С первых дней обретения независимости в 1991 г. Туркменистан, как и другие постсоветские страны Центральной Азии, оказался объектом борьбы за влияние, развернувшейся между Россией, США, КНР, странами ЕС, Турцией, Пакистаном, Ираном и Индией. Эти акторы проявляли повышенную заинтересованность в контроле над транспортными возможностями страны, а также в извлечении выгоды от использования ее топливно-энергетических ресурсов. При дефиците средств и возможностей для военного сдерживания руководство Туркменистана постепенно приходило к осознанию необходимости оградить страну от влияния различных международных блоков и коалиций, найдя баланс в сотрудничестве со всеми державами.

Политические разногласия стран региона могли привести к началу борьбы между ними за сферы влияния, революциям («тюльпановая революция» в Кыргызстане), росту исламизма и сепаратизма, следовательно, к дестабилизации региона Центральной

Научный руководитель – Л. М. Хухлындина, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Азии (ЦАР). Именно по этой причине балансирование во внешней политике Туркменистана являлось наиболее выигрышной позицией для руководства страны, позволявшей Ашхабаду не попасть под влияние других государств.

Некоторое время нейтралитет Туркменистана играл положительную роль в доктрине безопасности страны, однако в 2000-е гг. в связи с событиями в Центральной Азии и на Ближнем Востоке Туркменистан оказался под нарастающим воздействием негативных тенденций, которые подталкивают руководство страны к пересмотру национальной и региональной ситуации в сфере безопасности. В первую очередь, это обострившаяся ситуация на границе с Афганистаном в начале XXI в., которая вызвала серьезную обеспокоенность у руководства Туркменистана. Стоит отметить, что в 1990-е гг. Ашхабад не выступил единым фронтом с Россией и другими центральноазиатскими странами против властей в Кабуле. Пытаясь стать посредником в сложной ситуации между оппонентами, Ашхабад в этой непростой роли стал свидетелем террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, военных действий в Афганистане, роста внешней террористической угрозы, появления на территории соседних государств новых террористических групп [2].

Все эти события привели к необходимости корректировки внешнеполитической стратегии Туркменистана, прежде всего к укреплению собственного военно-оборонительного потенциала при безусловном сохранении политики нейтралитета. В последние годы военные расходы Туркменистана непрерывно растут. В 2004 г. они составляли 165 млн долл. США, в 2011 г. увеличились до 210 млн долл. Приток выручки от продажи углеводородов Китайской Народной Республике позволил Туркменистану закупать военную технику (главным образом в Турции) [3].

Уже в первой половине 2000-х гг. при руководстве страной президентом С. Ниязовым началось перевооружение национальной армии. Наличие 850 км границ с Афганистаном, а также периодическое возникновение напряженности на других приграничных участках подтолкнули Туркменистан к необходимости уделять большее внимание пограничным войскам. Особенно остро стала ощущаться проблема нехватки и неподготовленности кадров [1]. Принятые по ее преодолению меры дали результаты. В настоящее время численность вооруженных сил Туркменистана составляет около 22 тыс. человек. Состоят вооруженные силы из сухопутных войск, ВВС и ВМФ [4]. Процесс перевооружения для Туркменистана имел тем большее значение и требовал особых усилий, поскольку в прошлом продукция военного назначения в Туркменской ССР не производилась, и после обретения независимости военно-промышленный комплекс страны не имел никакой базы.

По-прежнему в 2000-х гг. стратегия в военной сфере и области безопасности базировалась на безусловном отказе от участия в любых военных группировках и блоках. Этот фактор позволил стране сосредоточиться на укреплении обороноспособности и модернизации армии. Вплоть до 2011 г. Ашхабад не нуждался в принятии дополнительных конкретных мер по вопросам безопасности и охраны границ. Серьезные изменения начались после событий «арабской весны» 2011 г., когда Ближний Восток и Северная Африка оказались очагом роста и распространения террористической угрозы. Террористическая угроза нависла не только над странами этого региона, но и над Европой, Азией, США. Именно с этого периода начался новый этап сотрудничества Турции и Туркменистана в сфере безопасности. Турция в этих условиях превращается из дружественного партнера в приоритетного союзника.

Чем обуславливалось такое сближение? Во-первых, Турция является членом НАТО. В свете сложных событий в Афганистане и непредсказуемости их эскалации для Туркменистана в 2000-е гг. Ашхабад не раз заявлял о своей готовности активизировать свое партнерство с Альянсом. Во-вторых, Турция обладает богатым военно-про-

мышленным комплексом – является крупным поставщиком различных вооружений. В-третьих, Анкара – ключевой партнер центральноазиатских государств в вопросах подготовки кадров, в том числе и военных. В-четвертых, уже с начала 1990-х гг. Туркменистан стремился дистанцироваться от влияния Москвы, находя баланс в этом вопросе через сближение с Турцией. Кроме того, в 2000-е гг. США высказывали поощрение Турции за усиление ее позиций в регионе Центральной Азии [5]. Это было обусловлено необходимостью установления своего контроля в регионе, а также реализации энергетических проектов.

Одним из непосредственных результатов туркмено-турецкого сближения в 2010-е гг. стало превращение Анкары в ключевого партнера Туркменистана в военно-морской сфере. Импульс сотрудничеству в данной сфере придало подписание туркменскими властями контракта с турецкой фирмой «Dearsan Shipyard» на покупку 8 быстроходных патрульных кораблей (проект «New type patrol boat»). Данный тип кораблей предназначался для нужд подразделений береговой охраны Туркменистана. Контракт предусматривал также частичную передачу технологий производства данных кораблей туркменской стороне. Был разработан следующий план: блоки управления и вооружения кораблей производятся на верфях и предприятиях Турции, а окончательная сборка корпусов и монтаж основных систем – на специально созданном судостроительно-судоремонтном предприятии в п. Кенар Балканского веляята Туркменистана [6].

Во время ноябрьской встречи 2014 г. главы Туркменистана Г. Бердымухамедова и президента Турции и Р. Т. Эрдогана было уделено внимание вопросам региональной безопасности в контексте сложных событий в Афганистане. По мнению Р. Т. Эрдогана, ситуация в Афганистане представляла большую угрозу как для Турции, так и для Туркменистана. В частности, турецкая сторона уже многие годы выражала обеспокоенность нереализованностью проекта по строительству газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), обещающего Анкаре дивиденды. Непосредственным результатом той встречи стала договоренность об укреплении морской границы. Кроме того, в 2014 г. фирма «Dearsan Shipyard» заключила контракт с Туркменистаном на поставку 6 малых ракетных катеров, которые планировалось ввести в состав Военно-морской службы туркменского государства. Новые катера имеют усовершенствованную конструкцию и оборудование, их дальность плавания составляет 350 миль, а скорость – 35 узлов [7].

Турция традиционно придает большое значение кадровой политике в области подготовки и воспитания военных кадров [8]. Военное обучение некоторые туркменские офицеры стали проходить в Турции. Однако впоследствии руководство Туркменистана стало настороженно относиться к курсантам и студентам, обучающимся в Турции, так как спецслужбы страны подозревают их в связях с движением Ф. Гюлена. Особое опасение данное обстоятельство вызвало у туркменского руководства после того, как в силовых структурах страны было отмечено увеличение числа офицеров, исповедующих нетрадиционный ислам. Наличие влияния исламистов не отвечает позиции политического руководства Туркменистана.

В 2014 г. ситуация в Афганистане угрожала ухудшиться в связи с выводом оттуда вооруженного контингента Международных сил содействия безопасности, возглавляемых НАТО. Действительно, нестабильная ситуация в Афганистане привела к участившимся нападением афганских боевиков на приграничные с Туркменистаном территории. Зимой–летом 2014 г. в приграничных с Афганистаном районах были отмечены нападения на туркменские погранпосты. Ситуация вокруг Афганистана продолжала ухудшаться на протяжении 2014–2018 гг. Российский политолог А. Быков по этому поводу выстроил прогнозы, в которых указывал на возможность подготовки боевиками оперативных коридоров для прорыва через афгано-туркменскую границу [3].

Вопросом сохранения стабильности и безопасности в 2010-е гг. для Туркменистана оказались сложные отношения с Азербайджаном. Разногласия возникли вокруг распределения квот на транспортировку газа по будущему транскаспийскому трубопроводу. Благодаря посредническим услугам Турции конфликт между Ашхабадом и Баку удалось урегулировать, в результате началась реализация поставок туркменской нефти через нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Не утратила своей актуальности и проблема раздела Каспийского моря – установления в его акватории зон исключительных прав прикаспийских государств. Особенную остроту этот вопрос приобрел после начала иракской кампании США, в ходе которой в мире был отмечен рост антиамериканизма. Это непосредственно затрагивало и сферу безопасности Туркменистана, сохраняющего дружественные отношения с США и странами – членами НАТО. Как отметил И. В. Рыжов, рост антиамериканизма в прикаспийском регионе мог привести к дестабилизации ситуации, началу вербовки граждан прикаспийских стран в ряды боевиков в Ираке, распространению идей радикального ислама и другим негативным следствиям [9, с. 78].

Понятно, что кроме конфликта вокруг кампании США и их союзников в Ираке регион Каспийского моря нес в себе угрозу по причине сложной ситуации, связанной с поиском решения каспийского вопроса. Камнем преткновения в этом вопросе стали различные подходы прикаспийских государств к разграничению акватории моря. На протяжении 1990–2000-х гг. участники переговорного процесса постоянно изменяли свои подходы к решению данной проблемы. Неурегулированность данного вопроса оставалась самой актуальной региональной и межрегиональной проблемой XXI в., осложнявшей как ситуацию в сфере региональной безопасности, так и дальнейшую реализацию энергетических проектов, выгодных для Турции и стран – членов Европейского союза. В 2000-е гг. Турция последовательно реализовывала свои геополитические и экономические амбиции в регионе, что подразумевало необходимость выстраивания многоходовых механизмов взаимодействия со странами региона в области безопасности [10], инициирования различных интеграционных схем.

Попытки Анкары стимулировать интеграционные процессы в регионе обусловлены несколькими факторами. Во-первых, Турция считает, что сохранение региональной безопасности в ЦАР является ее неоспоримой заслугой. Во-вторых, стимулирование интеграционных процессов постепенно привело к закреплению ее роли «старшего брата» в Центральной Азии [21]. Эта роль четко прослеживалась в сфере поставок вооружений и боевой техники. В 2010-е гг. «Dearsan Shipyard» получила от Туркменистана заказы на поставку следующих комплексов для охраны государственной границы: 8 больших сторожевых катеров (проект New Type Patrol Boat) водоизмещением 400 т, 10 малых 15-метровых катеров типа АМВ (Барс-12), 27-метрового десантного катера типа LCM-1 и буксира [19]. Адресность военных закупок в XXI в. довольно ясно указывает на факт стратегического партнерства государства-поставщика и государства-покупателя. В феврале 2018 г. Государственная пограничная служба Туркменистана закупила у Турции современные боевые бронированные машины (ББМ) «Амазон» и «Уран». «Амазон» является машиной нового поколения и обеспечивает высокий уровень защиты от мин и самодельных взрывных устройств. Автомобиль, оборудованный 6-цилиндровым дизельным двигателем, способен развивать максимальную скорость до 110 км/ч. «Уран» рассчитан на перевозку до 9 человек, включая водителя, может преодолевать вброд водные преграды глубиной до 80 см [11].

Перевооружение туркменской армии оказалось весьма ктвоевременным, ибо совпало по времени с расширением влияния в регионе Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ/ДАИШ). В частности, в 2015 г. ИГИЛ активизировало свою деятельность в регионе, при этом часть новоиспеченных боевиков являлась бывшими участни-

ками Талибана [12]. Таким образом, военно-техническое и кадровое укрепление туркменской армии стало главным сдерживающим фактором распространения радикального исламизма в Туркменистане.

В 2010-е гг. для руководства Туркменистана стала очевидной не только необходимость перевооружения, но и нехватка профессиональных военных кадров. К тому же в условиях распространения локальных конфликтов изменился характер потенциальных военных действий, поэтому армия Туркменистана стала нуждаться в совершенно ином вооружении (например, в беспилотных летательных аппаратах) [13]. С учетом изменяющихся в ЦАР реалий Туркменистан в январе 2016 г. утвердил новую военную доктрину – систему принципов, целей и задач, направленных на определение военно-политических, военно-экономических и военно-стратегических основ обеспечения безопасности. Оценивая новый документ, глава Туркменистана подчеркнул, что военная доктрина страны направлена на защиту национальных интересов и гарантию ее военной безопасности [14]. На современном этапе развития Туркменистана наиболее явными внешними угрозами государственное руководство рассматривает возможное развязывание локальных и крупномасштабных войн, возникновение и распространение сепаратистских движений, усиление экстремизма, неконтролируемое распространение оружия массового поражения и средств его доставки, нарастание информационного давления извне [4].

Как отмечала российская «Независимая газета», еще с конца 2016 г. в район Марыйского велаята, наиболее нестабильного в стране, Министерство обороны перебросило офицеров запаса, а также резервистов. Стоит отметить, что Москва внимательно отслеживала эту ситуацию, а С. Лавров от имени МИД России выступил с предложением помощи Ашхабаду. Однако туркменское руководство отказалось от этой нее [15]. В вопросах поддержания безопасности предпочтение по-прежнему отдавалось Турции.

Несмотря на столь близкие отношения, сложившиеся у Туркменистана и Турции в области безопасности, в 2010-е гг. стало очевидно, что Анкара сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны Китая и России на туркменском пространстве. Имели место примеры, когда Туркменистан все же положительно отзывался на предложения Москвы и Пекина. Так, в 2016 г. во время масштабных учений в Туркменистане была продемонстрирована военная продукция китайского производства – зенитно-ракетная система FD-2000. В том же году Ашхабад заключил контракт военно-технического назначения с российским научно-производственным концерном «Техмаш». Тем не менее Чрезвычайный и Полномочный посол Туркменистана в Турции Ишангулы Аманлыев в октябре 2016 г. отметил, что Турция занимает особое место в системе международных связей Туркменистана [16].

Особое значение для руководства Туркменистана вопросы безопасности приобрели после Пятого каспийского саммита в казахстанском г. Актау 12 августа 2018 г., после которого президент страны Г. Бердымухамедов констатировал важность усиления безопасности в Каспийском регионе. С этой целью он поручил секретарю Государственного совета безопасности, министру национальной безопасности Я. Бердиеву и другим участникам Совета активизировать работу в данном направлении, разработать и принять дальнейшие меры по укреплению государственных границ [17].

В результате переговоров прикаспийских стран в августе 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. В соответствии с документом за Каспием закрепляется статус внутриконтинентального водоема, не имеющего связи с Мировым океаном, однако при этом из-за площади, состава воды, особенностей дна он не может считаться озером. Конвенция также определила порядок прокладки газопроводов по дну моря: для прокладки трубопровода необходимо согласие только тех стран,

по морской территории которых он проходит [18]. В определенной степени договоренность по Каспию знаменовала собой новый этап в сохранении стабильности в ЦАР.

Имея в виду проходящие процессы и поручение лидера государства, туркменский интернет-портал «TURKMENISTAN.RU» отмечает, что формирование подходов к проблеме обеспечения всеобщей безопасности у Туркменистана основывается на фундаментальной концепции Президента страны Г. Бердымухамедова, в основу которой положена идея целостности и неделимости страны и нации как в геополитическом смысле, так и с точки зрения взаимосвязанности конкретных аспектов [19].

Приходится также учитывать, что летом 2018 г. в афганской провинции Джауз-дан боевики ИГИЛ начали активные боевые действия против правительственных войск и полиции, в другой провинции Афганистана Бадгис афганская армия ведет военные действия против боевиков Талибана [20]. В целом в 2017–2018 гг. деятельность ИГИЛ в Афганистане активизировалась, что было обусловлено утратой им своих позиций в Сирии и Ираке. В связи с этим информационное агентство «Фергана» отмечает значительное усиление угрозы проникновения террористических групп на территорию Туркменистана [21].

В этих условиях Туркменистан, не снижая уровня сотрудничества с Турцией, в последние годы видит необходимость в военной сфере проводить политику расширения и диверсификации контактов. В результате по некоторым важным направлениям военного сотрудничества Туркменистан стал контактировать с КНР.

Сохраняет свои позиции и третий претендент на лидерство в вопросах туркменской безопасности – Российская Федерация. В частности, еще в июле 1992 г. Москва и Ашхабад заключили договор о совместных действиях в сфере обороны. Согласно данному документу, Россия выступала в качестве гаранта безопасности Туркменистана и передавала ей части бывшей Советской армии, находившиеся на территории республики [22]. Правда, в последующие годы туркменские власти чаще видели в данном договоре препятствие для укрепления собственной безопасности с опорой на Турцию, которая с первых дней формирования вооруженных сил Туркменистана стала соперничать за влияние в этой сфере с Россией.

Заключение

Таким образом, состояние национальных вооруженных сил и особенности региональных международных отношений подсказывало руководству Туркменистана идею совершенствования и реформирования своей системы безопасности при сохранении неизменности политики нейтралитета. Его приоритетным партнером в этой сфере стала Турция. Выбор Турции не был простым либо случайным, а обусловлен комплексом внутренних и внешних обстоятельств: историческими предпосылками сближения двух мусульманских государств, их экономической близостью, геополитическим потенциалом каждой из них, а также региональным влиянием и возможностями Анкары в сфере безопасности.

В сложных условиях сохранения стабильности в ЦАР в начале XXI в. Турция позиционировалась Туркменистаном как наиболее приоритетный партнер в сфере безопасности, имеющий необходимый опыт борьбы с террористической угрозой, как член НАТО, обладающий широкими возможностями в области производства вооружений и военной техники, подготовки военных кадров.

Закрепление позиции Турции в Туркменистане и регионе Центральной Азии в последние годы осложнялось ростом конкуренции за сферы влияния с Китаем, Ираном и Россией. Кроме того, некоторые европейские страны стремились занять выгодные позиции на рынке военно-промышленного комплекса Туркменистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, С. Полезная стратегия [Электронный ресурс] / С. Александров // Независимое военное обозрение. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/armament/2005-05-27/6_strategy.html. – Дата доступа: 29.10.2018.
2. Коргун, В. Афганский фактор в региональной геополитике [Электронный ресурс] / В. Коргун // Центральная Азия и Кавказ. – Режим доступа: https://cac.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/18.korgun.shtml. – Дата доступа: 29.10.2018.
3. Быков, А. Рынок вооружений Туркменистана: реалии и перспективы [Электронный ресурс] / А. Быков // Национальная оборона. – Режим доступа: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/armstrade/2015/0119/190914995/detail.shtml>. – Дата доступа: 29.10.2018.
4. Вооруженные силы Туркменистана [Электронный ресурс] // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/vooruzhennyye-sily-nejtralnogo-turkm/>. – Дата доступа: 29.10.2018.
5. Парамонов, В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии – внешние факторы [Электронный ресурс] / В. Парамонов // Центральная Азия и Кавказ. – Режим доступа: https://cac.org/journal/2000/journal_rus/cac07_2000/17.para-monov.shtml. – Дата доступа: 29.10.2018.
6. Турецкая компания ВМС поставила ВС Туркменистана ББМ «Амазон» и «Вуран» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2018/0306/131545714/detail.shtml>. – Дата доступа: 29.10.2018.
7. Туркмения получит турецкие малые ракетные катера [Электронный ресурс] // Хроника Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.hronikatm.com/2015/05/turkmeniya-poluchit-turetskie-malyie-raketnyie-katera/>. – Дата доступа: 29.10.2018.
8. Задонский, С. М. Подготовка военных профессионалов в Турецкой Республике [Электронный ресурс] / С. М. Задонский // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=7552>. – Дата доступа: 29.10.2018.
9. Рыжов, И. В. Проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона в контексте конфликтов на Ближнем Востоке (2003–2016 гг.) / И. В. Рыжов // Полит. ин-ты, процессы и технологии. – 2017. – № 2 (51). – С. 75–82.
10. Эксперт: США и Турция реализуют на Каспии концепцию передовых военных баз [Электронный ресурс] // Regnum. Информационное агентство. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1850239.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.
11. Турция укрепляет военно-техническое сотрудничество с Туркменистаном [Электронный ресурс] // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://caspgeo.ru/turtsiya-ukreplyaet-voenno-tehnicheskoe/>. – Дата доступа: 29.10.2018.
12. Карта и краткий обзор распространения «Исламского государства» в Афганистане [Электронный ресурс] // Военный обозреватель. – Режим доступа: <http://warson-line.info/afganistan/karta-i-kratkiy-obzor-rasprostraneniya-islamskogo-gosudarstva-v-afganis-tane.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.
13. Турция поможет Туркменистану в укреплении границы с Афганистаном [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/62023-turtsiya-pomozhet-turkmenistanu-v-ukreplenii-granicy-s-afganistanom.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.
14. В Туркмении утвердили военную доктрину [Электронный ресурс] // Риа-новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160125/1365105319.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.

15. Панфилова, В. Туркменских военных расстреливают на границе с Афганистаном [Электронный ресурс] / В. Панфилова // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2016-08-11/1_turkmenia.html. – Дата доступа: 29.10.2018.

16. Ковалев, В. И. О развитии отношений между Турцией и Туркменистаном [Электронный ресурс] / В. И. Ковалев // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=30258>. – Дата доступа: 29.10.2018.

17. Президент Туркменистана определил ключевые направления каспийской политики [Электронный ресурс] // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casprgeo.ru/prezident-turkmenistana-opredelil-klyuchevye-napravleniya-kaspijskoj-politiki-strany/>. – Дата доступа: 29.10.2018.

18. Is the Caspian a sea or a lake? [Electronic resource] // The Economist. – Mode of access: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2018/08/16/is-the-caspian-a-sea-or-a-lake>. – Date of access: 30.10.2018.

19. Стратегия мира и безопасности: объединяя усилия в противодействии терроризму [Электронный ресурс] / Turkmenistan.ru. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/43611.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.

20. Бойня в Афганистане: террористы рвутся на территорию СНГ [Электронный ресурс] // МК.RU. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2018/07/03/boynya-v-afganistane-terroristy-rvutsya-na-territoriyu-sng.html>. – Дата доступа: 29.10.2018.

21. Слабое звено. Справится ли Туркмения с вторжением боевиков [Электронный ресурс] // Фергана. Информационное агентство. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/9627>. – Дата доступа: 29.10.2018.

22. Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о сотрудничестве в сфере охраны государственной границы и о статусе военнослужащих пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Туркменистана, на переходный период // Бюл. междунар. договоров. – 1993. – № 9. – С. 15–28.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.11.2018

Khudayberdiyeva N. Kh. Turkey and Turkmenistan's Efforts for Conservation and Strengthening of Regional Stability at the Beginning of the XXI Century

Topical issues related to the security and protection of the borders of Turkmenistan are revealed. The unstable regional situation led the top leadership of Turkmenistan to the need to revise its security policy. The most attractive partner in this direction has become Turkey. The results of the activities of Turkey and Turkmenistan to prevent destabilization are analyzed; factors of rapprochement of these countries in the political sphere are noted. The key threats to regional stability are highlighted: the Afghan factor, the war in Iraq, terrorism, Islamism, the unresolved Caspian problem. The achievements of Ankara and Ashgabat on maintaining stability and security in Central Asia in the XXI century are summarized and evaluated.

УД К 94(100)(476) «1941/44»

Е. С. Розенблат

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: rozen-j@list.ru*

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ В 1941–1942 гг.

На основе разнообразных источников показано становление системы учета и регистрации еврейского населения западных областей Беларуси в начальный период оккупации, создание органов еврейского самоуправления (юденратов). Раскрыты идеологические и прагматические цели нацистской политики в отношении еврейского населения западных областей Беларуси.

Введение

Функционирование оккупационного режима на территории западных областей Беларуси было связано с деятельностью таких административных подразделений, как юденраты (еврейские советы) – органов самоуправления еврейских общин, целью создания которых было обеспечение выполнения приказов немецких военных, полицейских и гражданских властей, касающихся евреев. Одной из важнейших задач, возложенных на юденраты, стала регистрация и концентрация еврейского населения в городах и местечках западных областей Беларуси.

В статье раскрыты цели и методы создания юденратов, компетенции еврейских советов, показан процесс проведения регистрации еврейского населения в 1941–1942 гг.

Организация еврейского самоуправления на оккупированной территории

По мере продвижения вглубь советской территории и установления оккупационного режима в захваченных областях немецкие власти оперативно разворачивали систему, при которой можно было опираться на административные структуры, сформированные из местных жителей. С помощью таких «представительных» органов можно было обеспечивать информационное взаимодействие между оккупационными властями и населением оккупированных территорий: с одной стороны, в кратчайшие сроки собирать нужную информацию о ситуации на местах, без чего невозможно было полноценно осуществлять контроль и управление, а с другой стороны, срочно доводить до сведения населения приказы и распоряжения оккупационных властей.

Установление оккупационного режима в западных областях Беларуси летом 1941 г. повлекло за собой создание юденратов как связующего звена между оккупационными властями и еврейским населением. Подобная система формирования органов еврейского самоуправления была уже апробирована на территории оккупированной Польши. Методы создания юденратов были различными. Во многих случаях оккупационные власти предлагали авторитетному представителю еврейской общины сформировать юденрат (так было в Столине), иногда ответственность за создание еврейского совета возлагалась на местных раввинов (Белосток) или на случайного человека (Бытень). В некоторых городах инициатива исходила от еврейской общины, если находились добровольцы, которые брали на себя функции посредников между оккупационными властями и евреями (Кобрин). В Клецке несколько активистов по собственной инициативе организовали еврейский комитет помощи, позднее преобразованный в юденрат. Далеко не всегда процесс создания еврейского совета проходил гладко: в Пружанах оккупационные власти не утвердили поданного списка членов юденрата и сами назначи-

ли его состав. Известны примеры, когда евреи после назначения в состав юденратов отказывались сотрудничать с оккупантами (Бережа-Картузская, Пинск) [1, с. 16, 21, 24].

Во многих случаях юденраты создавались в первые недели оккупации, когда на захваченных территориях еще не было гражданских органов, поэтому контроль за организацией и деятельностью еврейского самоуправления осуществляли военные власти. 18 июля 1941 г. руководством айнзатцкоманды 8 Бема, действовавшей при полевой комендатуре № 815, был назначен еврейский совет г. Гродно [2, л. 23–24]. Юденраты должны были быть сформированы в сжатые сроки, о чем свидетельствует такой пример: 30 июля 1941 г. военный комендант г. Пинска капитан Генперт обязал бургомистра города немедленно организовать юденрат. Руководство юденрата – председатель и его заместитель – обязаны были не позднее 1 августа 1941 г. представить на утверждение городского коменданта и согласование полиции безопасности список членов юденрата из 24 человек, постоянных жителей г. Пинска [3, л. 56].

Существовали определенные «стандарты» при создании органов еврейского самоуправления. Согласно административному распоряжению командующего тылом группы армий «Центр», юденраты должны были состоять из 12 членов при численности еврейского населения до 10 тыс. человек и 24 – при численности свыше 10 тыс. На практике эта норма соблюдалась редко, например, в г. Браславе, где еврейская община насчитывала 1 470 человек, еврейский совет был сформирован из 14 человек, а всего в штате Браславского еврейского управления числилось 77 человек [4, л. 6]. В некоторых населенных пунктах были организованы юденраты, в состав которых входило всего несколько человек (Антополь, Погост-Загородский, Новогрудок, Дисна). В западных областях Беларуси юденраты создавались практически во всех населенных пунктах, где существовали еврейские общины. Еще до организации гетто еврейские советы действовали в Бресте, Кобрине, Лиде, Слониме, Воложине, Барановичах, Браславе, Опсе, Глубоком, Иодах и др.

Деятельность юденратов, их компетенция и ответственность перед оккупационными и военными властями строго регламентировались нормативными документами. Юденрат обязан был строго исполнять приказы немецких военных и полицейских властей. В вопросах осуществления распоряжений органов управления председатель еврейского совета (Obmann) обладал значительными властными полномочиями. В обязанности еврейского населения входило безусловное выполнение указаний председателя. Однако обращения еврейских советов к еврейскому населению перед их опубликованием должны были пройти утверждение в магистрате и комендатуре.

Председатель юденрата и члены еврейского совета несли личную ответственность за исполнение распоряжений оккупационных властей в указанный срок. В случае выступлений внутри еврейской общины, направленных против немецких властей и их распоряжений, военные и городские коменданты могли применять меры наказания, включая смертную казнь, в отношении не только виновных лиц, но и членов еврейского совета. Таким образом, устанавливалась личная заинтересованность сотрудников еврейского самоуправления в неукоснительном соблюдении своих «служебных» обязанностей. В городах, где были созданы два гетто (Гродно), действовали два юденрата, Obmann одного из них считался старшим и представлял оба гетто перед властями.

Юденрат формально был объявлен органом самоуправления еврейской общины, но фактически являлся административным органом – одним из звеньев вертикальной системы власти. Главной целью создания еврейского совета было не обеспечение интересов еврейской общины, а выполнение приказов немецких военных, полицейских и гражданских властей, касающихся евреев. Контакты еврейского самоуправления с оккупационными властями осуществлялись через порядковые подотделы при админист-

ративных отделах городских и районных управлений, в чью компетенцию входило разрешение вопросов, касающихся еврейского населения [5, л. 7].

Воспоминания узников гетто, а также анализ сохранившихся списков юденратов Пинска, Бреста и Гродно показывают, что в состав еврейских советов входили достаточно влиятельные лица в возрасте, как правило, старше 50 лет: представители интеллигенции (учителя, врачи, аптекари, адвокаты и др.) – от 30 до 60 % состава, торговцы – от 25 до 40 % состава, владельцы мелких производств и ремесленники – около 15 % [6, л. 7; 7, л. 23, 24]. В некоторых населенных пунктах (Радошковичи) председателями юденратов назначались раввины [8, л. 218–221].

Юденрат имел собственную структуру, являясь, подобно другим гражданским органам самоуправления, сформированным из местных представителей, сложным многоотраслевым учреждением. Так, юденрат Пинска включал в себя десять отделов: труда, административно-хозяйственный, финансовый, юридический, социальной опеки, статистики и регистрации, агрономический, гражданского состояния, похоронное бюро и арбитражную комиссию [9, л. 1; 10]. Для технического обеспечения работы отделов юденрата при нем была создана канцелярия, в которой работало не менее 70 человек. Аналогичную структуру имели и другие юденраты, действовавшие в городах и местечках западных областей Беларуси. Так, в Пружанском юденрате было 15 отделов, в Гродненском – 13 [1, с. 52].

Основными направлениями деятельности юденратов являлись:

- 1) учет и регистрация евреев, размещение прибывавших лиц (в случае прибытия переселенцев);
- 2) организация сбора и передачи оккупационным властям ценностей, предметов домашнего обихода, контроль за соблюдением штрафных санкций;
- 3) контроль за трудовой дисциплиной и исполнение предписаний об участии евреев в принудительных работах;
- 4) обеспечение еврейского населения продовольствием и топливом;
- 5) организация и содержание медицинских учреждений, а также осуществление социальной опеки;
- 6) поддержание общественного порядка и внутриобщинного судопроизводства.

Учет и регистрация еврейского населения

Одним из первых мероприятий, непосредственное участие в котором приняли юденраты, была регистрация еврейского населения, проводившаяся оккупационными властями. Процедура изучена на основании сохранившихся документов по г. Пинску. Распоряжением коменданта Пинска обязательная регистрация еврейского населения города проводилась с 1 по 15 августа 1941 г. Регистрации подлежали лица старше 16 лет. В ходе регистрации в паспортах советского образца ставился красный штампель с текстом на немецком, русском и польском языках: «Владелец этого удостоверения является евреем. Привлечен к порядку, явился в еврейский совет г. Пинска». Данные о детях и подростках до 16 лет вписывались в документы одного из родителей или законных опекунов. Нарушителям паспортного режима грозило суровое наказание: уклонявшиеся от регистрации горожане лишались прав на получение работы, а с введением карточной системы – и продуктов питания. По итогам регистрации юденрат предоставлял в магистрат списки еврейских рабочих, ремесленников, врачей и других специалистов. Регистрация нееврейского населения проводилась Пинским городским управлением по завершении регистрации еврейского населения – с 15 по 30 августа 1941 г.

Проводимая регистрация имела как дискриминационные, так и чисто прагматические цели – выделение среди еврейского населения профессиональных групп и определение возможностей их максимального использования. В некоторых городах в ходе

проведения регистрации и паспортизации евреям выдавались удостоверения личности, в которых стояли особые пометки, свидетельствующие о «степени полезности» владельца документа новому режиму. В Слониме евреев разделили на «полезных», «менее полезных» и «бесполезных», выдав им удостоверения соответственно с красным, зеленым и желтым штампами. К первой (высшей) категории принадлежали сотрудники юденрата, еврейской полиции, медики и ремесленники; ко второй – работающие евреи; к третьей – иждивенцы (старики, больные, инвалиды, нетрудоспособные и некоторые евреи, имевшие высшее образование) [11, с. 52].

Процедура регистрации еврейского населения предусматривала заполнение специальных бланков, в которых указывались персональные сведения о лицах, проходивших регистрацию. В Бресте в ходе регистрации евреи заполняли специальные формуляры (протоколы паспортизации). На двустороннем листе указывались фамилия, имя, имена родителей, пол, год и место рождения, род занятий, вероисповедание. Особые пометки касались сведений о том, является ли гражданин постоянным или временным жителем города, имена и года рождения его детей. Протокол паспортизации содержал фотографию, отпечаток пальца и личную подпись протоколируемого. В сентябре 1941 г. в Пинске началась выдача удостоверений личности еврейскому населению со специальным красным штампом на обложке «Jude». На территории генерального округа «Волынь-Подолія» рейхскомиссариата «Украина», куда была включена часть территории современной Брестской области с городами Брест, Пинск, Кобрин, Лунинец и др., регистрация еврейского населения была закончена к декабрю 1941 г., но выдача удостоверений личности евреям продолжалась и в начале 1942 г. Вероисповедание не имело значения. Евреи, официально принявшие католическую или православную веру, равно как и атеисты, регистрировались как евреи со всеми соответствующими отметками в документах. Аналогичный порядок и сроки проведения регистрации и паспортизации еврейского населения существовали и в других районах Западной Беларуси.

Приведенные факты свидетельствуют о дискриминационном характере политики оккупационных властей в отношении еврейского населения. В удостоверениях личности, выдававшихся нееврейскому населению, также в специальной графе указывалась национальность (украинец, белорус, русский, поляк и т. д.), однако особых визуальных пометок документы не имели (надпись о национальной принадлежности не выделялась цветом, размером и не выносилась на обложку). Таким образом, особое оформление выдававшихся евреям документов личности свидетельствовало о «специфической» политике оккупантов по отношению к этой группе населения. Учет и регистрация еврейского населения были призваны отделить эту категорию граждан от остальных местных жителей, не дать им возможности «затеряться» среди других национальностей, зафиксировать численность и состав еврейского населения, определить принадлежность каждого еврея к определенной дискриминируемой группе.

Одновременно с регистрацией городского населения собирались сведения о жителях сельской местности. Старосты деревень предоставляли властям списки местных евреев с указанием фамилии, имени, возраста, специальности и семейного положения. Руководители городов, районов и волостей подавали в окружные комиссариаты обобщенные статистические данные о национальном составе населения подведомственной территории. В сельской местности паспортизация еврейского населения имела свои нюансы. Вследствие ограниченных технических и организационных возможностей евреи могли получать удостоверения личности, в которых отсутствовали фотография и особый штамп о принадлежности к еврейской национальности (Новомышский район Барановичского округа). Таким образом готовились акции по уничтожению евреев или переселению их в гетто более крупных населенных пунктов.

Юденраты на протяжении всего времени существования еврейских общин производили регистрацию количественных и качественных изменений состава еврейского населения – фиксировались данные о рождаемости, смертности, выезде и прибытии евреев, потере трудоспособности и т. д. Все сведения из статистических отделов еврейских советов передавались в районные, городские и окружные комиссариаты.

Подавляющее большинство еврейского населения западных областей Беларуси было сконцентрировано в крупных городах – промышленных и административных центрах округов. Например, в Бресте проживало 75 % еврейского населения округа, в Гродно – 67,3 %. В сельской местности евреи в среднем составляли менее 1 % населения. Так, по данным на осень 1941 г. на территории Сморгоньского района (в том числе и в городе) проживало 2 603 еврея, что составляло 4,2 % населения района, в Лунинецкой волости – 349 евреев (1,7 % всего населения волости), в Беницкой волости Молодеченского района – 183 еврея (4,3 %), в Савлевской волости того же района – 9 евреев (0,5 %), в Нагорновской волости Клецкого района – 26 евреев (0,6 %), в Лисковской волости того же района – 13 евреев (0,4 %). Более высокий удельный вес еврейского населения в отдельных волостях связан с наличием в них местечек, значительную часть жителей которых составляли евреи. Например, в Синявской волости Клецкого района евреи составляли 12,7 % населения (в м. Синявка проживало более 600 евреев), в Лебедевской волости Молодеченского района – 15,8 % (в м. Лебедево насчитывалось около 800 евреев) [16, л. 25–26].

По данным комиссара Брест-Литовского округа от 24.03.1942 и магистрата г. Бреста от 05.06 1942 в г. Бресте насчитывалось 17 808 евреев (34,8 % горожан). Остальные 5 990 евреев, проживавших в Брестском округе, составляли 4,6 % населения. В целом на территории округа проживало 23 798 евреев, что составляло 13,1 % населения [12, л. 100, 104; 13, л. 1]. Всего на май 1942 г. в генеральном округе «Волынь-Подолія» насчитывалось 326 000 евреев, что составляло 7 % населения [14, л. 7, 45].

Характерно, что при этом в городах евреи в среднем составляли около 40 % от общей численности населения. В отдельных городах эти показатели были еще выше (в Пинске на апрель 1942 г. евреи составляли 18 603 человека, или 62 % населения города). Аналогичная ситуация наблюдалась и в Гродненском округе, который входил в округ «Белосток». В г. Гродно проживало 20 177 евреев, что составляло 37,7 % городского населения. Остальные 9 824 еврея Гродненского округа (6 % населения) проживали главным образом в местечках (Лунна, Острино, Скидель, Озеры и др.). В общей сложности на территории Гродненского округа насчитывался 30 001 еврей (13,8 % населения) [15, л. 7].

Основными причинами концентрации еврейского населения в городах и местечках западных областей Беларуси являлись:

- 1) традиционное размещение еврейского населения, что было связано с занятиями евреев и ограничениями на проживание еврейского населения в сельской местности, принятыми в Российской империи;
- 2) миграционные процессы в еврейской среде в 1920–1930-е гг., продолжившие процесс урбанизации еврейского населения;
- 3) политика оккупационных властей, направленная на концентрацию еврейского населения для упрощения контроля, организации принудительных работ и уничтожения.

Заключение

Организация органов еврейского самоуправления (юденратов) явилась составной частью комплекса мероприятий оккупационных властей по созданию административного аппарата, в состав которого включались представители местного населения. Такие промежуточные структуры повышали эффективность управления оккупирован-

ными территориями. Кроме того, создание еврейских советов стало показателем стремления нацистов перенести антисемитские законы третьего рейха, регулировавшие взаимоотношения евреев и арийцев, на оккупированные территории.

Регистрация еврейского населения преследовала две цели: идеологическую (обособление еврейского населения, отделение его от остальных жителей оккупированных областей) и прагматическую (выявление и учет квалифицированной рабочей силы, специалистов и трудоспособного населения с целью использования его для хозяйственных нужд рейха). Регистрация еврейского населения была первым шагом на пути к его тотальному уничтожению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Trunk, I. Judenrat: The Jewish Councils in Eastern Europe under Nazi Occupation / I. Trunk. – New-York : Macmillan, 1972. – 665 p.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 346.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 124.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 130.
5. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 91.
6. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 1448.
7. ГАГр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 346.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 949.
9. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 627.
10. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 25–27.
11. Alpert, N. The Destruction of Slonim Jewry: The Story of the Jews of Slonim during the Holocaust / N. Alpert. – New York : Holocaust Library, 1989. – 379 p.
12. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1046.
13. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 502.
14. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947.
15. ГАГр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 136.
16. Розенблат, Е. С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. С. Розенблат. – Минск, 1999. – 108 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.08.2019

Rozenblat E. S. Creation of Self-government Bodies and Registration of the Jewish Population of the Western Regions of Belarus in 1941–1942

On the basis of various sources, the formation of a system of record and registration of the Jewish population of the western regions of Belarus during the initial period of occupation, the creation of Jewish self-government (Judenrats) is shown. The goals of Nazi policy towards the Jewish population of the western regions of Belarus, ideological and pragmatic goals are shown.

УДК 327.2(4ЮГО)

Ю. Э. Демьянович

аспирант каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
e-mail: yuliya-dzemy@rambler.ru

СЕРБСКИЙ КОНТЕКСТ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЮГОСЛАВСКИХ НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Рассмотрено изменение статуса хорватских сербов от равноправного (титульного) народа Хорватии до положения национального меньшинства. Проанализированы изменения в конституциях Югославии и Хорватии и некоторые международные нормативно-правовые акты, регулирующие процесс создания новых государственных образований. Изложены исторические обоснования притязаний хорватского и сербского народов на собственные национальные государственные образования в рамках территории Хорватии, раскрыта роль внешних факторов. Проведено сравнение государствообразующих процессов между Краиной в Хорватии и Косово в Сербии, рассматривается вопрос о легальности действий хорватских властей.

Введение

Вопрос применения права нации на самоопределение является сложным и во многом противоречивым. Как правило, затрагиваются интересы нескольких сторон: народа, стремящегося к признанию, государственного образования, оказавшегося объектом дробления, и международного сообщества. В этой триаде существенную роль играют внешние факторы, поскольку именно они чаще всего определяют разрешение конфликтной ситуации. Это происходит по ряду причин. Во-первых, влиятельные международные акторы заинтересованы в определенном исходе ситуации. Ведь результат противостояния доминирующего народа и этноса, борющегося за независимость, способен повлиять на расклад сил на международной арене и спровоцировать аналогичные конфликты. Во-вторых, право на самоопределение в виде создания самостоятельного национального государства может быть реализовано в полной мере только при международном признании нового государственного образования.

В этой связи особый интерес представляет ситуация вокруг распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), когда международное сообщество признало за хорватами право на создание национального государства на территории Социалистической Республики Хорватия и отказало в этом праве хорватским сербам, которые в соответствии с основными законами союзного государства и Социалистической Хорватии считались равноправными народами.

Объектом исследования избран процесс распада социалистической Югославии. Предмет исследования – противостояние хорватов и хорватских сербов в рамках реализации права нации на самоопределение и создание национального государства. Цель статьи – историческая оценка событий, повлекших признание Хорватии как национального государства хорватов и лишение хорватских сербов возможности реализации права нации на самоопределение. Для достижения поставленной цели выделены задачи:

- 1) анализ особенностей реализации основных законов СФРЮ и Хорватии, регулирующих положение народов страны и их право на самоопределение;
- 2) анализ исторической ретроспективы, приведшей к сложившейся ситуации;

Научный руководитель – М. Э. Чесновский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета

- 3) раскрытие обстоятельств, повлекших утрату сербским населением Хорватии статуса равноправного с хорватами народа;
- 4) оценка действий хорватских властей относительно нормотворческого процесса.

Особенности реализации конституционного и международного права народов СФРЮ на самоопределение

Первая послевоенная конституция Югославии, заложившая основы ее устройства как многонационального европейского государства, в качестве одного из основных принципов указывала на равноправие народов, а также подчеркивала их суверенность. Она выделяла и уравнивала в правах шесть государствообразующих народов: сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев, черногорцев – и подчеркивала, что новое государство строится на основе права самоопределения народов, включая их право на отделение. Т. е. изначально закладывалась возможность выхода этих народов из состава СФРЮ с последующим созданием ими собственных национальных государств.

В последующем Конституция СФРЮ не раз менялась, однако вышеуказанный принцип сохранялся. На конституционно-правовом уровне это означало, что право отделения от СФРЮ сохраняли не только субъекты федерации и автономные области, но и компактно проживающие этнические группы из числа перечисленных выше народов, вне зависимости от их пространственной локализации на территории той или иной союзной республики, поскольку в соответствии с Конституцией они считались государствообразующими народами [1]. Теоретически данную ситуацию можно представить как право каждого титульного народа Югославии в случае распада СФРЮ создавать более одного национального государства: два государства сербов, два хорватов. Следовательно, отделение от федерации и образование независимых государств являлось законным правом большинства народов Югославии [2]. Более того, до принятия Конституции 1974 г. и поправок к ней народы Югославии могли в любой момент и любым образом покинуть СФРЮ, поскольку механизмы процесса выхода нигде не были прописаны. Конституция 1974 г. дала Союзному исполнительному вечу полномочия по рассмотрению вопросов, касающихся изменения территории Югославии [3, с. 235]. Принятие поправок 1988 г. еще больше усложнило процесс выхода, поскольку обновленная Конституция устанавливала, что изменение границ СФРЮ должно происходить по решению Скупщины СФРЮ и Союзного исполнительного веча [1]. Это означало, что право выхода в виде конституционной нормы оставалось легальным. Нелегальным мог оказаться только способ ее реализации, и это в том случае, если высшие органы власти страны по какой-либо причине не предоставляли такого права.

В действительности Скупщина СФРЮ и Союзное вече разрешения на выход не давали ни одному народу борющихся за независимость республик, избегая признать такую прерогативу за какой-либо из них. В этих условиях центральные органы управления были вправе отстаивать территориальную целостность страны. В то же время любой республиканский субъект СФРЮ сохранял легальное право отстаивать свою независимость вплоть до принятия решения в свою пользу. Однако исторический опыт свидетельствует, что, как правило, недостаточно лишь силы внутреннего законодательства для обретения конкретной нацией (народом) независимости. Необходимы проявление ее политически консолидированной воли и международной поддержки с выражением последующего признания. СФРЮ не стала исключением.

Дезинтеграционные процессы в Югославии сопровождались напряженной внутри- и внешнеполитической дискуссией. Фактически в открытое столкновение вошли, с одной стороны, принципы Хельсинкского Заключительного акта 1975 г. о гарантиях стабильности европейских границ и неприменимости для их изменения силовых методов, а с другой – собственно принцип права нации на самоопределение [4]. Эти два принци-

па на югославском пространстве образовали непреодолимое противоречие. Разрешить ситуацию могло только волевое решение одной из заинтересованных сторон [5]. Внутриюгославские акторы не были способны на такой шаг: решение принималось извне. Страны Западной Европы попытались найти «золотую середину» между правом нации на самоопределение и неприкосновенностью границ: они поддержали право на самоопределение не народов, а республиканских субъектов СФРЮ. Это выразилось в признании 15 января 1992 г. Словении и Хорватии в качестве независимых государств [5]. В Словении данное решение относительно безболезненно поставило точку в противостоянии самой федерации и ее субъекта, поскольку Словения была почти гомогенной республикой СФРЮ. Однако в других республиках и автономных областях СФРЮ придание им права на самоопределение вызвало общественное несогласие, гражданские волнения, а затем и разрастание конфликтов. Их инициировали этнические меньшинства, нередко составляющие значительную долю в общей численности населения того или иного республиканского субъекта.

Характерным примером подобной ситуации служит Хорватия, где сербское меньшинство по переписи 1991 г. составляло более 12 % всего населения республики. Если бы эта этническая группа равномерно распределялась по всей Хорватии, то синдрома межэтнической вражды не возникло бы, однако проблема заключалась в том, что в 1 019 из 6 650 населенных пунктов в Хорватии сербы составляли этническое большинство. В 11 общинах Хорватии сербы преобладали, еще в 26 общинах численность сербов составляла от 10 до 49 %. В целом сербское население достаточно компактно проживало на 32 % территории Хорватии [6, с. 127; 7, с. 166].

Исторический аспект локализации сербов в Хорватии

Территории на пространстве Хорватии, где сербы составляли большинство, обособились еще в средневековье, когда они являлись пограничной зоной между Австрийской и Османской империями. С учетом постоянных войн между этими двумя мощными государствами пограничная территория приобрела особое оборонительное значение. Для поддержания высокой обороноспособности на ней создавались специальные зоны, со временем разросшиеся и получившие название Война Краина [6, с. 128]. История Войны Краины началась с 1469 г., когда была создана Сеньская капетания, впоследствии получившая название Приморская Краина.

Первоначально данная территория была заселена хорватами, однако из-за непрекращающихся войн население было вынуждено покинуть эту местность. Хорваты перемещались на северо-запад, ближе к территории Австрии. Вслед за этим их исконную территорию занимали сербы, вынужденные бежать с завоеванных Турцией земель. Сербское население традиционно отличалось высокими способностями к воинской службе. Эти качества сербов решили использовать австрийские власти для повышения обороноспособности австро-турецких границ и создания заслона от Османской империи.

К 1578 г. территория Хорватии разделилась на две части – военную и гражданскую. В военной части преобладало сербское население, на которое возлагались обязанности по защите Австро-Венгрии. За это сербам предоставлялся целый ряд привилегий, к которым можно отнести получение земельных наделов, налоговую свободу и независимость от хорватского дворянства. С 1627 г. сербы в Краине подчинялись исключительно правителю Австро-Венгрии. Таким образом, Война Краина оформилась как особая административно-военная область, фактически полностью независимая от Хорватии [6, с. 128]. Со временем территория Краины стала увеличиваться за счет отвоеванных у турок территорий, которые Австрия отказалась передавать Хорватии [6, с. 128]. Более того, в XVIII в. Хорватия теряет статус особой административно-политической единицы в составе Австро-Венгрии и в 1868 г. остается лишь культурно-церковной ав-

тономией в составе Венгерского королевства. В то же время с ослаблением османской угрозы теряется смысл и в особых военизированных областях на границе с Турцией. В 1871 г. происходит демилитаризация Краины, и одна ее часть (Хорватско-Славонская) входит в состав хорватской бановины. Постепенно сербы и хорваты оказываются в одном административном образовании. Для подобного объединительного решения властей Австро-Венгрии имелся ряд причин. Прежде всего, это схожесть культур, славянское происхождение народов, общность языка [6, с. 130]. Культурно-языковое сходство подтверждает тот факт, что окончательно сербский и хорватский языки были разведены как разные языки только после распада СФРЮ – в процессе формирования новых национальных государств на месте одного многонационального [9].

Неудивительно, что в данном процессе из-за столь очевидной этнической близости разногласия между сербами и хорватами в расчет приняты не были. А они все же были явными. Прежде всего, это существенные различия в религии и традиционном самосознании народов. Хорваты и сербы не смогли слиться в один народ, поскольку сама структура и требования Австрии к этим славянским народам были разные. От хорватов требовалось заниматься сельским хозяйством и ремеслами, от сербов – нести военную службу. Последним взамен давалось немало привилегий, среди которых независимость сербской общины во внутренних делах. Это четко размежевывало сербов и хорватов на своих и чужих, что, впрочем, не мешало им длительное время сосуществовать в едином многонациональном государстве без особых проблем и разногласий.

Без сомнения, в Хорватии исторически сложилась и традиционно существовала компактно проживающая этническая группа сербов. Другими словами, функционировала национально-культурная общность, привязанная к определенной территории, т. е. народ. Напомним, в данной ситуации югославская Конституция 1974 г. допускала создание независимого сербского государства. В то же время сербский вопрос в Хорватии выступает зеркальным отражением албанского вопроса в Сербии. В частности, оба анклава (сербский в Хорватии и албанский в Сербии) сложились в связи с османскими завоеваниями. Краина для Хорватии и Косово для Сербии имеют равновеликое историческое значение. Как и сербы в Хорватии, албанцы в Сербии также заявляют о своих исторических правах на указанные территории, доказывая там свое множественное представительство и многовековой факт проживания [10, с. 178]. Однако при всей схожести ситуаций данные вопросы в период распада СФРЮ решались по-разному и то не всегда. Дело в том, что албанцы в Сербии всегда считались меньшинством, не обладавшим государствообразующими прерогативами, и для них в разные периоды существования Югославского государства создавались автономии.

В свою очередь, сербы в Хорватии считались частью государствообразующего народа. Более того, этот народ был определен в Конституции СФРЮ и в конституциях субъектов Югославии как равноправный (титальный), что означало его легальное право на самоопределение и провозглашение независимости наравне с хорватами, тем более что подобное право как международно-правовую норму поддерживало мировое сообщество [2; 3]. Однако этого не произошло. Сербское население анклава, несмотря на свои устремления к созданию национального сербского государства или модернизации и сохранению Югославии, осталось в составе Хорватии, утратив значительную часть своих прежних культурно-политических прав.

Понижение статуса сербов с «равноправного народа» до «национального меньшинства»

Сербы потеряли свой статус равноправного народа из-за действий хорватских националистических сил, пришедших к власти в 1990 г. Наиболее ярким представителем этих сил стала партия Хорватское демократическое содружество (ХДС). На весен-

них выборах 1990 г. ХДС одержало уверенную победу. За него проголосовали более 41 % избирателей, что позволило партии получить 2/3 мест во всех трех палатах парламента – Сабора. Франьо Туджман как лидер победившей партии стал председателем Президиума Республики Хорватия [11, с. 261–262]. Партия легко выиграла, поскольку четко формулировала доминирующую в условиях разрушающейся югославской федерации цель – провозглашение независимой Хорватии. Эта цель была близка большинству хорватского населения.

Маловероятно, чтобы хорватские сербы могли помешать ХДС выиграть, однако, если бы они были столь же сплоченны и политически мобилизованны, как хорваты, это позволило бы им отнять у ХДС больше парламентских мест. Тогда депутаты-сербы повлияли бы на содержание и учет этнорелигиозных аспектов в новых нормативно-правовых актах. Но получение правящей партией 2/3 депутатских мест обеспечивало ей квалифицированное большинство, позволявшее принять практически любой закон в своих интересах [12, с. 10]. В реальности сербы из-за внутреннего раскола не смогли оказать значительного влияния на внутриворватскую политическую ситуацию. В отличие от хорватов они еще надеялись на сохранение Югославии и видели свое будущее в составе Хорватии, но в границах Югославии [6, с. 140]. Кроме того, среди сербов было большое число сторонников идей Иосипа Броз Тито. В результате на хорватских выборах в апреле–мае 1990 г. сербское население разделилось: одна часть проголосовала за новые национальные сербские партии, другая – за знакомые коммунистические силы [13].

Итогом для сербов стало отсутствие возможности политическими средствами влиять на проводимые ХДС решения, ограничивающие правосубъектность своих оппонентов. Ситуация вызывала серьезные опасения сербских политических сил, которые с каждым последующим шагом ХДС лишь возрастали. Началось все с пересмотра общепринятых исторических оценок. Их суть: хорваты, подобно другим балканским народам, попавшим под влияние османов и австрийцев, не имели исторических традиций государственности, которая охватывала бы хорватское население на территории современной Хорватии, которая образовалась из частей других более мощных и этнически разнородных государств. Естественно, националистическим силам Хорватии для подтверждения права на собственное государство потребовалось найти историческую преемственность. Она была найдена; примером стало Независимое государство Хорватия (НГХ). С одной стороны, выбор был понятен и объективен, поскольку НГХ, несмотря на статус марионетки на международной арене, все же объединяло хорватское население и охватывало большую часть Хорватии. С другой стороны, выбор НГХ в качестве прообраза национального государства – скорее трагическая ошибка. Дело в том, что НГХ было создано в годы Второй мировой войны, а его лидеры являлись пособниками стран оси и их союзников. На своей территории НГХ власти проводили политику геноцида в отношении евреев, цыган и сербов. В частности, в Хорватии существовал лагерь смерти Ясеновац, в котором было уничтожено более 700 тыс. человек, большинство из которых были сербы [8, с. 443–482].

При создании послевоенной Югославии тема преступлений хорватских националистов практически не поднималась и табуировалась, поскольку И. Б. Тито строил новое государство на идее равенства южных славян. Тема военных преступлений одной нации против другой была закрыта. Официальная позиция властей гласила, что все противоправные действия в годы Второй мировой войны являются преступлением фашизма, а не отдельно взятого народа [8, с. 443–482]. Тема военных преступлений тех времен оставалась болезненной только в исторической памяти людей, однако официально замороженной. Она намеренно не культивировалась, а значит, не вела к росту насилия между народами.

Все изменило публичное заявление постюгославского лидера хорватов Ф. Туджмана о том, что он видит НГХ не только как субъект преступления фашизма, но и как выраженное хорватским народом историческое желание получить свое независимое государство [13]. Такая позиция властей не могла не иметь далеко идущих последствий. Фактически она пропагандировала ценности усташей – хорватского националистического движения времен Второй мировой войны. Параллельно с генерированием национальной государственности шло стирание совместного югославского прошлого. Было изъято слово «социалистическая» из названия страны, уничтожались привычные сербам формы государственного устройства: упразднен законодательный Президиум, введена должность президента страны, которую и занял радикально настроенный Ф. Туджман. Нововведения обусловили резкий рост в стране националистических движений, прежде всего хорватских. Среди хорватов возродилось движение усташей. Некоторые военные преступники периода Второй мировой войны возвратились в страну. Оценка содеянного ими менялась – они стали героями [13].

Активность сербов в этом плане уступала активности хорватов. Неприятие возрождения движения усташей сопровождалось опасениями сербов за свою жизнь и безопасность, стало реальным потерять свои права и стать в Хорватии «людьми второго сорта» [13]. В дальнейшем, по мере обсуждения и принятия новой Конституции, опасения сербов только возрастали. Участились их обращения в парламент страны с требованием учесть мнение сербских общин при разработке новой Конституции. Сербые осознавали недопустимость потери статуса равноправного с хорватами народа. Во многом из-за этого среди сербской части населения оказалась популярной идея сохранения Югославии, т. к. в составе этого государства хорватские сербы чувствовали себя в безопасности. Однако все усилия сербских активистов были безуспешными, а на рост сербского национального движения позиция хорватских властей лишь ужесточалась. Становилось все более очевидным, что официальная власть хочет видеть Хорватию унитарным национальным и независимым государством [6, с. 137; 12, с. 10].

В этой ситуации сербские национальные силы создали 27 июня 1990 г. Содружество шести общин Лики и Северной Далмации, куда вошли общины Книн, Бенковац, Обровац, Донн-Лапац, Грачан и Титова-Кореница. Исторически на этой территории, входившей в Войну Краину, большинство населения составляли сербы [6, с. 137–139]. Чуть позже к этим шести общинам примкнули еще 11. Кроме этого, консолидировались сербские общины на востоке Хорватии. Эти общины изначально не ставили перед собой цели отделиться от Хорватии, они еще видели свое будущее в составе Хорватии, но Хорватии как части Югославии [6, с. 140].

Требование создать этногосударственное содружество было небезосновательным, поскольку уже 28 июня 1990 г. – в национальный праздник сербов (день памяти Битвы при Косово) – Сабору Хорватии был представлен первый официальный проект новой Конституции. В ней содержался целый ряд антисербских поправок:

- 1) государственным языком Хорватии становился только хорватский;
- 2) в государственную символику включались изображения, напоминавшие символику усташей времен Второй мировой войны;
- 3) устранялась обязательность квалифицированного большинства при голосовании в Саборе по вопросам отношений между различными национальностями Хорватии [12, с. 12].

В таких условиях сербское национальное движение было поставлено перед необходимостью создания собственной автономии в составе Хорватии. 25 июля 1990 г. прошел съезд сербских национальных сил под руководством Сербской демократической партии. Съезд сформировал Сербский Сабор, который хорватскими сербами задумывался как вторая палата Хорватского Сабора. Кроме того, был создан исполнитель-

ный орган – Сербское вече. Принятая съездом декларация, в частности, гласила, что сербы проживали на территории Хорватии еще до создания этого государства и поэтому имеют право на автономию [6, с. 141]. В документе подчеркивалось право сербской нации на самоопределение. Тогда сербы видели выражение данного права в создании автономии, содержание которой, однако, не было четко определено. Руководители съезда считали, что полнота и широта автономии будут зависеть от пути развития, который выберет Хорватия. В то же время представители сербского народа требовали в рамках автономии сохранить употребление кириллицы, сербские школы, специальные школьные программы, национальные средства массовой информации и собственные политические институты [6, с. 141]. В подтверждение своих действий Сербское вече решило провести референдум о создании автономии сербов в Хорватии. Хорватские власти посчитали референдум покушением на территориальную целостность страны и сделали все возможное, чтобы помешать волеизъявлению сербов, однако в полной мере им это не удалось. Референдум состоялся 19 августа, он был проведен в 28 общинах полностью и в 23 общинах частично. Абсолютное большинство проголосовавших ответили согласием на вопрос о создании сербской автономии [6, с. 142].

Следующий шаг – провозглашение 21 декабря 1990 г. Сербской автономной области Краина, а 22 декабря – принятие ее Устава, после чего развернулся процесс объединения общин с большим количеством сербского населения. Этот процесс официально завершился 1 апреля 1991 г. [6, с. 142]. Реакция хорватов на объявление Сербской автономной области Краина и создание Устава этого образования последовала практически незамедлительно. Уже 22 декабря состоялось провозглашение Конституции Хорватии. В новой редакции Основного закона Хорватия определялась как национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами. Сербское население получало статус не равноправного народа Хорватии, а национального меньшинства [6, с. 143; 7, с. 167; 13; 14]. Данной правовой нормой Конституция закрепляла территориальную целостность страны. Власти Хорватии считали, что, снизив статус сербов до уровня национального меньшинства, они лишали их права на самоопределение и предотвращали вероятный последующий выход из состава Хорватии [14].

Конституция предопределила нарастание межэтнической напряженности. С одной стороны, своими действиями хорваты создавали почву для конфронтации: они фактически разрушили многовековую историю относительно бесконфликтного сожительства двух народов на одной территории. С другой стороны, хорватские власти просто не видели иного способа обеспечить целостность и независимость страны, поскольку хорватские сербы настойчиво заявляли, что видят себя в Югославской Хорватии, а не в Хорватии. При условии сохранения равного статуса обоих народов хорватские власти предвидели юридическую возможность вмешательства Сербии во внутренние дела Хорватии. Действительно, в таком случае ни о какой независимости хорватского государства речь не шла.

В свою очередь, хорватские сербы не чувствовали себя в безопасности без привязки к Белграду. Принятая Конституция резко усилила подобные опасения. И если вначале в сербском национальном движении было влиятельным представленное Йованом Рашковичем умеренное течение, которое стремилось к компромиссу и считало, что решения о строительстве государств должны приниматься хорватскими сербами независимо от Белграда, то по мере роста хорватских националистических настроений и влияния последователей усташей умеренное течение было вытеснено более радикальным, представленным Миланом Бабичем. Оно в своих действиях ориентировалось на поддержку Сербии. Два народа оказались заложниками дилеммы безопасности,

столь необходимой для каждого. Никто не хотел уступать, и дальнейший расклад сил стал очевиден как курс на конфронтацию [13].

19 мая 1991 г. прошел референдум по вопросу отделения Хорватии от Югославии. За суверенное государство проголосовало более 91 % избирателей. Эта цифра оказалась столь высокой, поскольку сербы, локализованные в Сербской автономной области Краина, в референдуме не участвовали. Тем не менее хорватские власти приняли его результаты и продолжили курс на отделение. В дальнейшем итоги референдума признал ряд международных институтов, что означало: желание Хорватии стать суверенной поддержано мировым сообществом. 15 января 1992 г., вскоре после принятия Конституции, Хорватия была признана независимым государством [11, с. 263].

Как было отмечено, сербы из Сербской автономной области Краина в референдуме не участвовали и не согласились с его результатами. Все это привело к объявлению 19 декабря 1991 г. создания независимой Республики Сербской Краина. Это государственное образование включило в свой состав следующие территории: Книнскую Краину, Славонскую Краину и Подунайскую Краину. Республика Сербская Краина заявляла о себе как о государстве сербского народа и всех граждан, которые в ней живут. Фактически была взята формулировка из новой конституции Хорватии, только термин «хорваты» заменили на «сербы» [15, с. 225].

В целом под юрисдикцию Республики Сербской Краина попадал 61 % сербов, проживавших в Хорватии [13]. Новое государство, несмотря на все старания, международной поддержки и международного признания не получило.

Сербо-хорватский конфликт оказался только эпизодом процесса распада СФРЮ. В той или иной форме сербы теряли статус государствообразующего народа и в других ее частях. В общем плане дезинтеграция социалистической Югославии открыла путь к оживлению традиционных балканских этнорегиональных конфликтов, которые постепенно обретали острые формы. Балканский субрегион стал ареной жесткой этнонациональной радикализации и конфронтации, заставившей весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств [16, с. 141].

Заключение

С 1991 г. в процессе распада Югославии как федеративного государства возникла парадоксальная ситуация. Из-за сложившейся исторически этнотерриториальной чересполосицы одни национальные группы могли получать независимость, а другие, на основе прежнего Основного закона СФРЮ также номинально обладавшие правом претендовать на самоопределение, ущемлялись в реализации данного права и часто – силовому подавлению попыток им воспользоваться из-за реально возникшего статуса национальных меньшинств. Причем государствообразующие инициативы – с молчаливого согласия западных демократий – подавлялись субъектами, только что получившими независимость.

Конфронтирующие с сербами хорватские националистические силы провели грамотную работу. Они нашли законные пути прихода к власти, получили необходимое большинство в парламенте и постепенно путем принятия законов, которым никто в парламенте не мог противопоставить иных, лишили сербов статуса равного народа, дав им лишь статус национального меньшинства. По своей сути статус национального меньшинства для сербов являлся оскорблением, поскольку за свою историю проживания в Хорватии сербы привыкли к своему особому положению и определенной неприкосновенности. Статус национального меньшинства лишал сербов закрепленного ранее статуса титульной нации и многих культурно-политических прав. Конституция Хорва-

тии упраздняла в отношении сербов право нации на самоопределение, поскольку национальное меньшинство не приравнивается к народу или нации.

По мнению сербского населения, действия новых хорватских властей были несправедливыми и антигуманными. Однако с точки зрения правил и путей нормотворческого процесса – абсолютно законными. Более того, хорваты на основании нового законодательства приобрели право считать сербов, борющихся за автономию, преступниками и сепаратистами, а следовательно, ущемлять их гражданско-политические права и исключать возможность участия в референдуме по определению дальнейшей судьбы Хорватии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сосенков, Ф. С. О конституционно-правовых механизмах противодействия сепаратизму в Социалистической Федеративной Республике Югославия / Ф. С. Сосенков // *Genesis: ист. исслед.* – 2015. – № 5. – С. 193–211.

2. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия : принята Союзной Народной Скупщиной 7 апр. 1963 г. – М. : Юрид. лит, 1963. – 168 с.

3. The Constitution of Socialist Federal Republic of Yugoslavia [Electronic resource] / *Dopisna delavska univerza.* – Ljubljana : Dopisna delavska univerza, 1974. – Mode of access: <http://www.worldstatesmen.org/Yugoslavia-Constitution1974.pdf>. – Date of access: 18.12.2018.

4. Хельсинский заключительный акт [Электронный ресурс] / ОБСЕ. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505>. – Дата доступа: 18.12.2018.

5. Глушко, В. С. Признание Германией независимости Словении и Хорватии как детонатор Балканского кризиса / В. С. Глушко // *Воен. комментатор : воен.-ист. альм.* – 2002. – № 1 (3). – С. 69–76.

6. Гуськова, Е. Ю. История югославянского кризиса (1990–2000) / Е. Ю. Гуськова. – М. : Рус. право : Рус. нац. фонд, 2001. – 720 с.

7. Мартынов, М. Ю. Балканский кризис: народы и политика / М. Ю. Мартынов. – М. : Старый сад, 1998. – 466 с.

8. Гуськова, Е. Ю. Национальная политика в странах формирующегося советского блока / Е. Ю. Гуськова. – М. : Наука, 2004. – С. 443–482.

9. Тошович, Б. Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков / Б. Тошович. – М., 2011. – С. 17–21.

10. Гузикова, О. М. Косово на пути к суверенитету: к истории вопроса / О. М. Гузикова // *Внеш. политика и междунар. отношения европ. стран в новейшее время.* – 2015. – № 3. – 178–184.

11. Павлюков, Г. В. Обострение сербско-хорватских отношений и начало национальной гомогенизации сербов в Хорватии: конец 1980-х – начало 1990-х гг. / Г. В. Павлюков // *Изв. Уральс. федер. ун-та.* – 2015. – № 2. – С. 258–274.

12. Radan, P. Republik Srpska Krajina and the right of peoples to self-determination / P. Radan // *Istorija 20. Veka.* – 2018. – № 1. – P. 9–34.

13. Marko-Stöckl, E. The Making of Ethnic Insecurity: A Case Study of the Krajina Serbs [Electronic resource] / E. Marko-Stöckl // *European Training and Research Centre for Human Rights and Democracy.* – Mode of access: http://www.etc-graz.at/typo3/fileadmin/user_upload/ETC-Hauptseite/human_security/hs-perspectives/pdf/issue2/Marko.pdf. – Date of access: 18.12.2018.

14. Croatia – Old Constitution (1990) [Electronic resource] // *International Constitutional Law.* – Mode of access: http://www.servat.unibe.ch/icl/hr01000_.html. – Date of access: 18.12.2018.

15. Руднева, И. В. План «Загреб-4»: упущенный шанс мирного урегулирования / И. В. Руднева // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2016. – № 11. – С. 225–236.

16. Чесновский, М. Э. Страны Средней Европы в международных отношениях (1989–2014 гг.) : в 2 ч. : пособие / М. Э. Чесновский. – Минск : БГУ, 2016. – Ч. 2 : Страноведческий аспект. – 239 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.01.2019

Demyanovich Y. E. Serbian Context in the Implementation of the Right of Self-Determination of Peoples of Yugoslavia

The article is devoted to Yugoslavian peoples' realization of the right of self-determination using the example of Croat's Serbs and Croats. The author analyzes the process of changing the status of Croatian Serbs from an equal (titular) people of Croatia to a national minority. The Constitutions of Yugoslavia and Croatia are considered in their dynamics of change. Historical circumstances of the claims of the Croatian and Serbian peoples on their own national state entities within the territory of Croatia are analyzed. A comparison is made between the situation with Krajina in Croatia and Kosovo in Serbia. The assumption is made about the legality of the actions of the Croatian authorities in the frame of the rule-making process.

УДК 327:94(494+430+436+44+450+494.9)

И. В. Зуев

*магистр ист. наук, аспирант 3-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
e-mail: ilya.zueff@gmail.com*

ОТНОШЕНИЯ ШВЕЙЦАРИИ С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Рассмотрены отношения Швейцарии с Германией, Францией, Италией, Австрией и Лихтенштейном в сфере внешней политики и дипломатии, экономики и финансов, а также в области науки и культуры в 1990–2000-х гг. Перечислены факторы, позволяющие назвать эти государства важнейшими стратегическими партнерами Швейцарии. Приведены и проанализированы статистические данные о двусторонних и многосторонних визитах, объеме и структуре внешней торговли Конфедерации с ее соседями, взаимных инвестициях и миграции. Уделено внимание проблемам их взаимоотношений в сфере транспорта и финансов.

Введение

Один из важнейших принципов внешней политики Швейцарии – универсализм, который заключается в поддержании хороших отношений со всеми государствами мира. Географическое расположение и исторические предпосылки во многом определяют приоритеты Швейцарской Конфедерации, поэтому наибольшую значимость для нее представляет именно Европа.

Среди государств этого региона наиболее близкие отношения у Швейцарии сложились с непосредственными соседями, которых она рассматривает как своих «естественных партнеров». Стоит подчеркнуть, что именно сотрудничество с соседними государствами было определено в качестве важнейшего направления первой Стратегии внешней политики Конфедерации (2012–2015) [1, с. 8–10]. В обновленной Стратегии (2016–2019) первостепенную значимость сохранило стратегическое партнерство Швейцарии с Германией, Францией, Италией и Австрией, а также поддержание близких отношений с Лихтенштейном [2, с. 17–18]. Стабильные и доверительные отношения с соседями были названы внешнеполитическим приоритетом и в новом официальном документе «Швейцария и мир – 2028» [3, с. 16].

Анализ отношений Конфедерации с соседними государствами получил отражение в публикациях современных швейцарских исследователей. В большинстве из них рассматривался период Второй мировой войны, однако в ряде работ швейцарских историков и политологов отражены двусторонние отношения Конфедерации с Германией, Францией и Италией в 1990–2000-х гг., а также их сотрудничество в контексте европейской интеграции [4].

Среди белорусских авторов эта тематика присутствует лишь в книге А. В. Шарпа [5], среди российских – в работах В. Я. Швейцера, А. И. Степанова и Ю. И. Юданова [6], а также Л. О. Бабыниной, Н. В. Говоровой и Е. П. Тимошенко [7]. Однако у этих авторов шла речь об отдельных контактах Швейцарии с соседями только в контексте ее отношений с Евросоюзом в целом.

Цель статьи – определить факторы, которые позволяют назвать соседей Швейцарии ее важнейшими стратегическими партнерами, а также охарактеризовать ее отношения с ними в политической, экономической, финансовой и других сферах.

Научный руководитель – Л. М. Хухлындина, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Тесная взаимосвязь Конфедерации с ее соседями объясняется географической, исторической, языковой и культурной близостью, а также общностью политических и экономических интересов. Кроме того, соседи – наиболее давние партнеры Швейцарии. Так, дипломатические отношения с Францией она установила еще в 1516 г., с Австрией (Священной Римской империей) – в 1687 г., с Италией – в 1861 г., с Германией (Пруссией) – в 1867 г. Первое в мире дипломатическое представительство Швейцарии было открыто в Париже в 1798 г., а до конца XIX в. Франция была единственным государством, имевшим посольство в Берне. В 1957 г. швейцарские миссии в Вене, Риме и Кёльне (с 1977 г. размещалась в Бонне, а с 2001 г. – в Берлине) были повышены до статуса посольств.

Швейцарские дипломаты широко сотрудничают со своими коллегами из соседних государств. С 1919 г. они представляют интересы Лихтенштейна в третьих странах. В Берне размещены резиденции всех послов, аккредитованных в княжестве, в том числе и посла Швейцарии, впервые назначенного в марте 2000 г. С декабря 2008 г., когда Конфедерация присоединилась к Шенгенской зоне, она расширила обмен опытом с Австрией в консульской сфере, а с 2014 г. две страны координируют работу своих зарубежных представительств. О высоком уровне сотрудничества между дипломатами Швейцарии и ее соседней свидетельствует тот факт, что в августе 2014 г. глава Федерального департамента иностранных дел Д. Буркхальтер был приглашен в Берлин на конференцию глав дипломатических представительств Германии. В августе 2015 г. на аналогичной конференции в Берне присутствовал министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер (первым среди зарубежных официальных лиц), а в августе 2016 г. – министр иностранных дел Италии П. Дзентилони.

Швейцария и ее соседи регулярно обменивались визитами на высшем и высоком уровнях. В период с 1991 г. по настоящее время Конфедерацию неоднократно посещали главы государств, правительств и внешнеполитических ведомств Германии (31 раз), Австрии (30 раз), Лихтенштейна (21 раз), Италии (18 раз) и Франции (13 раз). В это же время главы Федерального департамента иностранных дел наносили визиты в соседние государства: Р. Фельбер – 3 раза, Ф. Котти – 19 раз, Й. Дайсс – 12 раз, М. Кальми-Ре – 22 раза, Д. Буркхальтер – 21 раз, И. Кассис – 5 раз [8].

Помимо двусторонних визитов, высокие представители Конфедерации и ее соседей регулярно встречались на многосторонних площадках, таких как заседания Совета министров ОБСЕ, Комитета министров Совета Европы, Совета Евроатлантического партнерства, саммиты Франкофонии и сессии Генеральной конференции МАГАТЭ. Их встречи также проходили на церемонии подписания Конвенции о запрещении химического оружия в Париже (1993), Всемирной конференции по правам человека в Вене (1993), Парижской конференции по вопросам стабильности в Европе (1994), Экономическом форуме стран Центральной и Восточной Европы в Вене (1998), Региональном форуме о будущем Европы в Безансоне (2001), Мюнхенской конференции по безопасности (2010, 2011, 2014, 2015 и 2017 гг.) и Венской конференции о будущем безопасности в Европе (2015) [8].

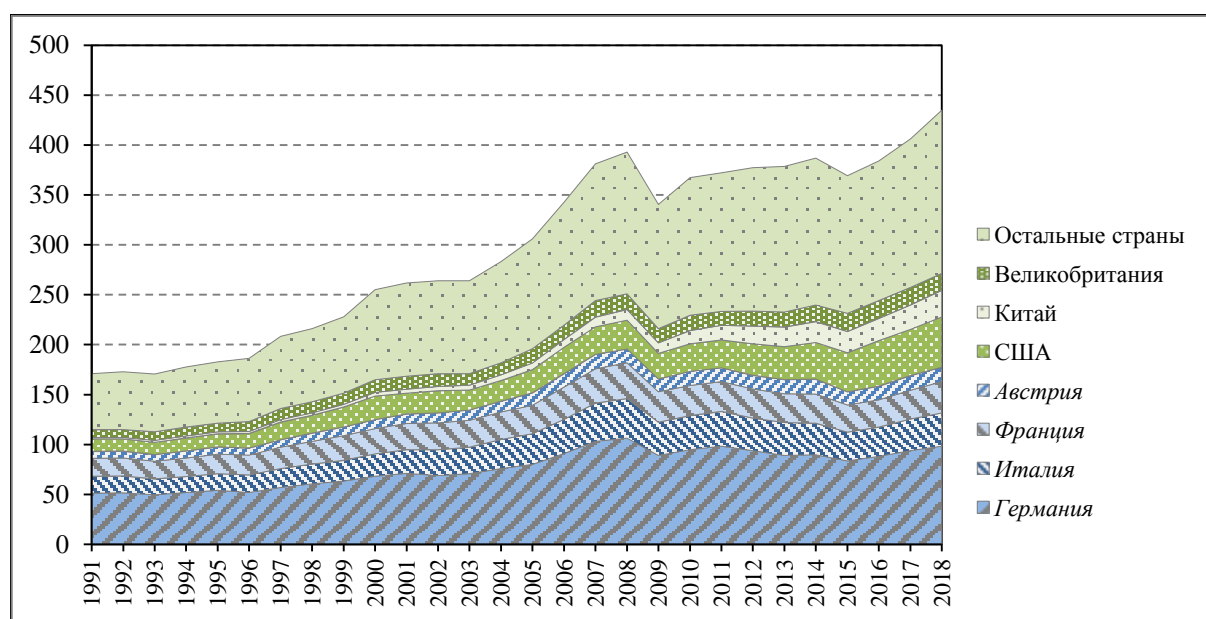
Кроме того, отраслевые министры немецкоязычных государств (Австрии, Германии, Лихтенштейна и Швейцарии, а также Бельгии и Люксембурга) регулярно организовывали трех-, четырех-, пяти- и шестисторонние встречи. С 2004 г. они стали ежегодно проводиться и на уровне глав государств: первое совещание президентов Австрии (Х. Фишера), Германии (Х. Келера) и Швейцарии (Й. Дайсса) состоялось в Санкт-Галлене 20 ноября 2004 г. [9].

Важно также отметить, что соседи Швейцарии имеют значительный вес на международной арене. Германия, Франция и Италия являются государствами – основателями Европейского союза, членами НАТО, «Группы семи» (G7) и «Группы двадцати»

(G20), а Франция – еще и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Поддержание диалога с соседними государствами позволяет Конфедерации быть в курсе вопросов, обсуждаемых в организациях, куда она не входит, и не становится «островком неопределенности» в Европе. Более того, соседи выступают в качестве «проводников интересов» Швейцарии в этих организациях: например, именно они способствовали разработке Положений об отношениях со странами ЕАСТ, принятых Советом ЕС в конце 2012 г. Швейцарию и ее соседей сближает схожесть взглядов на международные проблемы. В частности, они не только ведут регулярный диалог с Конфедерацией по вопросам защиты прав человека, но и первыми поддержали ее инициативу о глобальной отмене смертной казни, с которой Д. Буркхальтер выступил 10 октября 2012 г.

Важную роль в укреплении политического сотрудничества Швейцарии с соседними государствами играет межпарламентский диалог. Для этого в Федеральном собрании работают двусторонние группы дружбы, а также Делегации по связям с Бундестагом Германии (с 2005 г.), Ландтагом Лихтенштейна (с 2005 г.) и парламентами Франции (с 2003 г.), Австрии (с 2006 г.) и Италии (с 2010 г.).

Соседние страны были и остаются важнейшими экономическими партнерами Швейцарии. В 1990–2000-х гг. на них приходилось около половины ее товарооборота (60 % импорта и 40 % экспорта), при этом первые три позиции в списке ее внешнеторговых партнеров стабильно занимали Германия, Италия и Франция. Несмотря на расширение сотрудничества Швейцарии с Китаем и США в 2011–2012 гг., соседние страны не потеряли для нее значимости: в 2018 г. на них приходилась почти половина импорта в Конфедерацию (97,9 млрд из 201,8 млрд франков) и 34 % экспорта (79,6 млрд из 233,2 млрд франков) [10].

Рисунок. – Товарооборот Швейцарии с соседними странами и другими крупными партнерами в 1991–2018 гг., млрд франков [10]

На протяжении многих лет лидирующую позицию в списке внешнеторговых партнеров Швейцарии сохраняет Германия. В 1990–2000-х гг. на нее приходилось около 20 % швейцарского экспорта (в 2018 г. – 43,9 млрд франков) и около 30 % импорта (в 2018 г. – 54,7 млрд франков). Франция до 2004 г. была вторым по объему торговли партнером Конфедерации (на нее приходилось около 10 % ее товарооборота), хотя впо-

следствии сместилась на четвертую позицию после Германии, США и Италии (швейцарский экспорт во Францию в 2018 г. составил 15,2 млрд франков, импорт – 16,2 млрд). Италия в 1990-х гг. была третьим после Германии и Франции торговым партнером Швейцарии, занимая около 10 % ее товарооборота. В 2004–2012 гг. Италия поднялась на вторую позицию, а затем снова сместилась на третье место (8 % товарооборота; экспорт в 2018 г. – 14,4 млрд франков, импорт – 18,8 млрд). В 1990–2000-х гг. Австрия стабильно сохраняла седьмую позицию в списке торговых партнеров Швейцарии: на эту страну приходилось около 4 % ее товарооборота (швейцарский экспорт в 2018 г. составил 6,1 млрд франков, импорт – 8,2 млрд) [10]. Что касается торговли Швейцарии с Лихтенштейном, то она не учитывается в официальной статистике обеих стран, поскольку с 1924 г. княжество является частью таможенной зоны Конфедерации.

Сама Швейцария также является важным партнером для соседних стран. В 2018 г. она занимала девятую позицию в списке внешнеторговых партнеров Германии, Франции и Австрии, а в списке партнеров Италии – шестую.

В 2018 г. в структуре швейцарского экспорта в соседние страны преобладали лекарственные средства, кровь, химикаты, медицинские инструменты, часы, приборы и оборудование. Во Францию Швейцария также поставляла ювелирные изделия, а в Италию – электроэнергию. В это же время Конфедерация импортировала из соседних стран лекарственные средства, нефтепродукты, автомобили и запчасти для них. Помимо этого, Швейцария импортировала электроэнергию из Германии, Франции и Австрии, ювелирные изделия из Франции и Италии, воздушные суда и запчасти для них из Франции, а также вина и другие продукты питания из Италии [11].

Поддержанию контактов между государственными органами и частными компаниями из Швейцарии и соседних государств способствуют торговые палаты. Исторически первой из них была Торговая палата «Франция – Швейцария», открытая в Женеве еще в 1894 г. Помимо нее, поиском новых клиентов и рынков для европейских компаний, посредничеством на переговорах, юридическими консультациями и помощью в решении финансовых вопросов занимаются Торговая палата «Германия – Швейцария», Итальянская торговая палата для Швейцарии и Швейцарская торговая палата в Италии, а также Торговая палата «Швейцария – Австрия – Лихтенштейн».

Значительную роль в экономическом сотрудничестве Швейцарии и ее соседей играют взаимные инвестиции. В 1991 г. Германия была первым в Европе и вторым в мире после США направлением для швейцарских инвестиций (их общий объем составил 9,4 млрд франков). За ней следовала Франция (8,7 млрд), на пятом месте была Италия (6,8 млрд), на двенадцатом – Австрия (2,1 млрд). Впоследствии соседи уступили лидирующие позиции США, Люксембургу, Нидерландам, Ирландии и Великобритании. Объем прямых инвестиций Швейцарии во Францию в 2017 г. составил 52,1 млрд франков (6 место), в Германии – 49,5 млрд (7 место), в Италии – 18,1 млрд (11 место), в Австрии – 9,8 млрд (18 место) [12].

В Германии зарегистрировано около 2 тыс. предприятий с участием швейцарского капитала, где работают почти 261 тыс. человек. Во Франции швейцарские компании обеспечили работой 112 тыс. человек, в Италии – 51 тыс., в Австрии – 34 тыс. Инвестиции Конфедерации в основном сосредоточены в сфере машиностроения, фармацевтики, энергетики, логистики и транспорта, финансов и страхования, а также информационных технологий и научных исследований [13].

Среди соседей Швейцарии лидером по объему инвестиций в ее экономику является Франция. Она также была одним из крупнейших европейских инвесторов в Конфедерации наряду с Нидерландами и Великобританией. В 2017 г. объем прямых французских инвестиций в Швейцарии составил 43,4 млрд франков (4 место среди стран мира), немецких инвестиций – 35,4 млрд франков (6 место), австрийских – 8,7 млрд франков

(10 место), итальянских – 6,5 млрд франков (11 место) [12]. Около 121 тыс. швейцарцев работают у себя на родине в компаниях с участием немецкого капитала, 60 тыс. – французского, 11 тыс. – австрийского [13].

Тесному экономическому сотрудничеству Швейцарии с ее соседями способствует как географическая близость, так и интеграция Конфедерации в общеевропейский рынок благодаря реализации двусторонних соглашений (с каждым из государств, а также с Евросоюзом) о свободной торговле, свободном передвижении лиц, упрощении таможенного контроля и взаимной защите инвестиций. Швейцария граничит с наиболее развитыми европейскими регионами: Овернь-Рона-Альпы (Франция), Баден-Вюртемберг (Германия) и Ломбардия (Италия), – известными, наряду с испанской Каталонией, как «четыре мотора для Европы». На территории Конфедерации (преимущественно в регионе Женевского озера, Северо-Западной Швейцарии и кантоне Тичино) работают около 300 тыс. маятниковых мигрантов, или «фронтальеров», из Франции, Италии и Германии [14, с. 16]. Кроме того, граждане соседних государств составляют почти половину европейцев, постоянно проживающих в Швейцарии (в 2017 г. – 45 %). Крупнейшее сообщество иностранцев в Конфедерации – итальянское (317 тыс. человек), на втором месте – немецкое (304 тыс.), а крупнейшая швейцарская диаспора проживает во Франции (195 тыс. человек) [15].

Наиболее интенсивное сотрудничество Швейцарии с соседними государствами сложилось в сфере транспорта, финансов, энергетики, а также в области научных исследований и инноваций. В частности, соседи стали главными партнерами Конфедерации в реализации такого крупного транспортного проекта, как Новая трансальпийская железнодорожная магистраль, связывающая порты Северного и Средиземного морей кратчайшим маршрутом через территорию Германии и швейцарские Альпы. Магистраль, строительство которой началось в октябре 1993 г., включает три базисных тоннеля (Лечбергский, Готардский и Ченери), а также множество наземных инфраструктурных объектов, в том числе на территории соседних стран. Для их строительства и обслуживания этой транспортной магистрали Швейцария заключила соглашения с Германией (6 сентября 1996 г.) и Италией (2 ноября 1999 г., 17 декабря 2012 г.), результатом чего стало увеличение пропускной способности таких маршрутов, как Базель – Карлсруэ, Цюрих – Штутгарт и Цюрих – Мюнхен, модернизация транспортной инфраструктуры между Тичино и Миланом и строительство железной дороги через Луино.

На церемонии открытия Готардского тоннеля 1 июня 2016 г. федеральный канцлер Германии А. Меркель и другие официальные лица говорили о значимости швейцарского «проекта века» для укрепления европейской интеграции. Однако и в отношениях Швейцарии с ее соседями в сфере транспорта были нерешенные проблемы, такие как длительный спор по поводу крупнейшего в Швейцарии аэропорта Цюриха Клотен, расположенного в 11 км от немецкой границы. Начавшись в 1990-х гг., этот спор обострился в мае 2000 г., когда Германия разорвала соглашение 1984 г., ограничивавшее полеты над своей территорией в ночное время. В апреле 2003 г. она в одностороннем порядке ввела дополнительные ограничения, в связи с чем немецкие авиакомпании на 70 % сократили свои рейсы в Цюрих. Швейцария была вынуждена вынести обсуждение этой проблемы на высший государственный уровень, и в апреле 2008 г. состоялась встреча канцлера А. Меркель и президента П. Кушпена. После этого Конфедерация согласилась принять ограничения и начать реконструкцию взлетно-посадочных полос в соответствии с требованиями Германии, которые были закреплены в новом договоре от 4 сентября 2012 г. Этот документ не был ратифицирован, однако, как показал визит президента Германии Ф.-В. Штайнмайера в апреле 2018 г. в Конфедерацию, острота этой проблемы в отношениях между двумя странами уже снята.

Соседние страны являются важными партнерами Швейцарии и в финансовой сфере, хотя здесь также не обходилось без разногласий. Цюрих и Женева – одни из крупнейших финансовых центров Европы, а в банках Конфедерации хранятся более четверти мировых зарубежных вкладов от частных лиц – в 2017 г. их общая сумма составила почти 2,3 трлн франков [16, с. 55].

Важнейшим конкурентным преимуществом швейцарских финансовых институтов долгое время был принцип банковской тайны. Многих вкладчиков привлекала возможность скрыть свои доходы от налоговых органов, однако в случае с соседями Швейцарии этому препятствовали ее соглашения с Евросоюзом о налогообложении доходов от сбережений и о борьбе с мошенничеством, а также двусторонние соглашения по «модели RUBIK», согласно которой банки сами удерживали у своих клиентов необходимые суммы, сохраняя их имена в тайне [17]. В отличие от Австрии, которая ратифицировала соответствующее соглашение от 13 апреля 2012 г. и уже за первые полгода пополнила свою казну на 416,7 млн евро [18], Германия не ратифицировала соглашение от 21 сентября 2011 г., а Франция отказалась от «модели RUBIK». Вместо этого налоговые органы этих стран, стремясь найти своих граждан, не декларировавших счета в Швейцарии, использовали другие доступные средства. Они включали обыски в банках и покупку дисков с украденными данными (в частности, таким образом в 2010–2017 гг. немецкая земля Северный Рейн-Вестфалия пополнила свой бюджет на 2,4 млрд евро, а федеральный – на 7 млрд евро [19]), а также привлечение информаторов. Наиболее известным среди них был Э. Фальчиани, в 2009 г. раскрывший список из 130 тыс. лиц, ныне известный как «SwissLeaks».

Утечки банковских данных и миллиардные штрафы вынудили швейцарские банки сотрудничать с международными институтами. В связи с этим 19 ноября 2014 г. Конфедерация подписала Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией с ОЭСР, а 27 мая 2015 г. – Соглашение о налоговой транспарентности с ЕС. В соответствии с этими документами с января 2018 г. она начала обмениваться финансовой информацией с ЕС, а с сентября того же года – с ОЭСР, что фактически положило конец эпохе банковской тайны в Швейцарии.

Если в отношениях Швейцарии с ее соседями в сфере транспорта и финансов присутствовали разногласия, то в сфере энергетики между ними наладилось продуктивное сотрудничество, история которого началась еще в 1958 г., когда Германия и Франция соединили высоковольтные сети через Швейцарию, положив начало развитию единой европейской энергосистемы. В последующие годы Конфедерация сохранила свою связующую роль в качестве «батареи для Европы»: в мае 2012 г. министры экономики Германии, Австрии и Швейцарии подписали совместную декларацию об оптимизации энергосистемы альпийских стран с помощью гидроаккумулирующих электростанций. А в 2016 г. швейцарская компания «Trans Adriatic Pipeline AG» начала строительство Трансадриатического газопровода, который к 2020 г. станет частью Южного газового коридора, направляющего природный газ из Азербайджана в Италию, являющуюся стратегическим партнером Конфедерации в энергетической сфере.

Швейцарию и ее соседей связывают общие интересы и в сфере инноваций, образования и культуры. Сотрудничество между ними в научной сфере сконцентрировано вокруг международных проектов в ядерной, космической и медицинской области. Кроме того, с 2016 г. Швейцария, Германия, Австрия и Лихтенштейн продвигают совместную идею дуального профессионального обучения в развивающихся странах. А сотрудничество в сфере культуры координирует Международная Организация Франкофонии и Швейцарский институт в Риме.

Тесная взаимосвязь Конфедерации с ее соседями наиболее ярко проявляется в межрегиональном сотрудничестве. Одними из старейших существующих инициатив

являются франко-германо-швейцарская Конференция Верхнего Рейна (1971) и Региональный франко-жневский комитет (1973), на базе которых впоследствии были образованы транснациональные агломерации Верхний Рейн (2010) и Большая Женева (2012). Кроме того, швейцарские кантоны участвуют в таких еврорегиональных группах сотрудничества под эгидой Совета Европы, как франко-германо-швейцарский Три-Рена (1995), итало-швейцарская Инсубрика (1995) и германо-австрийско-швейцарско-лихтенштейнское Боденское озеро (1997), а также в таких Европейских группах территориального сотрудничества под эгидой Европейского союза, как Рейнско-Альпийский коридор (2015) и «Eucog – Европейский кампус» (2015).

В Альпийском регионе Швейцария также участвует в нескольких интеграционных объединениях под эгидой зонтичной организации – Международной комиссии по защите Альп (CIPRA). Среди них – Альпийская конвенция (1991), направленная на сохранение экологической обстановки в регионе, а также «Партнерство альпийских государств в сфере безопасности» (1999), укрепившее их сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией, торговлей людьми, контрабандой и отмыванием денег.

Заклучение

Соседние государства – естественные стратегические партнеры Швейцарии, что обусловлено географической, исторической, языковой и культурной близостью, а также общностью политических и экономических интересов. Соседство с более крупными и влиятельными странами, такими как Германия и Франция, позволяет Швейцарии опосредованно влиять на формирование международной повестки дня, ведь соседи становятся «проводниками интересов» Конфедерации. В то же время ее отношения с ними не всегда можно назвать взаимовыгодными: под их давлением Конфедерация зачастую была вынуждена идти на уступки, что наиболее ярко проявилось в области налогообложения банковских вкладов. Однако, несмотря на разногласия, между Швейцарией и ее соседями установилось интенсивное сотрудничество в сфере транспорта, финансов, энергетики, науки и культуры, а также межрегиональное сотрудничество, что способствует углублению интеграции Конфедерации в общеевропейское пространство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Swiss Foreign Policy Strategy 2012–2015. – Bern : FDFA, 2012. – 28 p.
2. Swiss Foreign Policy Strategy 2016–2019. – Bern : FDFA, 2016. – 40 p.
3. Die Schweiz in der Welt 2028: Bericht der Arbeitsgruppe «Aussenpolitische Vision Schweiz 2028». – Bern : EDA, 2019. – 49 s.
4. Bibliografie der Geschichte der Schweizer Aussenpolitik [Elektronische Ressource] // Diplomatische Dokumente der Schweiz. – Zugriffsmodus: <https://www.do-dis.ch/biblio>. – Zugriffsdatum: 10.07.2019.
5. Шарапо, А. В. Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии, Швейцарии : учеб. пособие / А. В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2007. – 231 с.
6. Швейцер, В. Я. Парадоксальная Швейцария / В. Я. Швейцер, А. И. Степанов, Ю. И. Юданов // Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. – М. : Весь Мир, 2009. – С. 125–230.
7. Бабынина, Л. О. Отношения Европейского союза с Исландией, Норвегией и Швейцарией: интеграция без членства / Л. О. Бабынина, Н. В. Говорова, Е. П. Тимошенко // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. А. А. Громыко, М. Г. Носова. – М. : Весь Мир, 2015. – С. 181–216.
8. Bilaterale Besuche von 1848 bis heute [Elektronische Ressource] // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten. – Zugriffsmodus: <https://www.eda.ad->

min.ch/eda/de/home/das-eda/diplomatie/protokoll-und-besuche/bilaterale-besuche.html. – Zugriffsdatum: 10.07.2019.

9. Dreiländertreffen der Bundespräsidenten Oesterreichs, Deutschlands und der Schweiz in St. Gallen [Elektronische Ressource] // Der Bundesrat. – Zugriffsmodus: https://www.admin.ch/cp/d/41947f67_1@fwsrvg.html. – Zugriffsdatum: 10.07.2019.

10. Swiss–Impex [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gate.ezv.admin.ch/swissimpex>. – Date of access: 10.07.2019.

11. EFTA Trade Statistics – Section View [Electronic resource]. – Mode of access: http://trade.efta.int/#/overview/EFTA/EU_28/2018/SVHS4. – Date of access: 10.07.2019.

12. Direct investment [Electronic resource] // Swiss National Bank. – Mode of access: <https://data.snb.ch/en/topics/aube>. – Date of access: 10.07.2019.

13. Europe / Central Asia [Electronic resource] // State Secretariat for Economic Affairs. – Mode of access: https://www.seco.admin.ch/seco/en/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/laenderinformationen/europazentralasien.html. – Date of access: 10.07.2019.

14. Arbeitsmarkindikatoren 2018. – Bern : BFS, 2018. – 88 s.

15. Bestand und Entwicklung der Bevölkerung der Schweiz: Definitive Ergebnisse 2017 [Elektronische Ressource] // Bundesamt für Statistik. – Zugriffsmodus: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/aktuell/neue-veroeffentlichungen.gnpdetail.2018-0429.html>. – Zugriffsdatum: 10.07.2019.

16. Banking Barometer 2018: Economic trends in the Swiss banking industry. – Basel : SwissBanking, 2018. – 74 p.

17. Project – Flat rate tax on assets held with banks on a cross-border basis. – Basel : SwissBanking, 2009. – 12 p.

18. Гирко, Т. Берн заплатил 900 млн франков Лондону и Вене [Электронный ресурс] / Т. Гирко // Наша Газета. – 2013. – 26 июля. – Режим доступа: <https://nashagazeta.ch/news/econom/16003>. – Дата доступа: 10.07.2019.

19. «Steuer-CDs» – Nutzen und Kosten im Überblick [Elektronische Ressource] // Finanzverwaltung des Landes Nordrhein-Westfalen. – Zugriffsmodus: <https://web.archive.org/web/20181125152939/https://www.finanzverwaltung.nrw.de/de/steuer-cds-nutzen-und-kosten-im-ueberblick>. – Zugriffsdatum: 25.11.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.08.2019

Zuyev I. V. Switzerland's Relations with Neighbouring States

The article deals with Switzerland's relations with neighbouring states (Germany, France, Italy, Austria and Liechtenstein) in the area of foreign policy and diplomacy, economy and finance, as well as science and culture in the 1990–2000s. It identifies the factors that make it possible to call these states its most important strategic partners. It provides and analyses statistical data on bilateral and multilateral visits, the volume and structure of Switzerland's foreign trade with its neighbours, and their mutual investments and migration. In addition, it focuses on the issues of their relations in the area of transport and finance.

УДК 94(34)

О. В. Перзашкевич

канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории древнего мира и средних веков
Белорусского государственного университета
e-mail: minskhist@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ РИГВЕДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из ключевых исторических проблем общества, отраженного в Ригведе, является полное отсутствие для него бесспорной абсолютной хронологии. В XIX в. европейские ученые разработали теорию формирования древнеиндийского письменного наследия, согласно которой Ригведа и отраженное в ней общество сложились во второй половине II – начале I тысячелетия до н. э. или несколько ранее. В XX в. начало этого процесса было определено как середина II тысячелетия до н. э. или рубеж III и II тысячелетия до н. э. В таком виде теория стала рассматриваться как научно обоснованная хронология и вошла составной частью в хронологию истории Древнего Востока. Исследования последних десятилетий дают, тем не менее, основания полагать, что сложение ригведийского общества проходило гораздо ранее – в III тысячелетия до н. э., а возможно, в IV и даже V тысячелетия до н. э.

Введение

Проблема установления абсолютной хронологии ведийского общества, в том числе древнейшего из них – ригведийского, является одной из самых существенных в исторической индологии. Вместе с тем, сами памятники, как известно, не содержат никаких бесспорных хронологических сведений. Именно поэтому вопросы датировки Вед всегда вызывали живейший интерес и дискуссии.

В работе речь пойдет о системе датировок, предложенной в качестве теории европейскими учеными XIX в., прежде всего, Ф. М. Мюллером [1, с. 145–153]. Эта теория очень скоро стала восприниматься многими исследователями как признанная научная хронология, и в таком виде существует в качестве наиболее распространенной, если даже не общепринятой. Такое положение, вероятно, не создалось бы, если бы наряду с теорией филологов сложилась бы стройная концепция археологов. К сожалению, самостоятельных вариантов, основанных на археологических данных, нет, поскольку таковые и на сегодня не могут быть использованы для установления каких-либо надежных хронологических соответствий в Ригведе, в первую очередь, в силу своей крайней неоднозначности [2, с. 434; 3, с. 28–40].

Классическая хронология Ф. Макс-Мюллера и данные древнеиндийских и средневековых авторов

Вышеназванная хронологическая теория исходит из того, что ведийское общество – это общество, сложившееся во второй половине II – начале I тысячелетия до н. э. Именно так датировал его Ф. М. Мюллер, выделив в истории древнеиндийской литературы четыре периода на основании формы произведения [4, с. 70] с интервалом в 200 лет для первых трех:

1. Чхандасы (1200–1000 гг. до н. э.) [4, с. 572];
2. Мантры (1000–800 гг. до н. э.) [4, с. 572];
3. Брахманы (800–600 гг. до н. э.) [4, с. 244–245];
4. Сутры (600–200 гг. до н. э.) [4, с. 445].

Абсолютная датировка периода сутр была сделана на основании перекрестного анализа данных пуран о правлении династии Маурья и жизни Будды, а также сообщений буддистских хроник и сочинений античных авторов [4, с. 262–310]. Что же касается продолжительности трех предшествующих периодов, то она была взята чисто гипотетически, поскольку автор считал, что это минимально возможный срок сложения

каждой формы, со временем предложенную продолжительность периода придется увеличивать [4, с. 435–445].

Но именно об этой теории (несмотря на указания самого создателя на ее умозрительность) [4, с. 570–571] ранее и шла речь как о достоверной исторической хронологии, ставшей полноправной частью создаваемой хронологии истории Древнего Востока. Именно так ее и стали рассматривать многие исследователи. Ригведийское общество в таких работах традиционно рассматривалось как возникшее в результате распада индоиранской общности [5, с. 13–14], и речь идет о второй половине II – начале I тысячелетия до н. э. [6, с. 20–23; 2, с. 437], хотя некоторые реалии, вероятно, существовали и ранее.

Естественно, что за столь длительный период историческая ситуация, а с ней и исторические реалии менялись. Поэтому говорить о ведийском обществе как о чем-то совершенно неизменном, т. е. рассматривать его абсолютно синхронно в рамках всего массива текстов, представляется не совсем корректным, тем более что даже ригведийские тексты, очевидно, создавались в разное время:

1) раннеригведийский период отражен в текстах II–VII (фамильных) и части IX мандал (это время начала проникновения ариев в Индию);

2) среднеригведийский период связан с текстами I и VIII мандал (это период расселения ариев в Северной Индии и активных контактов с местным населением);

3) поздне-ригведийский период – части IX, X и некоторые гимны VIII мандал (он отражает период становления арийского общества в Индии) [2, с. 474–476].

Интересно, что датирование периода завершения сложения Ригведы началом I тысячелетия до н. э., предложенное, как уже было показано, еще Ф. М. Мюллером, совпадает с подсчетами Ф. Э. Паргитера, который указывает 980 г. до н. э. как время завершения составления вед (в т. ч. и Ригведы) Вьясой [7, с. 318].

Указание на датировку Ф. Э. Паргитера в данном случае очень примечательно. Этот ученый основывал свои исследования на данных пуран (т. е. на индийской традиции) и указывал, что они опровергают теорию Ф. М. Мюллера [7, с. 300–301]. Однако, как видно из дат, полученных, без сомнения, выдающимся исследователем пуран, в части хронологии они совместимы именно с идеями немецко-английского классика индологии, а не с индийской традицией. Даже дата Ф. Э. Паргитера для начала сложения вед – ок. 2050 г. до н. э., может рассматриваться как конкретное уточнение к положению Ф. М. Мюллера, что, возможно, следует расширить рамки указанного процесса в древность [1, с. 152]. В то же время XXI в. до н. э. для начала сложения вед совершенно несовместим с тем, что этот процесс, согласно пуранам, происходил до начала кали-юги, т. е., согласно подсчетам Арьябхаты, до 3102 г. до н. э.

Несовместимость европейской хронологии вед с индийской традицией пуран и сутр принято было объяснять мифологичностью даты Арьябхаты и указаний пуран на кали-югу, а также произвольными правилами подсчетов сторонников индийской традиции. При этом примечательно, что не последнюю роль в отрицании датировок, основанных на сутрах и пуранах, сыграла библейская хронология, прежде всего датировки Потопа. Как известно, Шатапатха Брахмана (ZB I 8,1) рассказывает, как от Потопа спасся один человек – Ману. Именно от него, согласно индийской традиции, происходят все люди, как от библейского Ноя. И именно поэтому библейская хронология, лежавшая в XIX в. в основе всей хронологии Древнего Востока, не могла не оказать влияния на отношение европейских исследователей к датировкам пуран. Это тем более существенно в отношении религиоведов, среди которых Ф. Макс Мюллер занимал виднейшее место.

Среди ученых XIX в. не было единого мнения о точной дате Потопа. Однако некоторые временные пределы для этого явления существовали. Так, по книгам Ветхого

Завета устанавливался временной интервал между Потопом и началом строительства храма в Иерусалиме. Последнее событие произошло на 4-м году правления Соломона (3 Цар. 6, 1), что во второй половине XIX в. определялось как 966 г. до н. э. [8, с. 792]. К неудовольствию исследователей, в различных вариантах этих книг указанный интервал исчислялся по-разному [8, с. 776–777], но нас в данном случае интересует не столько точная дата, сколько предельно допустимые значения времени этого события (таблица).

Таблица. – Количество лет, прошедшее между Потопом и началом строительства храма в Иерусалиме по данным Ветхого Завета

Период	Танах	Септуагинта	Синодальная	Примечание
От сотворения мира до Потопа	1656	2242	1656	Быт. 5 + Быт. 7, 6
От Потопа до рождения Авраама	290	1170	422	Быт. 11, 10-32
От рождения Авраама до его ухода из Харрана	75	75	75	Быт. 12, 4
От ухода Авраама из Харрана до отбытия Иакова в Египет	215	215	215	Быт. 46, 9
Пребывание в Египте до исхода	430	430	430	Исх. 12, 40
От исхода до начала строительства храма	480	480	480	3 Цар. 6, 1
Итого (лет)	1490	2370	1622	
Век до н. э.	XXV	XXXIV	XXVI	

Даже при самом раннем варианте Ману не мог жить ранее XXXIV в. до н. э. (окончания Потопа). Однако в войне Махабхараты принимал участие Кришна, который, согласно составленной по пуранам генеалогической таблице Ф. Э. Паргитера [7, с. 144–149], был потомком Ману в 94-м колене. Если учесть, что для библейской хронологии того времени было принято считать по 40 лет на поколение [8, с. 776–777], то получается, что битва при Курукшетре произошла через 3720 лет после Ману (Потопа), что дает нам IV в. н. э., а не XXXIII–XXXII вв. до н. э. (начало кали-юги, война Махабхараты). Даже если бы интервал был в 20 лет, то это даст нам 1860 лет, следовательно, XVI в. до н. э., т. е. снова на 12 веков позднее индийской традиции.

Таким образом, традиционные индийские датировки никак не укладывались в общую «послепотопную» хронологию истории Древнего Востока, что в XIX в. неминуемо делало первые совершенно несостоятельными. Конечно, данные пуран разноречивы и не всегда последовательны. Однако они вполне могли стать основанием как для выбора Ф. Макс Мюллером 200-летнего интервала, так и для возражений Ф. Э. Паргитера. Ведь, опираясь на данные Танаха о Потопе и 20-летний интервал, получаем VII в. до н. э., что (с учетом более поздней фиксации событий в пуранах) соответствует как предлагаемой Ф. Макс Мюллером периодизации, так и обоснованию Ф. Э. Паргитером коротких интервалов для поколений.

Неудивительно, что основанная на лингвистических гипотезах и социально-политических теориях западноевропейская хронология истории индоиранцев, в т. ч. и создателей вед, оказалась скорее вымышленной, чем научной как с точки зрения лингвистики [9, с. 276–302], так и с точки зрения истории [10, с. 1–44]. Ко всем аргументам лингвистов и социальных антропологов следует добавить приведенные выше данные о времени начала кали-юги, продолжительности сложения Ригведы и правлениях разных династий. Для того чтобы попасть в установленную хронологию с учетом времени прихода к власти Чандрагупты Маурья (ок. 320 г. до н. э.), нужно либо принимать

очень короткие интервалы для предыдущих 34 правителей, царствовавших после Куркштры (как это и сделал Ф. Э. Паргитер [7, с. 179–182]), либо смещать династию Маурья в IV в. н. э. (что, кстати сказать, иногда используется как доказательство того, что индийская традиция путала Маурьев и Гуптов).

Еще одним существенным возражением против периодизации Ф. Макс Мюллера (а также построенных построенных на ее основе исторических теорий) стали с 1920-х гг. археологические открытия в долине Инда. Казалось бы, существование в Индии развитой цивилизации уже во второй половине III тысячелетия до н. э. должно было не только лишний раз опровергнуть историчность «потопной» хронологии, но и привести к отказу от XII–X вв. до н. э. как от времени создания древнейшего индийского памятника – Ригведы. Однако произошло обратное. Города в долине Инда были объявлены доведийскими, а упадок цивилизации, произошедший в основном в XIX–XVIII вв. до н. э., был приписан руководителем раскопок М. Уилером вторжению нового населения – ариев, создателей вед. При этом время вторжения было определено как XVI–XV вв. до н. э. Для устранения хронологического расхождения упадок Индской цивилизации был «растянут» М. Уилером до искомым XVI–XV вв. до н. э. [11, с. 90–93].

Понятно, что для этого надо было как-то объяснить, откуда эти арии взялись в Индии в XVI в. до н. э. (или даже в XXI в. до н. э., согласно теории Ф. Э. Паргитера), если они должны были прийти только в XII в. до н. э. В качестве объяснения была постепенно разработана теория арийского расселения волнами [12, с. 137–189], опирающаяся первоначально на обнаружение носителей арийских языков в Передней Азии начиная с XVI в. до н. э. [11, с. 90], а затем и на трактовку результатов археологических исследований индоиранского культурного пограничья периода начала II тысячелетий до н. э. [12, с. 98–103].

В результате первая волна арийского вторжения в Индию была определена как рубеж III–II тысячелетий до н. э., вторая – XVI–XV вв. до н. э. А XII–X вв. до н. э. стали завершением вторжения и закреплением ариев в Индии (что подтверждалось и окончательным сложением Ригведы). Примечательно, что такое решение не противоречит и «потопной» хронологии, только со сменой методики подсчетов. Если наряду с 40-летним взять еще и 20-летний интервал между поколениями правителей, названных в пуранах как минимальный, что было уже принятым в середине XX в., это даст нам XVIII в. до н. э., а по методике Ф. Я. Паргитера – даже XXI в. до н. э. В результате имеем интервал XVIII (XXI) – XI вв. до н. э., что прекрасно согласуется как с теорией Ф. М. Мюллера, так и с предположением М. Уилера. При этом все построения, основанные на теории первого ученого, остаются в силе, подвергаясь лишь уточнениям и доработке. Индийские же традиционные датировки в расчет по-прежнему не принимаются.

Хронология ригведийского общества в междисциплинарных исследованиях

Естественно, что очевидная зависимость многих исследователей от упомянутой теории, а также существование традиционной индийской хронологии (принципиально иной) так или иначе вынуждали исследователей искать дополнительные основания для датирования столь важного периода как для истории Индии, так и Ирана, Средней Азии и даже Ближнего Востока (с учетом наличия индоарийских элементов у хеттов, митаннийцев и касситов, а также контактов жителей Инда с Шумером). Для этого еще с конца XIX в. стали привлекаться различные данные других наук, среди которых достаточно быстро главное место заняла астрономия.

Астрономические сведения для древнеиндийской хронологии, несомненно, обладают большой ценностью, поскольку эта наука (известная как джьотиша) была очень развита в Древней Индии. Так, в Джьотишашастре указывалось, что весеннее равноденствие в это время приходилось на Бхарани, т. е. на начало Овна (период с XIII в. до н. э.

по V в. н. э.) [13, с. 151–153]. Этот же период упоминается при составлении Каушитаки Брахманы (KB XIX 3). Более ранний период отражен в Таиттирия Брахмане и Шатапатха Брахмане. ТВ I 1.2,1; 1.5,2+7 и ZB II 1,2,3 указывают на весеннее равноденствие в эпоху Криттика, т. е. в Плеядах (XXVIII–XX вв. до н. э.). На это же время указывает и Атхарваведа (AV XIX 7,2-4). Следует заметить, что Плеяды в рассматриваемом регионе вообще не были видны во время весеннего равноденствия как минимум с начала II тысячелетия до н. э.

Однако существует значительная проблема в интерпретации ведийских текстов в свете астрономических сведений и соотнесении ведийских событий с астрономическими реалиями. Поэтому неудивительно, что уже в конце XIX в. появилась хронология, основанная на интерпретации астрономических сведений в подтверждение традиционных датировок вед, т. е. до кали-юги.

Основателем этого направления считается Б. Г. Тилак. Индийский исследователь исходил из положения, что ведийское общество должно относиться к более раннему времени, чем Криттика (т. е. гелиакического восхода Плеяд (XXVII–XX вв. до н. э.)) и даже Рохини, связанная в эпической традиции с войной Махабхараты (т. е. гелиакического восхода Альдебарана (XXXVII–XXVIII вв. до н. э.)). Речь может идти об эпохе Мригашира, т. е. о весеннем восхождении Солнца в созвездии Ориона (V–IV тыс. до н. э.) или даже об эпохе Пунарвасу, т. е. весеннего равноденствия в созвездии Близнецов (VII–VI тысячелетия до н. э.) [14, с. 451, 489; 15, с. 198–220]. Современные данные астрономии подтверждают датировки указанных периодов, однако связь приводимых фрагментов ведийских текстов с астрономическими сведениями вызывает вполне обоснованные сомнения [16, с. 229–248].

Таким образом, по астрономическим данным, ригведийское общество должно было существовать еще до вступления весеннего равноденствия в Плеяды, что указывает на эпоху Альдебарана, т. е., как минимум, на самое начало III тысячелетия до н. э. или даже ранее. Поскольку сложение корпуса Ригведы происходило в течение очень долгого времени, начальная стадия рассматриваемого общества вполне могла приходиться и на V тысячелетия до н. э., как и указывали Б. Г. Тилак, Д. Фроли, С. Как [17, с. 4–6] и др.

Интересным в этой связи представляются и исследования вопроса об астрономических возможностях датировки событий Махабхараты Б. Н. Наракхари Ачара. Согласно его результатам, основанным на компьютерном моделировании астрономических явлений в прошлом, некоторые события времен войны, описанной в этой поэме, происходили в 3067 г. до н. э. [18, с. 35–52]. Находясь в полном несоответствии с господствующей хронологией истории Древней Индии, эта дата, несомненно, подпадает под определение «начала кали-юги» (т. е. эры, начавшейся ок. 3102 г. до н. э.).

Вторым существенным фактором в установлении фактически обоснованной ведийской (особенно ригведийской) хронологии являются данные гидрологии, полученные в Индии на протяжении последних 20 лет в результате исследований русла пересохшей реки в пустыне Тар. Эти результаты (получившие название «аргумент Сарасвати») стали еще одним основанием для синхронизации ригведийского общества.

С XIX в. было принято считать, что часто упоминаемая в Ригведе Сарасвати – это один из левых притоков Инда. Ее название рассматривалось как свидетельство пришествия создателей Ригведы с северо-запада, поскольку на территории исторического Ирана известна река Харахвайти [19, т. 2, с. 434–437; 20, с. 16–17]. Однако современные исследователи Вед все более склоняются к мысли, что пересохшая река в пустыне Тар и есть прославляемая в Ригведе Сарасвати [9, с. 45–50; 20, с. 79–82].

Спутниковые наблюдения и гидрологический анализ показывают, что в VIII–III тысячелетиях до н. э. восточнее Инда протекала полноводная река, которая первоначально

была, возможно, крупнейшей в регионе. С IV тыс. до н. э. эта река начала терять притоки и постепенно пересыхать [9, с. 321–323]. Процесс завершился не позднее середины II тысячелетия до н. э., после чего постепенно сформировалась современная пустыня Тар [21, с. 3–13]. Практически нет сомнений, что именно эту реку имели в виду создатели ригведийских гимнов под именем Сарасвати. Очевидно, следует признать, что описывать Сарасвати как полноводную реку, начинающуюся в горах и впадающую в океан (RV II 41, 16; V 43, 11; VI 49, 7; VI 52, 6; VI 61, 8-12; VII 95, 2; VII 96, 2; VIII 21, 8), могли только те, кто ее таковой видел. А это значит, что речь должна идти, как минимум, о начале III тыс. до н. э.

Заклучение

Как видно из сказанного выше, вопрос о времени существования ведийского, и в первую очередь, ригведийского, общества оказывается не столь простым, а ответ на него не столь очевидным, как представляется в большинстве исследований, в т. ч. и новейших. Следует признать, что принятые в исторической науке датировки достаточно основательно отличаются не только от традиционных индийских, но и современных астрономических и гидрологических данных.

Таким образом, если опираться на результаты исследований последних 25–30 лет в области изучения Древней Индии в связи с периодом вед, можно прийти к следующему выводу:

1. Ригведийское общество складывалось на протяжении очень длительного периода, охватывавшего как минимум III тысячелетие до н. э., а возможно, IV и даже V тысячелетия до н. э. Это означает, что создатели Ригведы были или современниками, или, если исходить из полноводности Сарасвати в Ригведе, предшественниками Индской цивилизации.

2. Вопрос о том, в какой связи находились жители цивилизации долин Инда и Сарасвати и создатели Ригведы, пока, на наш взгляд, доказательного ответа не имеет.

3. Индийская хронология вед, основанная на сутрах и пуранах, вполне вероятно, имеет под собой основания значительно более глубокие, чем хронологическая теория, созданная европейскими учеными в XIX в. и получившая дальнейшее развитие в XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mueller, F. M. Lectures on the Origin and Growth of Religion as Illustrated by the Religions of India / F. Max Mueller. – London, 1878. – 395 p.
2. Елизаренкова, Т. Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры / Т. Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы I–IV. – М., 1989. – С. 426–543.
3. Шилов, Ю. А. Прародина ариев / Ю. А. Шилов. – Киев, 1995. – 744 с.
4. Mueller, F. M. A History of Ancient Sanskrit Literature / F. M. Mueller. – London, 1859. – 607 p.
5. Oldenberg, H. The Religion of the Veda / H. Oldenberg. – Delhi, 1988. – 359 p.
6. Gonda, J. Vedic Literature (saMhitAs and brAhmaNas) / J. Gonda. – Weisbaden, 1975. – 463 p.
7. Pargiter, F. E. Ancient Indian Historical Tradition / F. E. Pargiter. – London, 1922. – 368 p.
8. Marti, K. Chronology. A. Old Testament / K. Marti // Encyclopaedia Biblica : in 4 vol. ; ed. T. K. Cheyne, J. Sutherland Black. – New York, 1899–1903. – Vol. 1. – P. 773–799.
9. Kazanas, N. Indo-Aryan Origins and Other Vedic Issues / N. Kazanas. – New Delhi, 2009. – 374 p.

10. Rajaram, N. S. Vedic Aryans and the Origins of Civilizations / N. S. Rajaram, D. Frawley. – Delhi, 2001. – 389 p.
11. Wheeler, M. The Indus Civilization / M. Wheeler // The Cambridge History of India. Supplementary Volume. – Cambridge, 1953. – 109 p.
12. Parpola, A. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the dAsas / A. Parpola // International Journal of Dravidian Linguistics (IJDL). – 1988. – Vol. XVII, № 2. – P. 85–229.
13. Frawley, D. Gods, Sages and Kings: Vedic Secrets of Ancient Civilization / D. Frawley. – Salt Lake City, 1991. – 396 p.
14. Тилак, Б. Г. Арктическая родина в Ведах / Б. Г. Тилак. – М., 2001. – 528 с.
15. Tilak, B. G. The Orion or Researches into the Antiquities of the Vedas / B. G. Tilak. – Bombay, 1893. – 227 p.
16. Feuerstein, G. In Search of the Cradle of Civilization / G. Feuerstein, S. Kak, D. Frawley. – Wheaton (Illinois), 2001. – 345 p.
17. Kak, S. On the Chronological Framework for Indian Culture / S. Kak. – Baton Rouge, 2000. – 26 p.
18. Narahari Achar, B. N. Some Fixed points in the Chronology of Bharata: Examining the astronomical records with Planetarium Software / B. N. Narahari Achar // Astronomical Dating of Events & Select Vignettes from Indian History ; ed. K. Vepa. – Pleasanton : Indic Studies Foundation, 2008. – Vol. I. – P. 33–97.
19. Macdonell, A. A. Vedic Index of Names and Subjects / A. A. Macdonell, A. B. Keith. – New Delhi, 1958. – Vol. 2.
20. Witzel, M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts [Electronic resource] / M. Witzel // Electronic Journal of Vedic Studies (EJVS). – 2001. – № 7-3. – Mode of access: <http://www1.shore.net/~india/ejvs/>. – Date of access: 15.08.2010.
21. Kalyanaraman, S. Sarasvati River (circa 3000 to 1500 B.C.) / S. Kalyanaraman. – Chennai, 1997. – 180 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.06.2019

Perzashkevich O. V. To the Problem of Historicalness of the Rigvedic Society

One of the major historical problems of the society, depicted in the Rigveda, is the absence of any evident absolute chronology. In the XIX century European scholars elaborated the Ancient Indian legacy formation theory, according to which the Rigveda and its society was formed during the 2nd half of II – early I millennium BC or some time earlier. In the XX century the beginning of that process was determined as the middle of the II or very late III – early II millennium BC. This version was established as the scientifically verified chronology and became the structural part of the historical chronology of Ancient East. However, the researches of the last decades give us a valid enough basis to regard, that formation of the Rigvedic society took place much earlier: in the III–IV, might even in the V millennia BC also.

УДК 330.43:502.174.1(476.7)

В. В. Конончук

канд. экон. наук, доц., ст. науч. сотрудник
Полесского аграрно-экологического института НАН Беларуси
e-mail: victorkon@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Влияние случайных и неуправляемых природных и погодно-климатических факторов на агропромышленное производство региона в существенной степени предопределяет устойчивость его развития. Инновационное устойчивое развитие агропромышленного комплекса региона предполагает реализацию ресурсно-эффективного подхода и снижение нагрузки техники и технологий на окружающую среду. Обеспечить существенный эффект от инновационного устойчивого развития агропромышленного комплекса региона позволяют количественные и качественные методы моделирования, с помощью которых возможно определить варианты и сценарии развития с учетом вероятностных случайных характеристик факторов.

Введение

Методологическую основу моделирования инновационного устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) региона составляет системный подход, отражающий многовекторность проявления случайных природно-климатических факторов, а также факторов экономической неопределенности с точки зрения объективности экономических отношений и субъективности выбора решений управляющей системы.

В моделировании инновационного устойчивого развития АПК региона производственно-экономические параметры оцениваются с точки зрения эффективности использования ресурсного потенциала и с учетом разнонаправленности воздействия ресурсных факторов на результативные показатели эффективности. Например, одни и те же погодно-климатические факторы могут приводить к снижению урожайности продовольственных растениеводческих культур и одновременно способствовать росту урожайности кормовых культур, улучшению состояния кормовой базы и повышению продуктивности животных, т. е. отражаться на результативных показателях эффективности АПК по-разному.

Результаты и обсуждение

Реструктуризация экономики АПК региона предполагает модернизацию его отраслей. Инновационное устойчивое развитие позволяет реализовать существенный потенциал модернизации, связанной с переходом к экономико-экологическому развитию, и основывается на структурно-технологическом преобразовании экономики АПК, которое допускает возможность снижения нагрузки на окружающую среду и реализацию ресурсно-эффективного развития. Такие составляющие модернизации, как новые технологии и продукты, внедрение инноваций и информационных технологий, развитие научно-технического прогресса и непосредственное внедрение инноваций, способны сократить расход природных ресурсов, а также снизить объемы загрязнений в расчете на единицу продукции. Внедрение инноваций, направленных на экологизацию экономики, вызывают т. н. эффект декаплинга – опережение темпов роста ВВП над темпами потребления энергетических ресурсов. Этот важный эффект достигнут практически во всех развитых странах [1].

Устойчивость инновационного развития АПК тесно коррелирует с проявлением различных видов риска. Риск присутствует во всех сферах экономики, однако наиболее остро он проявляется в агропромышленном производстве. Агропромышленное производство в наибольшей степени подвержено влиянию факторов, порождающих возникновение рисков. Производство и реализация сельскохозяйственной продукции связаны с вероятностью возникновения ситуаций, ведущих к потере прибыли или даже ресурсов производителя, к несостоятельности предприятия и банкротству [2, с. 166–167].

Для оценки рисков используются количественные и качественные методы оценки. Математическое моделирование относится к группе количественных методов. Качественные методы позволяют дать комплексную оценку вероятности наступления риска и ущерба от его реализации, однако недостатком является то, что для этого необходимо привлекать компетентных экспертов. В свою очередь, количественные методы являются более трудоемкими, но позволяют определить несколько сценариев и альтернатив для принятия управленческих решений [3].

Моделирование инновационного устойчивого развития АПК региона базируется на классических научных принципах:

- 1) построение наиболее простых моделей нижнего уровня в традиционных условиях оптимизации с их последующим усложнением, детализацией и математизацией;
- 2) обеспечение составления системы простых моделей по отдельным регионам для дальнейшей последовательной дифференциации их по иерархически меньшим модельным объектам, отраслям и т. д.

Повышение экономической эффективности АПК региона в первую очередь зависит от сбалансированной программы развития ведущей сферы – сельского хозяйства. Инновационное устойчивое и ресурсоокупаемое функционирование АПК является определяющим в развитии взаимосвязи технико-технологических процессов на региональном уровне. Выработка необходимых управленческих решений по минимизации негативного воздействия на агросектор неблагоприятных явлений и факторов обосновывается и реализуется в зависимости от типа устойчивости проявления рисков.

Тип устойчивости выделяют на основе многофакторных эконометрических (корреляционных) моделей по коэффициентам соотношения расчетных (прогнозных) и фактических значений ключевых экономических показателей. Как правило, выделяют важнейшие три типа устойчивости:

- 1) устойчивый (адаптивный);
- 2) оптимистический;
- 3) пессимистический (негативный).

Специфика аграрного производства выражается в связи с живыми организмами, с вероятностными рискообразующими параметрами, к которым относят биологические факторы (болезни животных, растений и т. д.), а также природно-климатические и экологические. Такие параметры являются неуправляемыми либо слабоуправляемыми, что и предопределяет проявление рисков в аграрном производстве и напрямую оказывает влияние на устойчивость производства.

Любой резульативный показатель в АПК, формирующийся под влиянием рискообразующих факторов (параметров), можно рассматривать как функцию, зависящую от целого комплекса неравнозначных аргументов. Математически это можно выразить следующим образом:

$$y = f(x_1, x_2, x_3, \dots, x_k, z_1, z_2, z_3, \dots, z_m),$$

где x_i ($i = 1, 2, 3, \dots, k$) – производственно-технологические, экономические и другие факторы (параметры), которые могут быть количественно измерены, показывают определяющее влияние на формирование резульативного показателя значения, поддаются

регулюванню і яўляюцца мінімальна рыскаобразуючымі; $z_j (j = 1, 2, 3, \dots, m)$ – слу-чайныя параметры (прыродна-кліматычныя, погодныя, экалагічныя, біялагічныя), якія ў мадэль не ўключаны, т. к. колькасна вымераць іх немагчыма.

Наяўнасць у любой сістэме такіх слукайных параметраў (фактараў) ці яўленняў выклікае адхіленні фактычных значэнняў рэзультаіўных паказатэляў ад аждааемых (прагнозных). Ввиду слукайнага характэра ўздэяўня такіх параметраў на прадзводствэ оны яўляюцца найбале (максымальна) рыскаобразуючымі і ў значытэльнай стэпені прадэпрэдыяюць рэзультаіўнасць функцыянавання. В сувязі с гэтым важна спрагнозавать і мінімізавать іх вамажнае негатыўнае ўплыванне на рэзультаіўнасць паказатэляў эффекаіўнасці. Устойчыўнасць к праяўленням разлічных рыскаў фарміруецца ўвэлічэннем стэпені ўплывання групы фактараў x_i і мінімізацыяй стэпені ўплывання групы фактараў z_j .

Камаплексны аналіз важнайшых прадзводствэна-тэхналагічных і эканамічных паказатэляў развіцця і функцыянавання Брэсцкага абласнага АПК свідэцтвае аб устойлівым росце не толькі абсалютных, но і адносітэльных паказатэляў эффекаіўнасці. Даннае палажэнне свідэцтвае аб эффекаіўным мэнэджмэнта групы рэсурса-тэхналагічных і эканамічных параметраў і мінімізацыі рыскаў в АПК.

Праграммы іннавацыянальнага ўстойлівага развіцця АПК рэгіяна в завасымасці ад тыпа ўстойчыўнасці адлічаюцца ввиду разлічый праяўлення погодных ўсловаў, разлічый в уражаіўнасці культаў і аб'ямах прадзводства прадваольствя і кармаў. Для каждаго із вамажных тыпаў ўстойчыўнасці характэрны сваі каэффеаіенты затратаў і вахода прадукцыі. Гэто прадэпрэдыяе неабходнасць каррэктаўкі мадэляў прагнозававання клучавых паказатэляў с цэлю павышэння ўстойчыўнасці развіцця АПК. Найбалешы эффекаіўнасць в мадэліраванні іннавацыянальнага ўстойлівага развіцця АПК рэгіяна дае іспальзаваанне стохастычных эканаміка-маатэматычных мадэляў, пазваляюащих ўчэць ваеянтнасцьнае характэрыстыкаі фактараў неопрэдыленнасці [4, с. 216].

Обаснаванне ісходнаі інфармацыі стохастычнай эканаміка-маатэматычнай мадэлі іннавацыянальнага ўстойлівага развіцця с ўчэтам фактараў неопрэдыленнасці рэалізавэцца чэрез выдэляенне клучавых паказатэляў, генэральных арыентараў, на аснове каарых вамажна асащэствіть прагноза вазаімавазыаных паказатэляў. Ключавым паказатэлем в мадэліраванні іннавацыянальнага ўстойлівага развіцця АПК рэгіяна слэдуе счэтаць уражаіўнасць зернавых культаў. Пра расчэте прагнознай уражаіўнасці і друаых паказатэляў ўчэтываюць слэдуюаае палажэння:

1) пра абаснаванні вэдучааго паказатэля уражаіўнасці зернавых культаў на аснове эканамэтрычных мадэляў неабходна ўчэць фарміруюаае новыя заканамернасці с ўчэтам адаптацыі к слоажывшымся прыродна-эканамічным ўсловам;

2) крытэрыем ўстойчыўнасці развіцця і адакватнасці мадэляў к ўсловам неопрэдыленнасці яўляюцца ўслова мінімізацыі адхіленняў рэзультаіўных расчэтных значэнняў паказатэляў эффекаіўнасці ад фактычных, максімізацыі аапроксімацыі, максімальнаі і срэднеквадратычнай аааыбаў.

Эканамэтрычная (автакаарреляаіаанна-трэндавая) мадэль краткасрачнага прагнозававання уражаіўнасці зернавых культаў, каарая ваажааае слоажывшымся ранее і праяўляюаае новыя тэнденааіі зменэння паказатэля в ўсловах неопрэдыленнасці, імае слэдуюаааі вуд:

$$Y_x = Y_0 + a_1 t - a_2 t^2 + \left(\sin \frac{2t}{3}\right) \left(1 + \frac{t}{2}\right)^2, R = 0,9126,$$

где Y_x – перспективная урожайность зерновых культур, ц/га; Y_o – средняя фактическая урожайность зерновых культур за предшествующие 4 года, ц/га; t – период прогноза, лет; a_0, a_1, a_2 – параметры модели.

Моделирование инновационного устойчивого развития АПК региона обеспечивает максимальный эффект при правильном определении и оценке типа устойчивости функционирования АПК. Для определения типа устойчивости и оценки используют специальную методику.

Методика оценки устойчивости функционирования АПК региона в условиях проявления агроэкологических рисков

1. Выделить важнейшие эколого-экономические лимитирующие рискообразующие факторы в формировании урожайности сельскохозяйственной культуры.

2. Рассчитать (с помощью метода статистических группировок) закономерности формирования урожайности сельскохозяйственной культуры в зависимости от важнейших рискообразующих лимитирующих факторов.

3. Рассчитать абсолютные и относительные значения лимитирующих факторов при минимально прогнозируемой урожайности сельскохозяйственной культуры.

4. Рассчитать значения лимитирующих факторов по экономической целесообразности и эффективности возделывания сельскохозяйственной культуры в условиях проявления агроэкологических рисков.

5. Рассчитать на основе методов эконометрического моделирования эколого-экономическую окупаемость ресурсного потенциала и важнейшие параметры лимитирующих факторов формирования урожайности сельскохозяйственных культур в условиях проявления агроэкологических рисков.

Практическое применение методологических подходов моделирования инновационного устойчивого развития АПК региона на основе эффективного и высокоокупаемого использования ресурсного потенциала и с учетом вероятностного проявления рисков позволяет выработать управленческие решения, способствующие нивелированию степени негативного влияния проявления рисков на эффективность не только отдельных отраслей АПК, но и всего региона. В первую очередь управления требуют наиболее вероятные и масштабные риски. Основой для выработки решений управления рисками является качественный и количественный анализ вероятности их проявления.

Реализация изложенных положений на модельном объекте для обеспечения устойчивости функционирования в условиях перманентного проявления рисков показала положительный эффект. При оценке параметров инновационной устойчивости АПК региона учитывают ключевые прогнозные составляющие, имеющие высокую достоверность их проявления.

Моделирование инновационного устойчивого развития АПК на основе математических методов с целью снижения неблагоприятного воздействия рисков позволяет улучшить качественные производственно-экономические показатели в агросекторе. Исследования, проведенные на модельном объекте, показали, что расход кормовых единиц в расчете на 1 ц продукции в молочном скотоводстве составит 1,123 ц к. ед. (на 15,6 % ниже фактического уровня); в мясном скотоводстве – 9,896 ц к. ед. (на 34,4 % ниже фактических значений).

Внедрение параметров инновационного устойчивого развития АПК региона в условиях проявления рисков позволит значительно повысить не только производительность труда, но и эффективность функционирования предприятия АПК. Производство товарной продукции в расчете на 100 га с.-х. угодий возрастет на 6,1–7,1 % в зависимости от сложившегося типа устойчивости. Производительность труда (производство товарной продукции в расчете на 1 человеко-час) возрастет более чем в 2 раза

и при пессимистическом типе устойчивости составит 5,034 руб., при оптимистическом и адаптивном типах устойчивости – 5,090 и 5,112 руб. соответственно.

Практические исследования, проведенные на модельных объектах регионально-го АПК с целью реализации методологических аспектов моделирования, позволяют сформулировать рекомендации и мероприятия по формированию условий и предпосылок инновационного устойчивого развития.

Рекомендации и мероприятия по формированию условий и предпосылок устойчивого инновационного функционирования АПК

1. Учет и мониторинг ситуаций и участков проявления агроэкологических рисков, количественный и качественный анализ их влияния на параметры развития и функционирования отраслей сельского хозяйства; моделирование и прогнозирование ключевых показателей (*генеральных ориентиров*) развития аграрного производства с учетом вероятностного проявления рисков.

2. Разработка программы (бизнес-плана) развития аграрных формирований с учетом вероятности проявления рисков.

3. Формирование стабилизационных фондов аграрной продукции (кормов и продовольствия) в условиях проявления оптимистического и адаптивного типа устойчивости на случай проявления пессимистического типа устойчивости.

4. Разработка оптимальной программы специализации и развития аграрных формирований с учетом вероятности проявления локальных и региональных рисков.

5. Разработка механизма распределения предпочтений на случай проявления агроэкологических рисков.

6. Разработка и реализация государственной информационной системы учета, математического моделирования, анализа и прогнозирования проявления рисков.

7. Системное использование и применение методов экспертных оценок в управлении рисками.

Практическое использование методологических аспектов моделирования инновационного устойчивого развития АПК региона в целом с учетом проявления различных типов устойчивости обеспечивает стабилизацию и пропорциональное развитие всех отраслей, наращивание качественных показателей, максимальную экономическую эффективность и окупаемость имеющихся ресурсов.

Заключение

1. Неустойчивость производства сельскохозяйственной продукции по годам вследствие перманентного влияния агроэкологических рисков (в первую очередь погодных) на производственно-экономические показатели развития отраслей растениеводства предполагает, что пессимистический тип устойчивости на одних культурах может оптимистически проявиться на других.

2. Показатели экономической эффективности функционирования в аграрном секторе определяются как уровнем технологии и организации труда, так и умением использовать энергию природы. В связи с этим важно учесть в хозяйственной деятельности благоприятное воздействие природно-климатических факторов для приращения положительного результативного эффекта.

3. Определяющим и наиболее существенным обстоятельством устойчивости АПК региона является наличие нескольких лет подряд (временных и сезонных периодов), неблагоприятных по погодно-климатическим условиям проявления, пессимистического типа устойчивости, что выражается в значительном недопроизводстве растениеводческой продукции и кормов; при этом потери животноводческой продукции в условиях проявления пессимистического типа устойчивости существенно превышают

процент необеспеченности кормами; восстановление утраченной продуктивности требует не менее двух лет.

4. Обеспечение стабилизации и устойчивости в развитии аграрного производства предполагает формирование стабилизационных фондов продовольствия и кормов (по видам продовольствия и кормов, пригодных к длительному хранению) в условиях проявления оптимистического и адаптивного типа устойчивости на случай проявления пессимистического типа для сглаживания дестабилизирующего влияния факторов риска на производственно-экономические показатели развития отраслей (в первую очередь урожайности культур и продуктивности животных).

5. Устойчивое развитие АПК региона предполагает оптимизацию структуры землепользования для обеспечения стабильного получения продовольствия и качественных кормов собственного производства при минимизации влияния на производство агроэкологических рисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цубрович, Я. А. Инновации как фактор устойчивого экономического развития страны [Электронный ресурс] / Я. А. Цубрович, М. С. Егорова // Молодой ученый. – 2015. – № 11.4. – С. 216–219. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/91/20105/>. – Дата доступа: 18.02.2019.

2. Жудро, М. К. Экономический механизм эффективного развития агробизнеса : монография / М. К. Жудро. – Горки : Белорус. гос. с.-х. акад., 2002. – 264 с.

3. Октаева, Е. В. Математические модели и методы оценки рисков / Е. В. Октаева // Молодой ученый. – 2016. – № 15. – С. 310–313.

4. Леньков, И. И. Экономико-математическое моделирование систем и процессов в сельском хозяйстве / И. И. Леньков. – Минск : Дизайн ПРО, 1997. – 304 с.

5. Киселева, И. А. Моделирование рискованных ситуаций / И. А. Киселева. – М. : МЭСИ, 2007. – 10 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2019

Kononchuk V. V. Methodological Aspects of Modeling of Innovative Sustainable Development of Agribusiness in the Region

The influence of random and uncontrollable natural and weather-climatic factors on the agro-industrial production of the region significantly determines the stability of its development. Innovative sustainable development of agroindustrial complex of the region involves the implementation of resource-efficient approach and reducing the burden of technique and technology on the environment. Quantitative and qualitative methods of modeling, which can be used to determine the options and scenarios, taking into account the probabilistic characteristics of random factors, allow us to provide innovative sustainable development of the agro-industrial complex of the region.

УДК 338.45:639.2

П. А. Черновалов¹, Ж. В. Черновалова²¹магістр эканомікі, аспірант 4-го года обучения каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

²ст. преподаватель каф. эканомікі и управления

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: czernowalow@gmail.com

БИОЭКОНОМИКА: ИСТОРИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Рассматриваются некоторые исторические факты, связанные со становлением в производственной деятельности человечества биотехнологий и появлением биоэкономики. Представлены взгляды некоторых экономических школ, в рамках которых можно выделить начала формирования теоретических основ биоэкономики. Определены этапы формирования биотехнологий и биоэкономики как науки, описаны ее методологические основы. Подчеркивается междисциплинарный характер биоэкономики и ее связь с такими молодыми науками, как геномика микроорганизмов и биоинформатика, инженерная энзимология и моделирование, биокатализ и дизайн его процессов, метаболомика.

Введение

Биоэкономика – одно из ключевых инновационных направлений обеспечения устойчивого развития в условиях глобализации. Она базируется на широком использовании биотехнологий и применении биологических возобновляемых ресурсов для выпуска продуктов и энергии. Истоки биоэкономики связаны с изобретением технологии перегонки и получения спирта и производством сахара. В начале прошлого века Г. Форд разрабатывал схемы двигателей внутреннего сгорания, работающих на биотопливе. Однако в то время биотехнологии еще не стали парадигмой экономического развития и долгое время применялись лишь в отдельных отраслях.

Исторические этапы развития биотехнологий

Хмельной растительный напиток, содержащий спирт, был известен человечеству с глубокой древности. Считается, что не менее чем за 8 000 лет до н. э. люди были знакомы с действием перебродивших фруктов, а позже с помощью брожения получали хмельные напитки, содержащие спирт, из фруктов и меда. Археологические находки свидетельствуют, что в Западной Азии виноделие существовало еще в 5400–5000 гг. до н. э., а на территории современного Китая (провинция Хэнань) найдены свидетельства производства ферментированных смесей из риса, меда, винограда и, возможно, других фруктов, в эпоху раннего неолита – от 6500 до 7000 г. до н. э. Впервые спирт из вина получили в VI–VII вв. арабские химики; способ получения спирта описан персидским алхимиком Ар-Рази [1]. В Европе этиловый спирт был получен из продуктов брожения в XI–XII вв. в Италии [2]. В Польшу и Россию спирт впервые попал в 1386 г., когда генуэзское посольство привезло его с собой под названием «аква вита» и презентовало великокняжескому двору [3]. В 1661 г. английский химик Роберт Бойль впервые получил метанол перегонкой древесины [4]. Абсолютированный этанол из его водного раствора был впервые получен в 1796 г. русским химиком Т. Е. Ловицем [5].

Производство сахара, как и спирта, также уходит корнями в глубину веков. Однако технологии получения сахара требовали более серьезной научной разработки и соответствующей хозяйственно-экономической организации. Первоначальным сырьем для получения сахара являлся сахарный тростник, родиной которого считается Индия. Воины Александра Македонского, участвовавшие в походе в Индию в IV в. до н. э., первыми из европейцев познакомились с этим растением. В I в. до н. э. сахарный тростник начали выращивать на Яве, Суматре и других островах Индонезии. Крестовые

походы способствовали распространению сахарного тростника для получения сахара в странах Европы, в т. ч. в Киевской Руси. В Европе сахар был известен еще римлянам. Коричневые сахарные крупы приготавливали из сока сахарного тростника и ввозили в Европу из Индии. Египет, провинция Римской империи, был посредником в торговле с Индией. Позднее сахарный тростник появился на Сицилии и в Южной Испании, но с падением Римской империи технология переработки сахарного тростника была утрачена. Первыми из европейцев научились изготавливать рафинад из тростникового сахара-сырца венецианцы [6]. Но еще вплоть до начала XVIII в. сахар был редкостью на столах европейцев. Большую роль в распространении сахарного тростника и получения из него сахара сыграла Португалия, действовавшая в рамках политики международной торговли, разработанной меркантилистами, которых интересовали вопросы богатства страны, формы этого богатства и пути его роста. Это было время, когда капитал торговцев и ростовщиков господствовал преимущественно в сфере торговли. Представитель английского меркантилизма Томас Ман, директор Ост-Индийской компании, писал: «Обыкновенное средство к увеличению нашего богатства и наших сокровищ есть иностранная торговля, в которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцам своих товаров на большую сумму, чем мы потребляем их товаров» [7].

Законодателем мод в производстве сахара в XVII в. стала Голландия. Она завела плантации сахарного тростника в своих колониях, расширила производство сахара на Яве. В это же время в Амстердаме начинают строиться первые сахарные заводы. Позже заводы появились в Англии, Германии и Франции. В развитии биотехнологий того времени проявляется теория абсолютных преимуществ Адама Смита, согласно которой реальное богатство страны состоит из товаров и услуг, доступных ее гражданам, и если какая-либо страна может производить тот или иной товар в большем объеме и дешевле, чем другие страны, то она обладает абсолютным преимуществом. Это приводит к повышению производительности страны и квалификации рабочей силы; а длительные периоды производства однородной продукции стимулируют выработку более эффективных методов работы.

В 1747 г. Андреас Марграф опубликовал в мемуарах Берлинской академии наук свои наблюдения о возможности извлекать сахар из корнеплодов свекловицы (*beta alba*) и указал даже порядок работы, который в существенных чертах сохранился и до настоящего времени. Часть устройства первого завода для добывания сахара из свекловицы принадлежит ученику Марграфа Ашару, но первые фабричные опыты были неудачны, и производство свекловичного сахара было налажено только в 1806 г. Наполеоном (осуществлялась раздача земли для возделывания свекловицы), который видел в сахаре одно из средств к поддержанию так называемой континентальной системы и независимости от английского импорта [6]. Здесь мы видим экономическую политику, реализованную в рамках физиократизма, который был естественной реакцией французских интеллигентов на недостатки меркантилистской политики кольбертизма. Физиократы считали богатством не деньги, а «произведения земли», т. е. сельскохозяйственное производство, на основе которого развивается торговля и промышленность, где, с их точки зрения, и появляется источник богатства общества. Высокая цена колониального тростникового сахара (около 8 франков за килограмм) делала выгодным производство местного сахара. Введенные во Франции усовершенствования (терки, гидравлические прессы, процеживание через костяной уголь, нагревание и сгущение сока паром) способствовали быстрому развитию производства: в 1828 г. во Франции работали уже 103 завода, производившие до 5 млн кг сахара. Технология, разработанная во Франции, распространилась затем в Германии и других странах Европы [8].

Широкое развитие биоэкономика получила тогда, когда биотехнологии стали выходить за пределы традиционных производств, выпускающих и перерабатывающих биоресурсы, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность, лесная и рыбная отрасли. Они начали проникать в химическую, фармацевтическую, энергетическую, горнодобывающую, легкую, текстильную и другие отрасли промышленности. Развитие биоэкономики основывается на достижениях «биотехнологической революции», которая произошла в конце XX – начале XXI в. и позволила многим развитым странам выйти на новый уровень эффективности народного хозяйства. В биотехнологических производственных процессах используются достижения таких областей науки, как геномика микроорганизмов и биоинформатика, инженерная энзимология и моделирование, биокатализ и дизайн его процессов, метаболомика и др.

В историческом аспекте существует три подхода к определению этапов биотехнологий. Во-первых, выдвигается теория, что биотехнологии – это планомерный процесс, фундаментом которого являются древние процессы брожения, включая получение спирта, силосование. Во-вторых, есть мнение, что условной датой появления биотехнологии следует считать присуждение компании «Мерк Кемикал Компани» в 1947 г. премии Мак-Гро-Хилла за достижения в области биохимической технологии. Наконец, начала биотехнологии можно отнести к 70-м гг. XX столетия, т. е. к моменту зарождения генетической инженерии [9]. В настоящий момент можно выделить следующие этапы формирования биотехнологий (таблица).

Таблица. – Этапы формирования биотехнологий как науки

Этап	Период	Сущность	Ученые
Эмпирический	Примерно 6000 до н. э.	Использование процесса брожения для изготовления хлеба, пива, уксуса, получение кисломолочных продуктов, квашение капусты, силосование.	
Этиологический	1856–1933 гг.	Выявление микробной природы брожений, доказательство возможности жизни в бескислородных условиях; изготовление прессованных пищевых дрожжей, а также продуктов обмена бактерий. Решены основные задачи по конструированию, созданию и внедрению в практику необходимого оборудования – биореактора.	Л. Пастер, Э. Ру, И. И. Мечников, Р. Кох, Д. Листер, Д. И. Ивановский
Биотехнический	1933–1972 гг.	Внедрение в биотехнологию крупномасштабного герметизированного оборудования, становление и развитие производства антибиотиков, культивирование клеток различного происхождения для получения разнообразных клеточных продуктов и самих клеток для нужд человека, прежде всего пенициллина, стрептомицина, тетрациклинов, декстрана, ряда аминокислот и многих других веществ.	А. Клойвер, А. Х. Перкин, Кребс, Ф. Крик, Дж. Уотсон, Ж. Моно, Р. Горте, Р. Г. Бутенко, И. И. Иванов
Геннотехнический	1972 г. – настоящее время	Разработка интенсивных процессов на основе направленных фундаментальных исследований. Создание различных продуктов, необходимых человеку на основе генно-инженерных технологий. Создание необычных организмов, ранее не существовавших в природе. Разработка и внедрение в практику специальной аппаратуры, биотехнологических схем. Автоматизация и компьютеризация биотехнологических оптимальных производственных процессов при максимальном использовании дешевого сырья и минимальном потреблении энергии. Внедрение биотехнологии в воспроизводство животных.	П. Берг, Ф. Крик, С. Очао, Г. Коран

Представленные данные позволяют утверждать, что фундамент биотехнологий заложен тысячи лет назад, а темп развития биотехнологий в последние 10 лет приобрел

глобальные масштабы. Следует иметь в виду, что данная область человеческой деятельности включает в себя две теснейшим образом связанные подсистемы – научные исследования и промышленное производство. Научное исследование все чаще становится составной частью деятельности биотехнологических компаний. В связи с этим появляется совершенно новое понятие – биоэкономика – наука, возникшая на стыке экологии и экономики, исследующая взаимодействия человека и природы, принимающая за основу внедрение в человеческую деятельность биотехнологий, которые используют возобновляемые биоресурсы для производства эффективных продуктов.

Биоэкономика в истории экономической мысли

Несмотря на то что биоэкономика – наука новая, многие основные постулаты находят свое отражение в работах К. Линнея, впервые использовавшего термин «экономика природы». Под ним он понимал взаимоотношения всех естественных тел, на которых основывается равновесие природы. Продолживший данные идеи Э. Геккель применил термин созданной им новой биологической науки – экологии, что впоследствии обозначит развитие нового технологического уклада. Определение биоэкономики впервые было предложено Джуаном Энрикесом и Родриго Мартинесом в 1997 г. Она трактовалась как наука, имеющая отношение ко всем сферам экономической деятельности, полученным из научно-исследовательской деятельности, направленной на биотехнологии, иными словами на понимание механизмов и процессов на генетическом и молекулярном уровнях и ее применение в промышленном процессе [10].

Другим важнейшим толчком формирования биоэкономики является ряд работ, изучающих различия между возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами. Основной вклад внесли работы А. Фишера [11], а также кембриджской школы под руководством К. Кларка и Д. Колина [12]. Проанализировав рынок возобновляемых ресурсов, Фишер в 1981 г. доказал их эффективность. В работах Кларка и Колина определяются условия для оптимального использования ресурсов такого типа. Эти ученые разделили возобновляемые ресурсы на физические (осадки, ветер, солнечная энергия) и живые системы, например лесные системы, агросистемы и др. Заметим, что большинство возобновляемых и невозобновляемых ресурсов истощаются, если темпы добычи быстрее, чем скорость регенерации. Основное отличие в том, что на определенном уровне использования возобновляемые ресурсы могут навсегда стать потенциально устойчивыми. Живые системы можно разделить на системы, которые используют в первоначальном виде, и системы, которые выращивают. В случае крупных сельскохозяйственных товаров, таких как зерно и скот, люди перешли от собирательства к возделыванию тысячи лет назад. В последнее столетие наблюдается, например, переход от рыболовства к разведению морских систем, а в настоящее время в качестве примера перехода от потребляющей системы к производящей может служить биотопливо. Существует множество других примеров биологических процессов, использованных для производства продуктов тонкого органического синтеза, представляющих еще один переход от невозобновляемых к возобновляемым ресурсам. Таким образом, одним из ключевых элементов в биоэкономике с точки зрения ее методологических основ является содействие этому переходу.

Заключение

Осуществленные в конце XX в. исследования показали, что существуют биологические ограничения для дальнейшего экономического роста. Кроме того, в анализе хозяйственных процессов необходимо учитывать биологический и социальный контексты, влияющие на производство, обмен и потребление.

Как пишет известный польский экономист профессор М. Адамович, «глубинное изучение биоэкономики, ее сущности, способов описания, предпосылок и факторов развития, а также возможностей современного и перспективного использования является важной стороной работы для экономистов-исследователей» [13] в XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева, В. З. Водка известная и неизвестная. XIV–XX вв. / В. З. Григорьева. – М. : Эннеагон Пресс, 2007. – С. 12.
2. Химическая энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Н. С. Зефирова. – М. : Совет. Энцикл. ; Большая Рос. Энцикл., 1988–1998. – Т. 5. – 1998. – С. 994–997.
3. Похлебкин, В. В. Терминология русских спиртных напитков в XIV–XV вв. История водки [Электронный ресурс] / В. В. Похлебкин. – Режим доступа: <http://www.vkus.narod.ru>. – Дата доступа: 25.08.2019.
4. Myers, R. L. The 100 Most Important Chemical Compounds: A Reference Guide / R. L. Myers. – Westport : Greenwood Press, 2007. – P. 174.
5. Forbes, R. J. A Short History of the Art of Distillation: From the Beginnings Up to the Death of Cellier Blumenthal / R. J. Forbes. – Brill, 1970. – P. 107–108.
6. Сахар свекловичный и тростниковый // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – СПб., 1890–1907. – Т. 82. – 1904. – 453 с.
7. Политическая экономия : учебник / К. Островитянов [и др.]. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 707 с.
8. Hendershot, W. H. Maple decline in Quebec: a discussion of possible causes and the use of fertilizers to limit damage / W. H. Hendershot, A. R. C. Jones // The Forestry Chronicle. – 1989. – P. 280–287.
9. Schwab, K. The Global Competitiveness Report 2012–2013. World Economic Forum / K. Schwab // Insight Report. – 2013. – 527 p.
10. Enriquez-Cabot, J. Genomics and the World's Economy / J. Enriquez-Cabot // Science Magazine. – 1998. – № 281. – P. 925–926.
11. Fisher, A. C. Resource and Environmental Economics / A. C. Fisher. – Cambridge, 1981. – P. 378.
12. Clark, C. W. The economics of overexploitation / C. W. Clark // Science. – 1973. – P. 630–634.
13. Adamowicz, M. Biogospodarka jako inteligentna specjalizacja w strategiach rozwoju polskich regionów / M. Adamowicz // Roczniki Naukowe Stowarzyszenia Ekonomistów Rolnictwa i Agrobiznesu. – 2016. – № 1b. – S. 9–16.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2019

Chernoalov P. A. Chernoalova Zh. V. Bioeconomics: History, Contents, Economic Thought

The article discusses some historical facts related to the formation and production of human biotechnology and the emergence of bioeconomics. The views of some economic schools are presented, within the framework of which it is possible to highlight the beginning of the formation of the theoretical foundations of bioeconomics. The stages of the formation of biotechnologies and bioeconomics as a science are determined; its methodological foundations are described. It emphasizes its interdisciplinary nature and its connection with such young sciences as genomics of microorganisms and bioinformatics, engineering enzymology and modeling, biocatalysis and the design of its processes, metabolomics.

УДК 339.9

А. В. Пукович

*магистр экон. наук, преподаватель каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: likysia_danileckay@mail.ru*

**СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА «БРЕСТ»:
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ ЕАЭС**

На основании анализа основных показателей деятельности СЭЗ «Брест» выявлены основные проблемы, предложены направления развития внешнеторговых связей предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» в рамках ЕАЭС. Сделан вывод, что предприятиям – резидентам СЭЗ «Брест» необходимо развивать свой инвестиционный и внешнеторговый потенциал.

Введение

Важное значение в процессе наращивания экспорта товаров и услуг и притока иностранных инвестиций в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) имеет функционирование нестандартных зон со специальным правовым режимом для предприятий, осуществляющих свою деятельность в приоритетных направлениях. Например, это могут быть особые экономические зоны в России, специальные экономические зоны в Казахстане, свободные экономические зоны в Беларуси, предприятия-резиденты которых законодательно освобождены от ряда таможенных пошлин, им предоставляются налоговые льготы, утвержден специальный порядок валютного регулирования, также им предоставляются и другие преференции.

В Российской Федерации создана специальная управляющая компания – ОАО «Особые экономические зоны», под управлением которой находится 17 зон: 6 промышленно-производственных (ППЗ), 5 технико-внедренческих (ТВЗ), 4 туристско-рекреационных (ТРЗ) и 2 портовых (ПЗ) [1, с. 163–165]. Наиболее успешными в Казахстане являются СЭЗ «Астана – новый город», «Павлодар», «Морпорт Актау», «Парк информационных технологий» (г. Алматы) и др.

В Республике Беларусь функционируют такие свободные экономические зоны, как СЭЗ «Брест» (комплексная зона, сочетающая в себе признаки экспортной, производственной, свободной таможенной, туристско-рекреационной, страховой, банковской); «Минск» (свободная производственная экспортная зона); «Гомель-Ратон» (технопарк); «Витебск» (комплексная экспортная зона); «Могилев» (комплексная зона для привлечения иностранных инвестиций и развития торговли); «Гродноинвест» (свободная производственная экспортная зона). Стратегическое значение имеет Парк высоких технологий и Белорусско-Китайский индустриальный парк «Великий Камень» [2, с. 437].

Данное исследование выполнено в рамках одного из приоритетных направлений фундаментальных и прикладных исследований в Республике Беларусь – внешнеэкономической деятельности, содержащейся в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., Программе социально-экономического развития Брестской области на 2016–2020 гг., Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.

Цель статьи – разработать стратегии развития предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» в рамках внешнеэкономического сотрудничества региона со странами ЕАЭС.

Свободная экономическая зона «Брест» создана в 1996 г. в целях обеспечения благоприятных условий для ускорения экономического развития Республики Беларусь и Брестского региона. Данная цель может быть достигнута решением следующих задач:

1) привлечение иностранных инвестиций, обеспечение занятости населения, динамического развития экономики на базе новой техники и технологий, передового зарубежного опыта, объединения и комплексного использования государственного, коммерческого и иностранного капитала;

2) апробация новых методов хозяйствования, основанных на сочетании различных форм собственности, внедрение в производство отечественных и зарубежных научно-технических разработок и изобретений с последующим их использованием на других предприятиях республики;

3) расширение производства потребительских товаров и услуг, увеличение экспорта продукции и решение иных социально-экономических задач.

СЭЗ «Брест» – это специально отведенная промышленная территория общей площадью 107 км² с хорошо развитой инфраструктурой. Выгодное геостратегическое размещение СЭЗ «Брест» дополняется наличием расположенных недалеко двух промышленных участков – крупнейшего грузового терминала «Козловичи» и Брестского аэропорта, располагающего современной инфраструктурой и коммуникациями.

На территории СЭЗ «Брест» введен и действует специальный правовой режим в отношении таможенных, валютных, налоговых и трудовых и других норм. Резиденты СЭЗ «Брест» имеют конкурентные преимущества за счет льготного налогообложения:

1) резиденты не уплачивают налога на прибыль, если товары предприятий-резидентов поставляются на экспорт или реализуются другим резидентам СЭЗ;

2) земельные участки для резидентов выделяются без проведения аукциона и освобождаются от земельного налога и арендной платы;

3) резиденты освобождаются от налога на недвижимость [3].

Для того чтобы оценить макроэкономическую эффективность СЭЗ «Брест», проведем анализ динамики основных показателей деятельности резидентов за 2015–2018 гг. (таблица 1).

Таблица 1. – Показатели деятельности СЭЗ «Брест»

Показатель	Год			
	2015	2016	2017	2018
Число резидентов	81	78	74	75
Среднесписочная численность работников, тыс. человек	21,76	20,89	21,89	21,92
Объем производства промышленной продукции, млн руб.	1 312,1	1 644,4	1 899,9	2 054,1
Выручка от реализации товаров и услуг, млн руб.	1 421,9	1 729,5	2 071,6	2 235,8
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	55,1	57,8	69,9	143,1
Из них иностранных инвестиций	5,9	2,1	7,9	31,9
Доля иностранных инвестиций, %	10,7	3,6	11,3	22,3
Чистая прибыль (убыток), млн руб.	153,9	231,4	246,0	150,7
Товарооборот, млн долл. США	880,0	958,6	1 180,8	1 200,5
в т. ч. со странами ЕАЭС, млн долл. США	488,0	543,7	706,5	679,7
Экспорт товаров, млн долл. США	489,2	536,9	697,2	696,6
в т. ч. в страны ЕАЭС, млн долл. США	433,0	467,4	609,6	584,9
Импорт товаров, млн. долл. США	390,8	421,7	483,6	503,9
в т. ч. из стран ЕАЭС, млн долл. США	55,0	76,3	96,9	94,8
Сальдо внешней торговли, млн долл. США	98,4	115,2	213,6	192,7
в т. ч. со странами ЕАЭС, млн долл. США	378,0	391,1	512,7	490,1

Примечание – таблица составлена на основании данных отдела экономического развития СЭЗ «Брест».

По состоянию на 1 июля 2019 г. в СЭЗ зарегистрировано 75 резидентов, то есть за анализируемый период количество резидентов уменьшилось на 6 единиц. Однако среднесписочная численность работников предприятий-резидентов в сравнении с 2015 г. возросла на 160 человек и составила в 2018 г. 21 920 человек. В целом тенденция снижения количества резидентов не оказала влияния на основные показатели деятельности СЭЗ «Брест».

Необходимо отметить, что в 2016 г. произошло падение объема иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал почти в три раза.

Спад, который произошел в рассматриваемом году, связан с мировым финансово-экономическим кризисом, который повлиял и на экономику Беларуси, и на финансовое положение иностранных инвесторов. Однако уже в 2017 г. наблюдается положительная динамика роста объемов иностранных инвестиций, которые в 2018 г. составили 31,9 млн руб., или 22,3 % от общего объема инвестиций в основной капитал.

В свободную экономическую зону «Брест» привлечены иностранные инвестиции из более чем 30 стран мира. Крупнейшими инвесторами являются Россия, Германия, Кипр. Из стран ЕАЭС за 2018 г. привлечено 255,9 млн долл. США, на долю России приходится 99,9 % от общего объема иностранных инвестиций.

На территории СЭЗ производится мебель, машины и краски для дорожной разметки, пищевая продукция, продукция электротехнической промышленности, лакокрасочные изделия и осветительное оборудование.

СЭЗ «Брест» стремится к диверсификации рынка, которая будет достигнута при выполнении формулы экспорта: 30 % – страны ЕАЭС, 30 % – страны Евросоюза, 30 % – страны «дальней дуги» и 10 % – прочие государства. При этом перед предприятиями-резидентами стоит задача наращивать объемы поставок на зарубежные рынки, не снижая экспорта в Россию.

Одним из основных торговых партнеров СЭЗ «Брест» является Евразийский экономический союз, который начал действовать на территории постсоветского пространства с 1 января 2015 г. На данный момент в него входят Беларусь, Россия, Казахстан, Армения и Кыргызстан. Договор о создании ЕАЭС был подписан 29 мая 2014 г. в Астане. К компетенции органов ЕАЭС относится таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, торговые режимы с третьими странами, применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, контроль за конкуренцией на трансграничных рынках и др.

Анализ динамики экспорта продукции СЭЗ «Брест» в страны ЕАЭС за 2015–2018 гг. (таблица 2) показывает, что главным экспортером и импортером товаров предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» является Российская Федерация. Ее удельный вес в 2018 г. по экспорту составлял 95,6 % (559,3 млн долл. США), по импорту – 97,0 % (92,0 млн долл. США).

Следует отметить, что в 2018 г. произошло падение экспорта на 4,4 % в Россию, также она теряет свои позиции по удельному весу в общем объеме экспорта среди стран ЕАЭС. Это связано в первую очередь с поиском новых рынков сбыта и расширением торговых отношений СЭЗ «Брест» с Казахстаном и Кыргызстаном.

Таблица 2. – Динамика товарооборота СЭЗ «Брест» со странами ЕАЭС, млн долл. США

Страна	Год			
	2015	2016	2017	2018
	Товарооборот			
Россия	472,2	526,1	677,8	651,3
Казахстан	14,7	15,7	26,1	23,9

Окончание таблицы 2

Армения	0,3	0,4	0,7	0,8
Кыргызстан	0,8	1,5	1,9	3,7
Итого по ЕАЭС	488,0	543,7	706,5	679,7
Экспорт				
Россия	418,4	451,1	585,3	559,3
Казахстан	13,5	14,5	21,9	22,5
Армения	0,3	0,4	0,6	0,8
Кыргызстан	0,8	1,4	1,8	2,3
Итого по ЕАЭС	433,0	467,4	609,6	584,9
Импорт				
Россия	53,8	75,00	92,5	92,0
Казахстан	1,2	1,2	4,2	1,4
Армения	0	0	0,1	0
Кыргызстан	0	0,1	0,1	1,4
Итого по ЕАЭС	55,0	76,3	96,9	94,8
Сальдо				
Россия	364,6	376,1	492,8	467,3
Казахстан	12,3	13,3	17,7	21,1
Армения	0,3	0,4	0,5	0,8
Кыргызстан	0,8	1,3	1,7	0,9
Итого по ЕАЭС	378,0	391,1	512,7	490,1

Примечание – таблица составлена на основании данных отдела экономического развития СЭЗ «Брест».

На втором месте среди стран ЕАЭС находится Казахстан: в 2018 г. в эту страну поставлялось 3,9 % от общего объема экспорта резидентов СЭЗ «Брест» в страны ЕАЭС (22,5 млн долл. США). Удельный вес Армении (0,2 % в 2018 г.) и Кыргызстана (0,3 %) в общем объеме экспорта СЭЗ «Брест» остается незначительным.

По объемам импорта СЭЗ «Брест» со странами ЕАЭС ситуация аналогична: в 2018 г. было импортировано 97,0 % товаров из России, удельный вес Казахстана и Кыргызстана – по 1,5 %. Из Армении импорт в 2018 г. не осуществлялся.

В 2018 г. наблюдалось падение импорта товаров из Казахстана на 2,8 млн долл. США, а импорт из Кыргызстана, наоборот, вырос в 9,6 раза.

Сальдо внешнеторгового оборота положительное на протяжении всего анализируемого периода и со всеми странами ЕАЭС, но в 2018 г. произошло его снижение на 22,6 млн долл. США. В целом в 2018 г. произошло снижение товарооборота СЭЗ «Брест» со странами ЕАЭС на 26,8 млн долл. США, что связано и с падением экспорта (снижение на 24,7 млн долл. США) за анализируемый период, и с падением импорта товаров (снижение на 2,1 млн долл. США).

В настоящее время администрация СЭЗ «Брест» ведет переговоры о реализации инвестиционных проектов по производству:

- 1) продукции пищевой промышленности;
- 2) теплоизоляционных материалов на основе льна (инвестиционные затраты 15–25 млн долл. США);
- 3) современных высокотехнологичных тканей (инвестиционные затраты 10–30 млн долл. США);
- 4) биметаллических секционных радиаторов (инвестиционные затраты 3–4 млн долл. США);
- 5) каркасных домов (инвестиционные затраты 2–3 млн долл. США);

- б) устройств хранения данных (инвестиционные затраты 30–50 млн долл. США);
- 7) медицинской мебели (инвестиционные затраты 20–30 млн долл. США);
- 8) пластиковых и металлопластиковых труб (инвестиционные затраты 10–15 млн долл. США);
- 9) медицинских игл и общехирургических инструментов (инвестиционные затраты 10 млн долл. США) [4].

В СЭЗ «Брест» и Брестской области созданы благоприятные условия для ведения бизнеса, регион обладает широкими транспортно-логистическими возможностями (является связующим звеном между двумя экономическими союзами – Европейским и Евразийским), квалифицированной рабочей силой в различных отраслях экономики, развитым промышленным и аграрным потенциалом.

Ежегодно в Бресте проводится Международный форум-выставка, участники которого имеют возможность получить полное представление о Брестской области и ее рынке [5]. Так, в 2019 г. в Бресте состоялся IV Международный форум-выставка деловых контактов «Брест-2019», который посетили около 200 членов делегаций из 20 стран. Организаторами его стали Брестский облисполком и Брестское отделение торгово-промышленной палаты. На форуме были представлены инвестиционные проекты в сфере производства, создания инфраструктуры, туризма и др. По итогам мероприятия было подписано соглашений на сумму около 28 млн бел. руб. об инвестировании нескольких проектов на территории области. В целом благодаря сложившимся договоренностям в области будет создано около 200 новых рабочих мест [6, с. 2].

Ежегодно предприятия – резиденты СЭЗ «Брест» принимают участие в зарубежных выставках и бизнес-мероприятиях в Москве, Санкт-Петербурге, Бишкеке, Варшаве, Киеве, Гонконге, Ереване и др. Однако необходимо отметить, что из стран ЕАЭС наиболее тесные деловые контакты налажены с партнерами из Российской Федерации, визиты же в Казахстан, Армению и Кыргызстан осуществляются намного реже.

На основании анализа основных показателей деятельности СЭЗ «Брест» выявлены такие основные угрозы и проблемные стороны внешнеторговой деятельности СЭЗ «Брест» в рамках ЕАЭС, как:

- 1) «ограниченная» география рынка сбыта: страны ЕАЭС – основной рынок сбыта продукции предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» (преимущественно Россия);
- 2) наличие постоянных и периодически появляющихся торговых препятствий при осуществлении контактов со странами ЕАЭС;
- 3) низкая диверсификация экспорта товаров и услуг;
- 4) слабый приток инвестиций из стран ЕАЭС;
- 5) недостаточный уровень сотрудничества предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» с партнерами из стран ЕАЭС из-за языковых проблем, ограниченности финансовых возможностей, низкого уровня обмена передовым опытом;
- б) географическая удаленность партнеров;
- 7) особенности экономического имиджа – позиционирование стран ЕАЭС на рынке Брестского региона: российские товары широко представлены и пользуются спросом среди покупателей; имидж товаров широкого потребления из Казахстана – дешевые, но не всегда высокого качества; отсутствие как такового экономического имиджа товаров из Армении и Кыргызстана.

Однако существуют и сильные стороны торгово-экономического сотрудничества СЭЗ «Брест» со странами ЕАЭС:

- 1) наличие соглашений об экономическом сотрудничестве со странами ЕАЭС;
- 2) работа дипломатических представительств этих стран в Брестской области, регулярные визиты в Брестский регион официальных представителей этих стран;
- 3) развитые транспортно-транзитные возможности;

- 4) экспортная ориентированность предприятий – резидентов СЭЗ «Брест»;
- 5) наличие торгово-деловой (таможня, транспорт и логистика) и социально-рекреационной (гостиницы и др.) инфраструктуры в регионе;
- 6) совместимость экономики Брестского региона с экономиками стран ЕАЭС, что говорит о предпосылках для взаимовыгодной внешней торговли.

Таким образом, нами сделан вывод, что предприятиям – резидентам СЭЗ «Брест» необходимо развивать свой инвестиционный и внешнеторговый потенциал в рамках сотрудничества со странами ЕАЭС. Для этого предполагается:

- 1) выработать совместную стратегию разделения труда для предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» и зарубежных фирм-партнеров для ускорения создания совместных предприятий, что также будет способствовать сокращению импорта и снижению зависимости от него;
- 2) провести глубокий и детальный анализ предприятий стран ЕАЭС с целью развития регионального сетевого партнерства с наиболее равными по экономическому потенциалу, что будет способствовать обмену опытом между предприятиями;
- 3) во время визитов иностранных делегаций проводить презентации конкретных предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» с целью дальнейшего распространения деловой информации и развития взаимовыгодного сотрудничества.

Для развития внешнеторгового потенциала необходимо принять комплекс мер.

1. Организация ежегодных общих выставок, посвященных странам ЕАЭС, на которых была бы представлена продукция и предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» и предприятий стран-партнеров. Особое внимание необходимо уделить производителям продукции из Казахстана, Армении и Кыргызстана, которые слабо представлены в регионе. Это позволит вызвать спрос на товары брестского производства у зарубежных партнеров и расширить географию экспортно-импортных поставок.

2. Развитие транзита товаров при максимальном использовании транспортно-логистических возможностей региона (Брестская область является связующим звеном между двумя экономическими союзами – Европейским и Евразийским).

3. Создание специализированного учреждения, которое аккумулировало бы и обрабатывало всю необходимую информацию о спросе и предложении продукции СЭЗ «Брест» на рынке для обмена ею со странами ЕАЭС (цены, спрос на сырье и комплектующие, разнообразие ассортимента и его качество и т. д.).

4. Назначение в СЭЗ «Брест» ответственного за торгово-экономическое сотрудничество непосредственно с партнерами из стран ЕАЭС (проведение выставок, организация деловых визитов, мониторинг товарных поставок).

5. Организация взаимных деловых визитов между представителями предприятий – резидентов СЭЗ «Брест» и партнеров из стран ЕАЭС.

Заключение

Таким образом, использование подготовленных предложений по совершенствованию торгово-экономического сотрудничества СЭЗ «Брест» со странами ЕАЭС является обоснованным при наращивании объемов экспорта продукции, разработке и реализации мероприятий по опережению темпов роста экспорта над темпами роста импорта для обеспечения положительного сальдо внешнеэкономической деятельности, реализации практических мер по диверсификации рынка, привлечении иностранных инвестиций для создания новых технологических производств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданенко, П. П. Калининградская особая экономическая зона: результаты и эффективность деятельности / П. П. Богданенко // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – № 2 (22). – С. 161–166.
2. Обухова, И. И. Особые экономические зоны: эффективность и пути трансформации / И. И. Обухова // Инновац. развитие экономики: тенденции и перспективы. – 2018. – Т. 1. – С. 432–443.
3. Налоговые льготы в СЭЗ «Брест» [Электронный ресурс] // Свободная экономическая зона «Брест». – Режим доступа: <https://fezbrest.com/tax-incentives>. – Дата доступа: 07.11.2019.
4. Инвестпроекты СЭЗ «Брест» [Электронный ресурс] // Свободная экономическая зона «Брест». – Режим доступа: <https://fezbrest.com/investprojects>. – Дата доступа: 07.11.2019.
5. IV Международный форум-выставка деловых контактов «Брест-2019» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brest-forum.by>. – Дата доступа: 15.10.2019.
6. Ярмошук, Н. Форум «Брест-2019»: от контактов – к контрактам / Н. Ярмошук // Заря. – 2019. – 12 апр. – С. 2.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.11.2019

Pukovich A.V. Free Economic Zone «Brest»: Trade and Economic Cooperation with the EAEU Countries

Based on the analysis of the main performance indicators of FEZ «Brest» the main problems are identified, the directions of development of foreign trade relations of enterprises – residents of FEZ «Brest» within the EAEU are proposed. It is concluded that enterprises-residents of FEZ «Brest» need to develop their investment and foreign trade potential.

ПРАВА

УДК 349.6(476)(075.8)

Г. И. Зайчук

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: g.zaichuk@mail.ru

МЕСТО ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы содержания природоресурсного права. Обосновывается, что природоресурсное право является самостоятельной комплексной отраслью права, имеющей свои особые предмет и метод правового регулирования. Предметом правового регулирования природоресурсного права выступают общественные отношения в области использования природных ресурсов и охраны права природопользования (прав природопользователей), в том числе и природных ресурсов, расположенных за пределами национальной территории, на которые Республика Беларусь, согласно международным договорам, имеет право. В качестве метода правового регулирования используется сложный диспозитивно-императивный способ воздействия его норм на участников природоресурсных правоотношений.

Введение

С середины 90-х гг. XX в. и до недавнего времени на доктринальном уровне в качестве самостоятельных отраслей права признавались экологическое право (регламентировало общественные отношения в области природопользования и охраны окружающей среды) и земельное право (регулировало социальные связи в сфере использования и охраны земель). Однако сейчас теоретические воззрения изменились, что нашло отражение в перечне преподаваемых дисциплин на юридических факультетах вузов. Консолидированная отрасль «экологическое право» была разделена на две самостоятельные комплексные отрасли – природоресурсное право (которое поглотило земельное право) и природоохранное (экологическое) право.

Теоретические представления об однородных и комплексных отраслях права

В научной среде ведутся споры по поводу содержания природоресурсного права, что отражается на содержании преподаваемого соответствующего курса, являющегося дисциплиной государственного компонента типового учебного плана.

Следует отметить, что **природоресурсное право** находится в стадии становления, поэтому нормы, институты (субинституты) и подотрасли, регулирующие общественные отношения, которые возникают в области природопользования, отечественные и зарубежные ученые-юристы систематизируют и называют по-разному:

1) отрасли законодательства, регулирующие комплекс взаимосвязанных разнородных общественных отношений, объединенных определенной сферой деятельности [1, с. 259];

2) отрасли права, регулирующие общественные отношения по рациональному (устойчивому) использованию компонентов природной среды (земельные, горные, водные, отношения по использованию растительного мира, животного мира и атмосферного воздуха) [2, с. 3], или природоресурсные отрасли права;

3) совокупность правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, которые складываются между людьми в процессе использования природных ресурсов в целях социально-экономического развития общества и государства и охраны окружающей среды [3, с. 10];

4) «обособленно-комплексная совокупность правовых норм, регулирующих природные отношения в сфере взаимодействия человека и общества с природной средой с целью обеспечения рационального и эффективного использования природных объектов и их ресурсов, а также обеспечение их охраны и восстановления в интересах нынешних и будущих поколений людей» [4, с. 15];

5) природно-ресурсное право, основываясь на том, что правовые нормы, регулирующие поведение, деятельность людей в отношении владения, использования (эксплуатации), распоряжения природными ресурсами объектов природы, однозначны по своему предмету, объекту правового регулирования, объекту охраны, методам правового регулирования, складываются в органически целостное образование [5, с. 29–35];

б) самостоятельная отрасль природоресурсного права, что объективно обусловлено целостностью природы включенных в нее ресурсов как единого комплекса. Это предопределяет системный характер правового регулирования отношений по использованию природных ресурсов и выражается в неразрывной связи, взаимопроникновении нормативных актов в сфере ресурсопользования [6, с. 202–206].

Разногласия сводятся к следующему: во-первых, существуют ли, помимо отдельных, комплексные отрасли права; во-вторых, образуют ли нормы, регулирующие земельные, горные, водные, лесные, флористические, фаунистические и атмосферные отношения, комплексную отрасль «природоресурсное право», либо представляют собой совокупность самостоятельных отраслей права; в-третьих, что является предметом регулирования природоресурсного права: общественные отношения по использованию природных ресурсов, их восстановлению и охране [7, с. 7] или общественные отношения в области использования природных ресурсов и охраны права природопользования (прав природопользователей).

От решения этого вопроса зависит содержание и системы природоресурсного права, и учебного курса «Природоресурсное право», а также построение системы его источников. В частности, общепринято, что самостоятельная отрасль права должна подразделяться на общую, особенную, иногда специальную части, а отрасль законодательства либо совокупность родственных отраслей права такой градации не имеют.

В теории права сложилось мнение, что наряду с первичными (основными, фундаментальными) отраслями права: конституционное, административное, гражданское – стали формироваться вторичные (специальные, комплексные) правовые отрасли (образования): природоресурсное, экологическое, аграрное, хозяйственное и т. п. В юридической литературе отмечается: «Основаниями для такой градации являются два обстоятельства: фундаментальные отрасли складывались в длительном историческом процессе правового развития общества, являются изначальными и восходят к древности, специализированные отрасли являются в этом процессе вторичными, они складывались в разное время в рамках фундаментальных отраслей; методы правового регулирования специализированных отраслей сохраняют черты преемственности с методами основных отраслей права» [8, с. 242]. Далее подчеркивается, что любое «комплексирование» формируется прежде всего в законодательстве и отражает объективную необходимость; при этом отмечается, что сам термин «право» в таких комплексах уместен, если эти кодифицированные акты адекватно отражают интересы общества [8, с. 242–243].

Обоснование природоресурсного права как комплексной правовой отрасли

Потребность общества в комплексном регулировании природоресурсных отношений обусловлена крупномасштабным потреблением природных ресурсов при их ограниченности и незаменимости, установлением права частной собственности на них и вовлечением в хозяйственный оборот новых природных ресурсов: ветровых (атмосферный воздух), гидравлических (поверхностные воды), солнечных (для выработки элект-

троэнергии), геотермальных недр (с целью получения тепла), радиочастотного спектра воздушного пространства (при передаче электромагнитных волн), климатических (для производства в связи с глобальным потеплением ранее не выращиваемых в Беларуси сельскохозяйственных культур: абрикосов, персиков, винограда, арбузов и т. п.). В условиях недостаточности земельных ресурсов, используемых в качестве операционного базиса для размещения капитальных строений, стали более широко эксплуатироваться пространственные ресурсы недр, вод и атмосферы. Так, в городах стали строить все больше высотных зданий и сооружений, в пределах озер и рек создаются плавучие объекты соцкультбыта, в недрах строятся линии и станции метро, в их естественных и искусственно созданных пустотах оборудуются стратегические хранилища газа и т. д.

«Для образования самостоятельной отрасли права имеют значение следующие условия: а) степень своеобразия тех или иных отношений; б) их удельный вес; в) невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей; г) необходимость применения особого метода регулирования» [9, с. 396].

Этих воззрений придерживается ряд ученых-юристов, согласно которым «такие комплексные массивы возникают в современном праве и законодательстве в условиях развитой промышленности, транспортных артерий, связи, энергетики и других отраслей массового производства и оказания услуг, охраны окружающей среды, требующих применения разнообразных технических, организационных и иных средств в тесной их взаимосвязи» [10, с. 329]. «В таких комплексных объединениях правовых норм главным является не выделение особых, юридически дифференцированных отраслей права, а, наоборот, интеграция специальных для той или иной сферы деятельности общества (отрасли хозяйства, управления, культуры, образования, здравоохранения и т. п. (в т. ч. природопользования и охраны окружающей среды. – Г. З.) разнородных норм права, т. е. норм, различных по юридической первоначальной дифференциации права и законодательства» [10, с. 330].

Как отмечал С. С. Алексеев, «комплексные образования, формируемые в результате межотраслевой кодификации, складываются именно на отраслевом уровне структуры права, они вводят, хотя и специальный, но все же особый юридический режим регулирования, и нет ничего упречного в том, чтобы именовать данные образования отраслями с обязательным добавлением слова “комплексные”» [11, с. 151].

Систематизация права по отраслям в зависимости от наличия двух основных признаков предмета и метода правового регулирования, к которым сейчас добавляют принципы и источники, появилась после Октябрьской революции 1917 г. До этого применялась иная классификация, обоснованная римскими юристами: в зависимости от обслуживаемых интересов – государства или отдельных лиц – право подразделялось на публичное и частное [12, с. 157]. Следовательно, деление права на отрасли в зависимости от предмета и метода правового регулирования не является раз и навсегда данным и неизменным, а представляет собой один из способов его систематизации. Причем метод правового регулирования в качестве дополнительного признака при отраслевой классификации права был выработан в ходе научных дискуссий 1960–80-х гг., чтобы не множить отрасли права с различными предметами и тождественными методами правового регулирования (например, наряду с земельным не признавать в качестве самостоятельных отраслей права водное, воздушное, горное, лесное право) [13, с. 173]. Белорусские специалисты в области теории права отмечают: «Система права не остается неизменной. Общественные взаимосвязи непрерывно совершенствуются и видоизменяются. Система права также меняется, отражая происходящие перемены. Отменяются устаревшие нормы права, устанавливаются новые охватывающие регулирующим воздействием те общественные отношения, которые до этого находились вне правовой регламентации. Формируются новые отрасли и институты права» [14, с. 297].

Предмет и метод регулирования природоресурсного права

К новым отраслям оправданно отнести природоресурсное право, предметом регулирования которого являются общественные отношения в области природопользования и охраны права природопользования (прав природопользователей). На то, что природоресурсным правом регламентируются общественные отношения в области природопользования и охраны права природопользования (прав природопользователей), указывается в той или иной степени во всех природоресурсных кодексах и законах, являющихся источниками природоресурсного права: в преамбуле и ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З; в преамбуле и ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-З; в преамбуле и ст. 4 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З; в преамбуле и ст. 6 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З; в преамбуле и ст. 5 закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире»; в преамбуле и ст. 5 закона Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г. № 257-З; в преамбуле Воздушного кодекса Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-З.

Включение в предмет регулирования природоресурсного права наряду с отношениями по использованию природных ресурсов отношений в области их восстановления и охраны [15, с. 9] представляется необоснованным, т. к. эти отношения регулируются природоохранным (экологическим) правом [16, с. 21], причем восстановление, как и возобновление, природных ресурсов является одним из элементов их охраны. Так, из общего смысла ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ следует, что охрана окружающей среды – это природоохранная деятельность, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство.

Из этого следует, что происходит дублирование регулирования различными отраслями права одних и тех же общественных отношений, связанных с охраной компонентов природной среды, и дублирование преподаваемых курсов – природоресурсного и экологического права. Вопросы же гарантий и защиты права природопользования в них не рассматриваются, хотя они являются одним из факторов привлечения в национальную экономику внутренних и внешних инвестиций и инновационных технологий.

До 1917 г. природоресурсные отношения развивались в рамках земельных отношений, т. к. недра, воды, атмосфера, леса, растительный и животный мир рассматривались в качестве принадлежности земли, ее полезного свойства. Земельные же отношения регулировались гражданским законодательством.

Рассматривая содержание права собственности, русский дореволюционный цивилист профессор Г. Ф. Шершеневич, ссылаясь на ч. 1 ст. 424 X тома Свода законов Российской империи, писал, что по праву собственности на землю собственник ее имеет право на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды, находящиеся в ее пределах. Другими словами, право собственности на землю распространяется на поверхность и идет вверх и вглубь [17, с. 169].

После Октябрьской революции 1917 г. под влиянием эсеровской земельной программы и декретов «О земле» [18, с. 235–237] и «О социализации земли» [19] в Беларуси был принят ряд новых нормативных актов в области регулирования земельных отношений. В Манифесте Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии от 1 января 1919 г. [20] устанавливалось, что вся земля помещиков и крупных землевладельцев, монастырей, церквей, костелов и духовенства со всем живым и мертвым инвентарем, а также все леса, воды и недра земли становятся достоянием трудового народа Белоруссии. Указанное положение нашло закрепление в п. 2 преамбулы Конституции ССРБ от 3 февраля 1919 г. [21, с. 187–190]: частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общегосударственным досто-

янием, все леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявлялись национальным достоянием.

После принятия рассматриваемых нормативных актов природоресурсные отношения стали регламентироваться в административном порядке и образовалось четыре самостоятельные отрасли права: земельное, горное, водное и лесное. С рецепцией права частной собственности на землю и другие природные ресурсы в 1990-е гг. и возвращением их в гражданский оборот, о чем свидетельствует ч. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З, где закреплено, что к отношениям в области использования земель и других природных ресурсов допускается применение гражданского законодательства, они вновь приобрели частноправовой характер.

Однако природоресурсное право не стало частью гражданского права из-за наличия в нем большого объема публично-правовых обременений. С экономической точки зрения – это ограниченность и незаменимость природных ресурсов, что повлекло закрепление в природоресурсном законодательстве требований по их целевому, рациональному, комплексному и устойчивому использованию. При этом неиспользование предоставленного даже на праве частной собственности природного ресурса по целевому назначению в течение определенного в законодательстве времени является природоресурсным правонарушением, которое влечет принудительное изъятие природного ресурса с выплатой компенсации затрат, произведенных на его приобретение. С экологической точки зрения обременением является то, что природные ресурсы обособляются в участках (частях) компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, которые в совокупности обеспечивают благоприятную для жизни и здоровья человека окружающую природную среду. Это обусловило закрепление в природоресурсном законодательстве требований по охране и защите природных ресурсов, компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов. Все это не свойственно гражданскому праву, которое в большей степени предполагает неприкосновенность частной собственности и свободу распоряжения ею и, как правило, не содержит закрепленных в законодательстве обязательных требований по охране и защите частной собственности, обращенных к ее субъектам.

Поэтому для регламентации природоресурсных отношений сейчас применяется комплексный диспозитивно-императивный метод правового регулирования, юридическими формами выражения которого являются договор и индивидуально-правовой административный акт. Причем договор при регулировании природоресурсных отношений приобретает все большее значение.

Таким образом, природоресурсное право является неотъемлемой составляющей, входящей в систему национального права, и одновременно самостоятельной комплексной отраслью права с присущими ей особыми, отличными от используемых в других правовых отраслях предметом, включая субъекты и объекты, методом, принципами [22, с. 25–28] и источниками [23, с. 237–247] правового регулирования. При этом положения об охране и защите земель, недр, вод, атмосферы, лесов, растительного и животного мира, содержащиеся в рассматриваемых нормативных правовых актах, свидетельствуют об экологизации природоресурсного законодательства путем включения в него природоохранных требований.

Как справедливо отмечал О. С. Колбасов, правовая охрана природы обеспечивается всеми отраслями права. Практика идет по пути известной целевой переориентации и определенной перестройки, дополнения, развития содержания всех отраслей права. Поэтому правовые нормы охраны природы в настоящее время имеются в государственном, административном, гражданском, уголовном, земельном, водном, горном, лесном, фаунистическом, воздушном праве [24, с. 152].

Заклучение

Таким образом, природоресурсное право является самостоятельной комплексной отраслью права в национальной системе права с отличными от других отраслей права предметом, методом, принципами и источниками правового регулирования.

Если исходить из предположения, что природоресурсное право является самостоятельной комплексной правовой отраслью, то общая его часть может включать нормы, субинституты и институты, свойственные использованию всех природных ресурсов; особенная часть – состоять из норм, субинститутов, институтов и подотраслей, регулирующих специфику пользования отдельными природными ресурсами, гарантии и охрану права пользования ими; специальная часть – содержать нормы, институты и подотрасли, регламентирующие использование природных ресурсов, расположенных за пределами национальной территории государства, на которые Республика Беларусь, согласно международным договорам, имеет право.

Общая часть природоресурсного права может включать, наряду с его основными понятиями и определениями, институты: право природопользования, а также гарантий и охраны права природопользования; права собственности и иных прав на природные ресурсы; отчуждения права природопользования; оптимизации процессов природопользования в виде институтов государственного управления, экономического и организационного обеспечения этого вида деятельности, юридической ответственности за нарушение требований природоресурсного законодательства.

Особенную часть природоресурсного права оправданно посвятить использованию отдельных природных ресурсов, гарантиям и охране права пользования ими: земельных ресурсов, недр, водных ресурсов; атмосферы (включая ресурсы воздушного пространства, атмосферного воздуха и радиочастотного спектра), лесных ресурсов, ресурсов растительного и животного мира, а также использования непотребляемых природных ресурсов в качестве источников энергии и использования климатических, рекреационных и иных ресурсов.

Специальная часть природоресурсного права может содержать вопросы использования международных природных ресурсов, находящихся за пределами национальных территорий, являющихся достоянием всего человечества, в том числе: ресурсов Антарктиды; водных и биологических ресурсов Мирового океана; ресурсов воздушного пространства (открытого неба над ними) и ресурсов Космоса, включая ресурсы космического пространства, солнечной энергии, радиочастотного спектра, Луны и других небесных тел.

При этом курс «Природоресурсное право» должен соответствовать отрасли природоресурсного права и состоять из общей, особенной и специальной частей.

Общая часть дисциплины «Природоресурсное право» может включать следующие темы:

1. Становление, функционирование и развитие природоресурсного права.
2. Природоресурсное право как самостоятельная комплексная отрасль права.
3. Источники природоресурсного права.
4. Природоресурсные правоотношения.
5. Право природопользования, основания его возникновения, ограничения, приостановления и прекращения.
6. Гарантии и охрана права природопользования (прав и законных интересов природопользователей).
7. Право собственности и иные права на природные ресурсы.
8. Отчуждение права природопользования.
9. Государственное регулирование и управление природопользованием.

10. Экономико-правовое и организационно-правовое обеспечение природопользования.

11. Юридическая ответственность за нарушение требований природоресурсного законодательства.

Особенную часть курса природоресурсного права оправданно посвятить использованию отдельных природных ресурсов, гарантиям и охране права пользования ими: земельными ресурсами; ресурсами недр; водными ресурсами; ресурсами атмосферы, в том числе ресурсами воздушного пространства, атмосферного воздуха и радиочастотного спектра; лесными ресурсами; ресурсами растительного и животного мира, а также использованию непотребляемых природных ресурсов в качестве источников энергии и использованию климатических, рекреационных и иных ресурсов.

Специальная часть курса может содержать следующие темы:

1. Понятие и правовой режим использования международных природных ресурсов, находящихся за пределами национальных территорий, являющихся достоянием всего человечества.

2. Использование природных ресурсов Антарктиды.

3. Использование водных, донных и биологических ресурсов Мирового океана.

4. Использование ресурсов воздушного пространства (открытого неба над ними).

5. Использование ресурсов космоса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2005. – 464 с.

2. Природоресурсное право. Типовая учебная программа по учебной дисциплине для специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / сост.: С. А. Балашенко, Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь. Учеб.-метод. об-ние по гуманитар. образованию, 2015. – 28 с.

3. Сапогин, А. Н. Природоресурсное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / А. Н. Сапогин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 172 с.

4. Природоресурсное право Украины : учеб. пособие / под ред. И. И. Каракаша. – Киев : Истина, 2005. – 374 с.

5. Разгельдеев, Н. Т. К вопросу о правовой природе экологического и природоресурсного права / Н. Т. Разгельдеев // Вест. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. – 2014. – № 2 (23). – С. 29–35.

6. Калинин, И. Б. Проблемы формирования природоресурсного права / И. Б. Калинин // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. В. Ф. Воловича. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 2000. – Ч. 5. – С. 202–206.

7. Шингель, Н. А. Природоресурсное право: краткий курс / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Амалфея, 2017. – 328 с.

8. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / под ред. проф. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 1998. – Т. 2 : Теория права. – 640 с.

9. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.

10. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : НОРМА-М, 2002. – 832 с.

11. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 216 с.

12. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – 608 с.

13. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996 – 472 с.
14. Вишневский, А. В. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. А. В. Кучинского. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.
15. Шингель, Н.А. Природоресурсное право : учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Выш. шк., 2017 – 399 с.
16. Балашенко, С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – Минск : Выш. шк., 2016. – 383 с.
17. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.
18. Документы и материалы по истории Белоруссии / редкол.: А. И. Азаров [и др.] ; Ин-т истории Акад. наук БССР. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1954. – Т. 4 : Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. – 515 с.
19. Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 25. – Ст. 346.
20. Известия ВРКСПБ. – 1919. – 19 янв.
21. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956 гг. / сост.: А. А. Липатов, Н. Т. Савенков. – М. : Госюриздат, 1957. – 1046 с.
22. Зайчук, Г. И. К вопросу о легализации принципов права природопользования в природоресурсном законодательстве / Г. И. Зайчук // Проблемы экономики и управления в условиях инновационного развития Республики Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. конф., Брест, 28–29 мая 2009 г. – Брест : Изд-во БрГУ, 2009. – С. 25–28.
23. Зайчук, Г. И. Теоретические вопросы источников природоресурсного права / Г. И. Зайчук // Вучон. зап. БрГУ імя А. С. Пушкіна. Ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. – 2016. – Вып. 11. – С. 237–247.
24. Колбасов, О. С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР / О. С. Колбасов. – М. : Наука, 1976. – 231 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.03.2019

Zaychuk G. I. Place of Natural Resource Law in the National System of Law of the Republic of Belarus

The paper deals with the concept and content of natural resource law. It is proved that natural resource law is an independent, complex branch of law having its own special subject and method of legal regulation. The subject of legal regulation of natural resource law are public relations in the use of natural resources and the protection of the right to use natural resources (rights of users of natural resources), including natural resources located outside the national territory to which the Republic of Belarus, according to international treaties has rights. As a method of legal regulation, a complex dispositive-imperative method of influence of its norms on the participants of natural resource legal relations is used.

УДК 328.185/343.9

В. И. Резюк

зам. нач. отдела правовой и коммерческой работы,
ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by

**УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ**

Выделены, обобщены и систематизированы сложившиеся в Республике Беларусь организационно-правовые формы участия общественности в борьбе с коррупцией. Отмечено соответствие выделенных организационно-правовых форм определенным нормам действующего законодательства. Они закреплены в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» и иных нормативных правовых актах.

Введение

Институт участия общественности в борьбе с коррупцией является одним из самых сложных для нормативно-правового регулирования и в то же время важнейшим и критично оцениваемым инструментом борьбы, фактически не имеющим полноценных альтернатив, с этим опасным социально-правовым явлением. Практически невозможно некоторые функции общественности, выполняемые отдельными ее членами в лице общественных объединений и иных организаций, их представителей и отдельных граждан, которые непосредственно заинтересованы в результативности борьбы с коррупцией, передать иным субъектам без существенного риска снижения их эффективности.

В преамбуле Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон «О борьбе с коррупцией») наряду с иным провозглашено, что принятый акт направлен на «обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций» в деле борьбы с коррупцией [1].

А. М. Лашин отметил, что Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг. была поставлена задача по расширению участия общественных организаций, политических партий и граждан в реализации мер по предупреждению коррупции, однако, как свидетельствует проведенный анализ, реализация положений об общественном контроле в сфере борьбы с коррупцией осуществляется недостаточно активно [2]. В то же время, как отметил В. П. Шиенок, анализ научных публикаций, посвященных проблеме коррупции, свидетельствует, что в них в основном рассматриваются вопросы борьбы с отдельными внешними проявлениями, включая условия, способствующие коррупции [3, с. 20]. При этом вопросы участия общественности в борьбе с коррупцией практически не рассматриваются. Однако сложно говорить о совершенствовании какой-либо деятельности при наличии проблем, связанных с пониманием ее содержания и текущего состояния. Это обуславливает изучение сложившихся в Республике Беларусь организационно-правовых форм участия общественности в борьбе с коррупцией, выделение, обобщение и систематизация которых является основой их дальнейшего совершенствования и развития.

Под участием в общем смысле слова понимается совместная с кем-либо деятельность, сотрудничество в чем-либо [4]. Участие предполагает возможный результат общего труда, усилий. Участие общественности в борьбе с коррупцией предполагает достижение целей этой деятельности – «предупреждение, выявление, пресечение право-

нарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранение их последствий» [1].

В рамках каждой организационно-правовой формы участия общественности в борьбе с коррупцией формируются особые отношения, могут быть выделены объект регулирования и субъект (субъекты) соответствующих отношений.

Мировой опыт противодействия коррупции показывает, что «в Республике Беларусь давно поняли, что только совместными усилиями (государственных органов и общественности. – В. Р.) можно добиться положительных результатов» в борьбе с коррупцией [5, с. 185]. Как отметил А. В. Конюк, в борьбе с коррупцией важна активная роль не только государственных органов, общественности, но и каждого гражданина страны, что является условием обеспечения безопасности государства [6, с. 9].

Анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики позволяет выделить сложившиеся в Республике Беларусь организационно-правовые формы участия общественности в борьбе с коррупцией.

1. Общественный контроль. Обеспечение правовой регламентации общественного контроля является частью нормативно закреплённой системы мер борьбы с коррупцией. Именно эта форма в последнее время вызывает наибольший научно-практический интерес. В ст. 46 Закона «О борьбе с коррупцией» регламентирован общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией [1]. Законодательством определен исчерпывающий перечень субъектов общественного контроля, а также формы их участия в общественном контроле и полномочия. Общественный контроль – это особый вид деятельности, порядок которой регулируется законами Республики Беларусь и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь. Он представляет собой деятельность определенных субъектов, осуществляемую с целью наблюдения за работой государственных и местных органов, государственных и иных организаций, направленную на повышение эффективности их функционирования.

Субъектами общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией являются:

- 1) граждане Республики Беларусь;
- 2) организации, в т. ч. общественные объединения;
- 3) представители общественных объединений.

Формами деятельности граждан Республики Беларусь, организаций, в т. ч. общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией являются:

- 1) участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;
- 2) участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции.

Формами деятельности представителей общественных объединений при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией являются:

- 1) участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;
- 2) участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции;
- 3) проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и направление соответствующих заключений в государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией;

4) участие в заседаниях коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, координационных совещаниях, посвященных борьбе с преступностью и коррупцией, с правом совещательного голоса;

5) участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций;

б) участие в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции [1; 7, с. 132–134].

По мнению Е. Н. Ярмоц, в контексте гласности как одного из принципов борьбы с коррупцией все большее значение среди субъектов борьбы с коррупцией приобретает гражданское общество, а среди мер борьбы с коррупцией – общественный контроль [8, с. 301–302]. Несмотря на это, не следует ограничивать участие общественности в лице различных ее представителей только этой формой.

2. Взаимодействие государственных органов и иных организаций с государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией. В ст. 10 Закона «О борьбе с коррупцией» закреплено взаимодействие государственных органов и иных организаций в сфере борьбы с коррупцией. Порядок и условия взаимодействия государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, определяются этими субъектами совместно. Не только государственные органы, но и иные организации обязаны передавать государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, информацию, связанную с фактами, свидетельствующими о коррупции [1; 7, с. 135].

3. Участие в работе комиссий по противодействию коррупции. Особое место в системе субъектов, осуществляющих противодействие коррупции, занимают комиссии по противодействию коррупции, которые создаются в республиканских органах государственного управления, в облисполкомах и Минском горисполкоме, в городских и районных исполкомах, администрациях районов городов, управляющих компаниях холдингов, являющихся государственными унитарными предприятиями и хозяйственными обществами с долей государства в уставном фонде 50 и более процентов. Основными задачами комиссий по противодействию коррупции являются: взаимодействие с государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией, общественными объединениями и иными организациями по вопросам противодействия коррупции; рассмотрение вопросов соблюдения правил этики государственного служащего (корпоративной этики), мер, принятых для устранения последствий коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции и др. [9]. По решению руководителя государственного органа (организации) в состав комиссии по противодействию коррупции, наряду с курирующими (осуществляющими) финансово-хозяйственную деятельность, бухгалтерский учет, распоряжение бюджетными средствами, сохранность собственности и эффективное использование имущества, кадровую и юридическую работу, могут быть включены также лица из числа граждан и представителей юридических лиц. Кроме того, граждане и юридические лица имеют право направить в государственные органы и организации, в которых созданы комиссии по противодействию коррупции, предложения о мерах, относящимся к компетенциям комиссий, которые должны рассматривать их на своих заседаниях.

4. Содействие государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, и государственным органам и иным организациям, участвующим в борьбе с коррупцией. Согласно ст. 11 Закона «О борьбе с коррупцией», граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории Республики Беларусь, обязаны оказывать содействие государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, и государственным органам и иным организациям, участвующим в борьбе с коррупцией.

5. Обращение в службы собственной безопасности (в т. ч. по телефонам доверия). Большой потенциал в деле борьбы с коррупцией в отдельных государственных органах имеют созданные и функционирующие в их структурах службы собственной

безопасности. Граждане, представители организаций, столкнувшиеся с нарушениями, в т. ч. коррупционного характера, могут обратиться к сотрудникам служб собственной безопасности, уполномоченным пресекать нарушения со стороны должностных и иных лиц. Службы собственной безопасности созданы и функционируют, в частности, в органах внутренних дел, Следственном комитете Республике Беларусь, Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь. Возможно личное обращение к уполномоченным сотрудникам подразделений собственной безопасности, возможно – по телефонам доверия, функционирующим в т. ч. в автоматическом режиме.

6. Обращение в подразделения внутреннего контроля отдельных организаций (в т. ч. по телефонам доверия). В последнее время не остаются в стороне от деятельности по противодействию коррупции и отдельные государственные и негосударственные организации. Сотрудники подразделений внутреннего контроля не имеют полномочий, аналогичных полномочиям сотрудников правоохранительных органов, в т. ч. служб собственной безопасности государственных органов, но и в рамках имеющихся у руководителей управленческих полномочий могут устраняться некоторые условия для проявлений коррупции, угрожающих организации. Незаменима помощь в этом общественности, представители которой могут обращаться с заявлениями и иными обращениями в различных формах (лично, через сайт, по телефону и др.). Например, функционирует «горячая линия» по противодействию коррупции в Белгосстрахе [10].

7. Взаимодействие государственных органов и иных государственных организаций со средствами массовой информации. Важную роль играет взаимодействие государственных органов со средствами массовой информации. Сведения о нарушениях коррупционного характера, в т. ч. о преступлениях, вызывают повышенный общественный интерес. По мнению И. И. Басецкого, своевременное и всестороннее доведение до общественности информации, касающейся борьбы с коррупцией, имеет большое значение [11, с. 289]. Важна обратная связь между общественностью и соответствующими органами и организациями, которая в настоящее время часто осуществляется пресс-службами. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 06.02.2009 № 65 «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации» в государственных органах и отдельных государственных организациях были введены должности пресс-секретарей или ответственных за работу со средствами массовой информации, локальными актами была упорядочена деятельность пресс-служб. Основными их задачами являются: обеспечение взаимодействия государственного органа или государственной организации со СМИ; предоставление СМИ официальных сведений о деятельности государственного органа; организация освещения в средствах массовой информации вопросов, входящих в компетенцию государственного органа и др. [12]. Указанные должности были введены в отдельных государственных органах, осуществляющих борьбу с коррупцией (Генеральная прокуратура Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь и др.), а также иных структурах, участвующих в борьбе с коррупцией (Следственный комитет Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь, областные исполнительные комитеты, Белорусский республиканский союз потребительских обществ и др.).

8. Антикоррупционное обучение. В систему борьбы с коррупцией, закрепленную в Законе «О борьбе с коррупцией», помимо прочего входит организация антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования. В настоящее время отдельные вопросы противодействия коррупции изучаются всеми обучающимися на первой ступени высшего образования, на некоторых специальностях – углубленно.

Особое место в антикоррупционном обучении и в системе коммуникаций между отдельными государственными органами, организациями, их работниками и служащими занимает Республиканское государственно-общественное объединение «Белорусское общество «Знание»», перед которым поставлены следующие задачи: разъяснение населению государственной политики Республики Беларусь и содействие активному участию граждан в ее проведении; взаимодействие с местными исполнительными и распорядительными органами, иными государственными организациями в проведении системной работы по повышению квалификации должностных лиц, организующих идеологическую работу в коллективах работников государственных, иных организаций; развитие системы информирования населения, направленной на совершенствование гражданско-патриотической, политической, правовой, экономической, управленческой, духовно-нравственной и физической культуры человека; организация лекционной работы по пропаганде национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, инновационных процессов в экономической, социальной и культурной сферах, новейших достижений в различных областях науки и техники с привлечением к этой работе наиболее квалифицированных кадров из числа ученых, преподавателей, государственных служащих, идеологических работников, специалистов различных отраслей народного хозяйства, творческой интеллигенции, других граждан Республики Беларусь, имеющих необходимый опыт и др. [13]. Для решения указанных задач региональные отделения Белорусского общества «Знание» организуют и проводят мероприятия антикоррупционной направленности в государственных органах, организациях различных организационно-правовых форм и видов деятельности. Участвующие в лекциях, семинарах, круглых столах и иных мероприятиях антикоррупционной направленности специалисты, должностные лица, иные работники и служащие повышают не только свой профессиональный уровень, но и общий уровень правовой культуры.

Аналогичную просветительскую деятельность осуществляют и образовательные учреждения, в т. ч. дополнительного образования, при обучении, переподготовке, повышении квалификации работников, руководителей. Для проведения указанных занятий и участия в иных мероприятиях приглашаются руководители, юристы и иные практикующие специалисты, ученые, обладающие необходимыми знаниями и опытом в вопросах борьбы с коррупцией.

9. Антикоррупционная социальная реклама, агитация и воспитание. Воспитательную работу проводят как образовательные, так и иные организации. Государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, внедряют и новые формы участия общественности в борьбе с коррупцией. Так, Генеральная прокуратура Республики Беларусь провела Международный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции», участниками которого также стали представители Армении, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана [14]. Подобные мероприятия, в центре которых антикоррупционная пропаганда и соответствующая наглядная агитация, направленная на вовлечение общественности в решение проблем коррупционного характера, проводятся и отдельными органами государственной власти и управления, некоторые из них – также в отдельных коммерческих и некоммерческих, государственных и негосударственных организациях. Особенно заметно участие в указанных мероприятиях креативной и творческой части общества.

10. Обращение в органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, органы и иные организации, участвующие в борьбе с коррупцией, и оказание содействия в выявлении и пресечении коррупционных преступлений, иных правонарушений. Именно гражданин является центральным или наиболее важным элементом практически всех организационно-правовых форм участия общественности в борьбе с коррупцией. От того, насколько он инициативен и ответственен, зависит эффективность отдельных

форм участия. В некоторых случаях на гражданина как представителя общественности возлагаются особые права, обязанности и, безусловно, надежды общества.

В ст. 10 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», направленной на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства, закреплено право гражданина согласиться на оказание содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, связанную, в частности, с выявлением и пресечением коррупционных преступлений [15]. В статьях 166–168 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь устные и письменные заявления граждан, а также установление по ним достаточных данных, указывающих на признаки преступления, закреплены как поводы и основания к возбуждению уголовного дела. При этом подобные заявления являются обязательными для рассмотрения [16]. В порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица (в лице их представителей) имеют право на обращение с заявлениями в организации (кроме случаев, предполагающих рассмотрение вопросов в порядке конституционного судопроизводства, а также согласно гражданскому, гражданско-процессуальному, хозяйственно-процессуальному, уголовно-процессуальному и административно-процессуальному законодательствам, обращений работников к работодателям и иных случаев, предусматривающих иной порядок рассмотрения) [17]. В ходе проверок таких обращений могут быть выявлены и устранены некоторые условия, способствующие нарушениям коррупционного характера, снижены коррупционные риски и др.

11. Профилактика правонарушений. Несмотря на то что в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» среди основных профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, такая форма, как участие общественности, не упоминается, советы общественных пунктов охраны правопорядка, добровольные дружины, общественные объединения и иные организации обозначены как субъекты профилактики правонарушений. Так, предусмотрено правовое просвещение граждан в форме проведения конференций, круглых столов, семинаров, лекций и выступлений по вопросам профилактики правонарушений, а также организация проведения опросов общественного мнения о деятельности субъектов профилактики правонарушений и освещения их результатов в государственных средствах массовой информации, в т. ч. распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений, обеспечение стимулирования граждан за предоставление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных правонарушениях и др. [18].

Перечисленные организационно-правовые формы участия общественности в борьбе с коррупцией в Республике Беларусь соответствуют Конвенции ООН против коррупции (в частности, в п. «b» ч. 1 ст. 6 закреплено расширение и распространение знаний по вопросам предупреждения коррупции, в п. «f» ч. 2 ст. 12 – необходимость механизмов внутреннего контроля для оказания помощи в предупреждении и выявлении коррупционных деяний и др.) [19], а также Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (в ч. 1 ст. 5 организация антикоррупционного обучения обозначена как элемент системы мер борьбы с коррупцией) [1], Программе по борьбе с коррупцией в Республике Беларусь на 2017–2019 гг. (в п. 3.2.1 обозначена необходимость расширения участия общественных организаций, политических партий, а также граждан в реализации мер по предупреждению коррупции) [20], иным актам.

Заключение

Анализ законодательства и практики позволил выделить, обобщить и систематизировать сложившиеся в Республике Беларусь организационно-правовые формы участия общественности в борьбе с коррупцией (каждая из которых характеризуется, в частности, особым кругом субъектов):

- 1) формы участия, установленные Законом «О борьбе с коррупцией»:
  - а) взаимодействие государственных органов и иных организаций с государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией;
  - б) общественный контроль;
  - в) оказание содействия государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, иным органам и организациям, участвующим в борьбе с коррупцией;
  - г) антикоррупционное обучение;
- 2) иные формы участия:
  - а) работа в составе комиссии по противодействию коррупции;
  - б) взаимодействие государственных органов и иных государственных организаций (пресс-служб) со средствами массовой информации;
  - в) содействие выявлению и пресечению коррупционных преступлений согласно Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»;
  - г) содействие выявлению и пресечению коррупционных преступлений согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь;
  - д) обращение с заявлением в государственные органы и организации согласно Закону Республики Беларусь «О заявлениях и обращениях граждан и организаций», в т. ч. по вопросам деятельности комиссий по противодействию коррупции;
  - е) обращение в службы собственной безопасности отдельных государственных органов (в т. ч. по телефонам доверия);
  - ж) обращение в подразделения внутреннего контроля организаций (в т. ч. по телефонам доверия);
  - и) профилактика правонарушений (согласно Закону Республики «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»);
  - к) антикоррупционная социальная реклама, агитация и воспитание.

Таким образом, системообразующее значение в расширении участия общественности в борьбе с коррупцией имеет выделение и обобщение уже сложившихся организационно-правовых форм этой деятельности.

Несмотря на широкий перечень фактически сложившихся организационно-правовых форм участия общественности в борьбе с коррупцией в Республике Беларусь, большое значение имеет их совершенствование, а также внедрение новых.

Результаты криминологических исследований хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемых в Республике Беларусь, показывают, что одним из самых эффективных средств предупреждения их совершения является повышение уровня знаний и умений должностных лиц как участников отдельных видов отношений, а повышение качества внутреннего контроля со стороны указанных работников, служащих и иных уполномоченных лиц способно положительно повлиять на некоторые проблемные позиции.

Осведомленность о непосредственных проблемах конкретных органов и организаций и одновременно с тем невовлеченность (или недостаточная вовлеченность) в процесс решения проблем ввиду определенной ограниченности функционирующих организационно-правовых форм участия общественности в борьбе с коррупцией требует развития действующих и формирования новых форм этого участия.

В комплексе указанное позволит повысить качество борьбы с коррупцией, а также сделать более эффективным и заметным участие в этом общественности, что также имеет большое социальное значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Под председательством Генерального прокурора Республики Беларусь Александра Конюка 15 ноября 2017 года проходит конференция «Правовые и организационные вопросы практики применения и пути совершенствования законодательства о борьбе с коррупцией» [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by/special/info/sobytiya-i-meropriyatiya/pod-predsedatelstvom-generalnogo-prokurora-respubliki-belarus-aleksandra-konyuka-15-no-yabrya-2017-go/>. – Дата доступа: 01.05.2019.
3. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предварит. расследование. – 2017. – № 1. – С. 19–24.
4. Участие [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33574>. – Дата доступа: 01.03.2019.
5. Противодействие коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. В. Левакин [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Охотского. – 3-е изд. – М. : Юрайт, 2019. – 427 с.
6. Конюк, А. В. В борьбе с коррупцией важная роль каждого / А. В. Конюк // Беларус. думка. – 2015. – № 3. – С. 3–9.
7. Резюк, В. И. Противодействие коррупции : учеб.-метод. пособие / В. И. Резюк, В. П. Шиенок. – Брест : БрГУ, 2018. – 211 с.
8. Ярмоц, Е. Н. Общественный контроль с сфере борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Е. Н. Ярмоц // Могилевский институт МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160712160053_Jarmoc.pdf. – Дата доступа: 01.06.2018.
9. Об утверждении Типового положения о комиссии по противодействию коррупции [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 дек. 2011 г., № 1732 : в ред. от 30.04.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Горячая линия по противодействию коррупции в Белгосстрахе [Электронный ресурс] // Белгосстрах. – Режим доступа: <http://bgs.by/about/17054/>. – Дата доступа: 01.04.2019.
11. Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия : монография / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.
12. О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 февр. 2009 г., № 65 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 03.06.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Государственные задачи [Электронный ресурс] // Белорусское общество «Знание». – Режим доступа: <http://www.znaniebelarus.by/ru/main.aspx?guid=3001>. – Режим доступа: 01.06.2018.
14. Международный конкурс «Вместе против коррупции!» [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа:

<http://www.prokuratura.gov.by/ru/publications/mezhdunarodnyy-konkurs-vmeste-protivkorruptsii/generalnaya-prokuratura-respubliki-belarus-obyavlyayet-o-provedenii-mezhdunarodnogo-molodezhnogo-konk.> – Дата доступа: 01.05.2019.

15. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

17. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 300-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

18. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

19. Конвенция ООН против коррупции [Электронный ресурс] : [заключена 31 окт. 2003 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

20. Программа по борьбе с коррупцией на 2017–2019 гг. [Электронный ресурс] : решение респ. координац. совещ. по борьбе с преступностью и коррупцией, 26 мая 2017 г., № 16 // Недойская базовая школа. – Режим доступа: <https://nedoika.schools.by/pages/programma-po-borbe-s-prestupnostju-i-korruptsiej-na-2017-2019-gody>. – Дата доступа: 01.05.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.07.2019

Rezyuk V. I. Public Participation in the Fight against Corruption in the Republic of Belarus: Organizational and Legal Forms

The article discusses the organizational and legal forms of public participation in the fight against corruption in the Republic of Belarus. The author of the article identifies, summarizes and systematizes the organizational and legal forms of public participation in the fight against corruption established in the Republic of Belarus as the basis for their further improvement and development.

УДК 343.92

Е. В. Романюк

ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: crimlaw_515@brsu.brest.by

АКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Систематизируются основные функции социальных сетей, анализируются способы и цели активности пользователей. Рассмотрены примеры, когда активность в социальных сетях влечет к уголовной ответственности. Сделан вывод, что значительное число пользователей не в полной мере владеют информацией о том, какие действия в социальных сетях могут стать причиной уголовной ответственности, поэтому необходимо шире проводить разъяснительную работу в СМИ, учреждениях образования, трудовых коллективах. Также видится необходимым проведение комплексных исследований феномена социальных сетей.

Введение

Развитие информационных технологий существенно изменило многие стороны жизни граждан. Функцию донесения информации до аудитории выполняют не только традиционные средства массовой информации, но и социальные медиа (социальные сети, блоги, форумы). Социальные сети стали наиболее популярной формой социальной коммуникации, они предоставляют пользователям широкие коммуникационные возможности: межличностное общение, распространение информации и обмен ею, объединение в сообщества и группы по интересам.

Практически все люди параллельно реальной жизни ведут вторую жизнь – виртуальную. Все значимые действия и события фиксируются в социальных сетях. В виртуальном сообществе пользователи занимаются бизнесом, рекламируют и ищут товары и услуги, знакомятся и общаются. Социальные сети являются хранилищем огромного количества медиафайлов: видео- и аудиоматериалов, изображений.

Социальная сеть – это онлайн-модель взаимоотношений между реальными людьми, где общение происходит с использованием технических возможностей Интернета. Социальные сети начали развиваться в 1995 г. с момента создания американского портала Classmates, послужившего прообразом первой российской сети «Одноклассники». В 1999 г. американским студентом-программистом был открыт сервис Livejournal, который стал первым массовым хостингом блогов (электронных дневников) и первым западным социальным сервисом, популярным в странах СНГ. В 2004 г. студент из Гарварда Марк Цукерберг запустил портал Facebook, изначально доступный только гарвардским студентам. К 2008 г. Facebook стал крупнейшей в мире соцсетью, сервис которой доступен на 40 языках. В 2006 г. американский программист Джек Дорси запустил проект Twitter, а петербургский программист Павел Дуров основал сеть «ВКонтакте» [1]. В октябре 2010 г. Кевин Систром и Майкл Кригер разработали проект, связанный с мобильными фотографиями – Instagram, который вначале распространялся как одно из приложений Apple. Даже разработчики не ожидали, что программа приобретет такую популярность у пользователей. Через месяц после появления Instagram было зафиксировано около 1 млн скачиваний приложения, а через год – 10 млн. В настоящее время это самая популярная программа обмена фотографиями, предназначенная для мобильных устройств. Число зарегистрированных пользователей в 2018 г. составило 1,1 млрд человек [2].

В Республике Беларусь существует около десяти популярных социальных сетей, и большинство граждан ведут активную социальную жизнь. Еще недавно считалось, что человек в среднем проводит 10 часов в месяц в социальных сетях. Однако в настоящее время следует говорить о нескольких часах в день. Даже младшие школьники имеют по несколько аккаунтов, о существовании которых их родители часто не знают. По нашим наблюдениям, пользователи старшего поколения предпочитают социальную сеть «Одноклассники». Сеть «ВКонтакте», еще недавно самую популярную в стране среди молодежи, подростки уже игнорируют, но в ней появляются новые пользователи среднего возраста. И именно к этой сети чаще всего обращаются за поиском интересных услуг или товаров, для прослушивания музыки. Facebook среди белорусских пользователей в настоящее время теряет свою популярность. Для установления деловых контактов, а также для поиска вакансий или работников создают аккаунты в LinkedIn, особенно это распространено среди работников IT-сферы. Самой популярной среди молодежи социальной сетью, где пользователи соревнуются в наполнении профиля красивым визуальным контентом, является Instagram.

В мае 2014 г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета провел социологический опрос среди 1 000 жителей Республики Беларусь. На вопрос «Какими социальными сетями пользуетесь Вы лично?» ответы распределились таким образом: «ВКонтакте» – 39,6 %, «Одноклассники» – 37,8 %, Facebook (15,4 %), «Мой Мир» (14,2 %), Twitter (8 %), Google+ (8,9 %), Instagram (5,8 %). Также исследование показало, что «практически ежедневно» пользуются Интернетом 90,8 % молодых людей, 65,7 % людей среднего возраста, 29 % населения в возрасте 45–59 лет и 10,7 % людей пенсионного возраста [3, с. 94].

Нами был проведен аналогичный опрос среди 200 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет. На вопрос «Есть ли у Вас аккаунты в соцсетях?» 3 % опрошенных ответили «нет»; 46,5 % ответили «есть в 1-2 социальных сетях»; 50,5 % – «есть в 3 и более сетях». На вопрос «В каких социальных сетях вы являетесь активным пользователем?» (количество вариантов не было ограничено) 165 опрошенных отметили «ВКонтакте», 158 человек – Instagram, 36 – «Одноклассники», 33 – Facebook, по 2 человека – LinkedIn и Livejournal. Ответ «другие» отметили 32 человека, причем Twitter указали 8 из них, остальные имели в виду мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Line, Imo и прочие).

Отличие полученных нами результатов от данных исследования 2014 г. можно объяснить тем, что за три года предпочтения пользователей изменились, а также тем, что нами была охвачена аудитория более молодого возраста.

Популярность социальных сетей можно объяснить следующим образом. Доминирующий формат сообщений социальных сетей – изображение + короткий текст. Наличие визуальных составляющих сообщений обусловлено необходимостью конкуренции за внимание аудитории в условиях высокой интенсивности производства контента. Структура социальной сети представляет собой систему «друзей» и «групп». При регистрации в социальной сети пользователь указывает информацию о себе, таким образом создавая свою учетную запись, по которой в дальнейшем его смогут найти другие пользователи. Таким образом, пользователей привлекает простота наполнения профиля контентом и возможность найти единомышленников и собеседников.

В целях изучения социальных медиа в белорусском информационном поле Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в 2014 г. приступил к выполнению первого комплексного исследовательского проекта, посвященного данной теме. Центр возглавляет доктор социологических наук, профессор Давид Генрихович Ротман, ученый, вплотную занимающийся исследованием социальных сетей в Беларуси. Однако социальные сети остаются еще недостаточно изученной сферой, хотя очевидна необходимость исследования социальных

сетей и распространяемой через них информации. Социальные сети – феномен XXI в., требующий комплексного изучения [3, с. 91].

Азербайджанский ученый-психолог Т. С. Садыгова проводила исследование социальных сетей с точки зрения социальной психологии. Она выделила следующие социально-психологические функции социальных сетей.

1. *Коммуникационная.* Люди социальны по своей природе, и без общения невозможно становление человека в качестве полноценного члена общества. На современном этапе посредством социальных сетей устанавливаются контакты, обмениваются информацией, взаимодействуют друг с другом. Общение в социальных сетях способствует преодолению коммуникативного дефицита, расширению круга общения, установлению контактов [4, с. 192].

2. *Информационная.* Она вытекает из коммуникационной, ведь обмен информацией – это одна из базовых составляющих общения. Общаясь друг с другом, люди обмениваются разнообразной информацией. В социальных сетях пользователи могут самостоятельно выбирать интересующую информацию и транслировать ее дальше, выступая в данном случае в роли информационного канала. При этом немаловажным является факт наличия обратной связи. Кроме того, развитие информационных технологий (мобильные устройства и доступный мобильный Интернет) позволяет оперативно отражать события в виртуальном пространстве и оперативно реагировать на полученную информацию. Социальные сети являются открытой системой, в рамках которой каждый получает возможность публично высказываться, самостоятельно продуцировать информационный контент. Именно интерактивность, непосредственное участие самих пользователей в продуцировании, распространении и оценке контента является ключевой особенностью современного интернет-пространства. Такая открытость, с одной стороны, ускоряет трансляцию информации, а с другой – открывает простор для размещения ложных сведений [3, с. 93; 4, с. 192].

3. *Социализирующая.* Социальные сети способствуют социализации нового поколения. При интернет-общении легче преодолеваются коммуникационные барьеры. Сетевое общение описывается как единственная возможность построения отношений для некоторых пользователей (например, для пациентов с физическими недостатками). Благодаря сетевому общению преодолевается коммуникативный дефицит, формируется широкий круг общения, повышается информированность в обсуждаемых вопросах, расширяется психологический опыт, развивается социальная компетентность, способность к обмену эмоциональными состояниями и настроениями, реализуется желание выделиться из толпы, а также стремление присоединиться к референтной группе, разделить групповые ценности, возникает возможность компенсировать действительные или мнимые недостатки внешности, речи, некоторые свойства характера или психологические заболевания [4, с. 193].

4. *Идентификационная.* Социальное «Я» формируется посредством идентификации, сравнения себя с окружающими, выбора референтной группы. При этом в обществе действует принцип разделения на «своих» и «чужих». С появлением социальных сетей найти «своих» и обособиться от «чужих» стало намного проще, нужно лишь задать параметры поиска, и можно найти единомышленников, людей с аналогичными взглядами, интересами, увлечениями [4, с. 193].

5. *Развлекательная.* В социальных сетях размещено огромное количество аудио- и видеозаписей, онлайн-игр и приложений, носящих развлекательный характер. В сети можно посмотреть фильм, клип, послушать музыку, поиграть с друзьями [4, с. 193].

6. *Самоактуализирующая.* Самоактуализация (самовыражение) является высшей потребностью личности, она опережает даже признание и общение. Человек стремится к реализации своих способностей, умений и талантов. Социальные сети обладают ши-

роким инструментарием для самоактуализации и самопрезентации индивида. Каждый пользователь получает возможность делиться плодами своего творчества с аудиторией социальной сети. Люди ведут блоги, тематические странички, т. к. это очень простой, быстрый и доступный способ быть услышанным аудиторией. Социальные сети – это хранилище результатов творческой деятельности ее пользователей, там публикуются высказывания, стихи, рассказы, статьи, фотографии, аудио- и видеозаписи, сделанные пользователями. Наиболее ярко стремление к самоактуализации проявляется среди детей и подростков. Желая добиться популярности и признания среди сверстников, молодые люди регистрируют аккаунты, ведут блоги, стремясь создать необычный контент, чтобы получить как можно больше подписчиков и лайков. Причем самым популярным становится контент, который взрослые пользователи найдут, мягко говоря, странным. Анонимность предоставляет возможность управлять впечатлением о себе, способствует психологической раскрепощенности, ненормативности, проявлению большей свободы высказываний и поступков, проигрыванию нереализуемых в действительности вне сети ролей и сценариев. В условиях мультимедийного общения открываются неограниченные возможности для самоактуализации, ведь можно выбрать и поддерживать любой образ, демонстрировать абсолютно любые качества и навыки [3, с. 96; 4, с. 193].

Но социальные сети не являются полностью безопасным местом. Виртуальная жизнь в определенных случаях становится местом совершения преступлений. В данной статье мы не рассматриваем уголовно наказуемых деяний в социальных сетях, совершаемых с умыслом. Однако для совершения преступления не всегда нужно активно этого желать. Большое количество пользователей, особенно недавно зарегистрировавшихся в социальных сетях, не в полной мере понимают, что некоторые действия в социальных сетях, на их взгляд обычные, правомерные, могут оказаться противоправными и повлечь наступление уголовной ответственности. Основными видами активности в социальных сетях являются:

- 1) загрузка нового контента к себе на страницу;
- 2) загрузка к себе на страницу уже ранее размещенного на другой странице материала, чтобы поделиться им со своими подписчиками (репост);
- 3) лайки (нажатие сердечка на понравившейся записи) с целью выражения одобрения – «мне нравится») и комментирование чужих записей;
- 4) личная переписка.

Поставить лайк очень легко: достаточно легким касанием дотронуться до места с сердечком на записи, т. е. новый пользователь вполне может неосознанно расставлять лайки, совсем этого не желая. Но отсутствие умысла сложно доказать. Лайки правоохранительными органами трактуются как выражение поддержки и одобрение записи. Но лайк выражает не только пассивное одобрение. Практически во всех социальных сетях интерфейс устроен таким образом, что можно изучить историю активности аккаунтов, на которые подписан пользователь, таким образом посмотреть новости активностей своих друзей. Т. е. каждый видит записи, которым его виртуальные друзья поставили лайк или к которым оставили комментарий. Таким образом, записи, к которым пользователь проявил внимание, могут просмотреть все пользователи, подписанные на его аккаунт. Если материал находится в свободном доступе, его могут свободно просмотреть все, кто посещает страницу пользователя. Проставление лайка или оставление комментария – это распространение информации. Так же случайно можно сделать и репост: достаточно нажать на незаметную стрелку под записью, которая означает «поделиться», «рассказать друзьям».

Данные действия могут быть сопряжены с некоторыми преступлениями, например разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь), или самое

распространенное преступление, совершаемое путем проставления лайков, – распространение порнографических материалов (ст. 343 УК Республики Беларусь). За эти действия, совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи, наступает ответственность по ч. 2 данной статьи. Чаще всего лица, привлекаемые к уголовной ответственности, не считают, что поставленный ими лайк или добавление порнографического видео себе на страницу в социальной сети является преступлением, хотя распространением считается передача порнографии хотя бы одному лицу, независимо от способа. Иногда материалы порнографического характера передаются через локальную сеть предприятия или закрытую сеть жилого района [5].

Значительное количество пользователей полагают, что правоохранительные органы оценивают исключительно текст комментария (наличие в нем клеветы, ненормативной лексики и т. п.), а сам факт его оставления не имеет правового значения. Однако в определенных ситуациях содержание комментария к материалу не будет иметь значения, т. к. оцениваться будет только факт копирования материала на страницу лица. Даже комментарий с негативной оценкой происходящего под порнографическим роликом, например «это ужасно, удалите немедленно, это же смотрят дети», будет считаться распространением информации и повлечет уголовную ответственность.

Рассмотрим примеры таких уголовных дел. Парень попросил друга создать ему профиль в сети «ВКонтакте». Вскоре после этого на страничке начали появляться порнографические ролики. Как позже пояснил парень, просматривая видеоролики на чужих страницах, он отмечал, как понравившиеся, а видео тем временем попадало к нему на страницу автоматически, т. е. он нажимал «поделиться» и не знал об этом. Когда ему объяснили, что это может закончиться уголовным делом, молодой человек сразу удалил со страницы всю порнографию, и больше она там не появлялась. Однако профиль уже успели изучить эксперты. Вскоре к нему домой пришли оперативники и изъяли системный блок компьютера и ноутбук [6].

Другой распространенный случай совершения такого преступления заключается в следующем. Парень находился в командировке, его девушка в личной переписке в сети «ВКонтакте» высылала ему фото своих половых органов. Молодой человек нажимал «сохранить», думая, что изображения сохраняются на его ноутбук. Но фото сохранялись в открытый для просмотра всем пользователям фотоальбом «Сохраненные фотографии» его профиля сети «ВКонтакте».

Вообще до 2012 г. в сети «ВКонтакте» хранилось в открытом доступе огромное количество порнографических материалов, создавались группы по интересам с открытыми альбомами; пользователи не понимали, что эти действия являются уголовно наказуемыми. Основная масса обвиняемых по таким делам – лица в возрасте от 17 до 29 лет, большинство из них – мужчины рабочих специальностей, которые не обладают достаточной правовой культурой. Нередко распространителями порнографической информации становятся несовершеннолетние, которые не осведомлены о том, что их действия являются уголовно наказуемыми.

Уголовная ответственность предусмотрена также за клевету, т. е. распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений, в том числе в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи (ст. 188 УК Республики Беларусь), и за оскорбление, т. е. умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, в том числе в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи (ст. 189 УК Республики Беларусь). В 2019 г. в УК появилась ст. 342-1, предусматривающая ответственность за пропаганду самоубийства,

т. е. умышленное распространение в любой форме информации в целях возбуждения у индивидуально-неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство [4].

За оскорбление в Интернете пользователь Гродненского форума, 22-летний студент ГрГУ, был наказан на сумму более 1 400 долл. Сотрудник ГАИ УВД Гродненского облисполкома составил протокол в отношении отца парня за то, что тот заехал под запрещающий знак. Дома мужчина рассказал своей семье о визите в ГАИ. Его сын, возмущенный услышанным, на гродненском форуме изложил свою точку зрения на произошедшее: недоумевал о причине штрафа, рассуждал о наличии «серого вещества» у сотрудников ГАИ, затронул личность офицера милиции, выносившего наказание, а в конце подвел черту с использованием нецензурного выражения. В соответствии с ч. 2 ст. 189 УК Беларуси суд назначил парню наказание в размере 100 базовых величин и возмещение морального ущерба.

В Витебске мужчина заплатил штраф за оскорбительные слова в адрес девушки. На ее личной странице в социальной сети он оставил нецензурные высказывания. Как выяснилось позже, это была месть посетителя ресторана, недовольного работой официантки. Девушка написала заявление в милицию, приложив распечатку страницы с перепиской и оскорблениями. Изначально в возбуждении уголовного дела было отказано, но в ходе прокурорского надзора дело было возбуждено, и мужчина был осужден и приговорен к штрафу [6].

Почти во всех подобных случаях обвиняемые не считают, что совершили преступление. Обычно говорят, что просто пошутили или хотели посмотреть ролик, сохранили его «для себя». Часто подростки для получения одобрения в целях наполнения «интересным» контентом своих профилей готовы переступить через любые запреты. Иногда такие действия заканчиваются привлечением к ответственности или несчастными случаями. Таким образом, безобидно проводя время в социальных сетях, пользователи могут совершить такие преступления, как:

- 1) распространение порнографических материалов (ст. 343 УК Беларуси);
- 2) клевета и оскорбление (статьи 188 и 189 УК Республики Беларусь);
- 3) разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130 УК Республики Беларусь);
- 4) пропаганда самоубийства (ст. 342-1 УК Республики Беларусь).

Налицо и негативные характеристики социальных сетей: общедоступность, анонимность для других пользователей, отсутствие должного контроля со стороны администрации сообществ социальных сетей.

В ходе проведенного нами социологического опроса был задан вопрос «Знаете ли Вы, какие действия в соцсетях влекут привлечение к уголовной ответственности?». 72,5 % опрошенных ответили «знаю»; 26 % – «знаю, но не точно»; 1,5 % – «не знаю». На вопрос «Достаточно ли распространена в СМИ информация о том, какие действия в соцсетях влекут привлечение к уголовной ответственности?» были получены следующие ответы: 37,5 % опрошенных ответили «да», 62,5 % – «нет». Это свидетельствует о недостаточной степени освещенности данного вопроса.

Заключение

Таким образом, виртуальные социальные сети – это неотъемлемая часть жизни современного общества. Они выполняют важные социально-психологические функции: коммуникационную, информационную, социализирующую, идентификационную, развлекательную и самоактуализирующую. Социальные сети позволяют реализовать многие социальные потребности современного человека, поэтому приобретают все большую популярность. Несмотря на активную разъяснительную работу, публикации в СМИ, пользователи продолжают привлекаться к уголовной ответственности за актив-

ность в социальных сетях. Не все граждане осознают, что размещение определенных текстовых, фотографических и иных материалов в сети Интернет является незаконным. Не все понимают, что в силу технических особенностей, если лицо комментирует или одобряет какой-либо материал в социальной сети, то его копия автоматически сохраняется на странице пользователя. Впоследствии его подписчики могут ознакомиться с данной записью.

Интернет – объект пристального внимания сотрудников подразделений по нарконтролю и противодействию торговле людьми, инспекций по делам несовершеннолетних, которые постоянно проводят мониторинг социальных сетей. Кроме того, в милицию могут обращаться граждане, которым пришли видеоролики или ссылки на порнографию, а также владельцы серверов, которые обнаружили запрещенные ролики [6].

На наш взгляд, необходимо шире проводить разъяснительную работу: в СМИ, для учащихся в учреждениях образования, в трудовых коллективах организаций и учреждений. Следует хотя бы раз в полгода проводить лекции, беседы, круглые столы с привлечением сотрудников правоохранительных органов, а также специалистов, занимающихся научными исследованиями по данной проблеме. Необходимо напоминать, что пользование социальными сетями требует проявления осмотрительности не только при размещении информации. Каждый должен оценивать содержание материала, который одобряет и комментирует. Информация, которая выложена в Интернет, попадает туда навсегда, и удалить ее безвозвратно практически невозможно.

В Республике Беларусь социальные сети остаются недостаточно исследованной сферой, требующей комплексного изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социальные сети. История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/palovchin/istoria>. – Дата доступа: 10.01.2019.
2. История создания Инстаграм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://softhardware.ru/istoriia-sozdaniia-instagram.html>. – Дата доступа: 10.01.2019.
3. Ротман, Д. Г. Социальные медиа в информационном поле Республики Беларусь / Д. Г. Ротман, А. В. Посталовский, И. Д. Расолько // Социология. – 2014. – № 4. – С. 90–99.
4. Садыгова, Т. С. Социально-психологические функции социальных сетей / Т. С. Садыгова // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 3. – С. 192–194.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Как за запись в социальных сетях получить срок: самые громкие дела в Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kv.by/content/335742-kak-zazapis-v-sotsialnykh-setyakh-poluchit-srok-samyegromkie-dela-v-belarusi>. – Дата доступа: 10.01.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2019

Romanyuk E. V. Activity in Social Networks and Criminal Responsibility

The main functions of social networks are systematized; the ways and goals of user activity are analyzed. Examples when activity in social networks entails criminal prosecution are considered. It has been concluded that a large percentage of users do not fully possess information about what actions in social networks are criminally punishable, therefore it is necessary to conduct more extensive explanatory work in the media, in educational institutions, in labor collectives. It also seems necessary to conduct a comprehensive study of the phenomenon of social networks.

УДК 34 (002) (476)

Т. З. Шалаева

*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: t.shalaeva@tut.by*

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА
НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ: ПРОБЛЕМЫ ДВУЕДИНОЙ ПРИРОДЫ**

Рассматриваются проблемы формирования правового режима информационного ресурса, в том числе такого его компонента, как право собственности. Выдвинуты теоретические подходы к пониманию категорий «право собственности» и «право интеллектуальной собственности» информационного ресурса. Исследуются доктринальные подходы к соотношению вещного права и исключительных прав с правом на информацию.

Введение

Согласно ст. 23 Закона Республики Беларусь (далее – Закон) «Об информации, информатизации и защите информации», информационные ресурсы (далее – ИР) могут быть государственными и негосударственными. Субъектами права собственности на информационные ресурсы могут быть: граждане, органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления, юридические лица коммерческого и некоммерческого характера, а также зарубежные государства, международные организации, иностранные юридические и физические лица. Закон закрепил в правовом режиме ИР право собственника на документированную информацию, предоставляемую в государственные ИР в обязательном порядке, и право использования этой информации, а также права «совместного владения» государства и субъектов, предоставляющих эту информацию вне зависимости от их организационно-правовой формы, что свидетельствует об определении ИР как элемента состава имущества.

Правовой режим ИР включает в себя и право использовать ИР в качестве товара с применением основных принципов гражданско-правового договора. Определение на законодательном уровне отношений собственника ИР (владельца, обладателя, пользователя) и обработчика и других субъектов информатизации, установление их основных полномочий в целом оформляет правовой режим ИР только с позиций института права собственности. Причем право собственности на ИР не распространяется на информационные технологии, комплексы программно-технических средств, информационные системы и сети, принадлежащие другому собственнику, с помощью которых осуществляется обработка ИР в порядке предоставления услуги.

Наряду с установлением общих правил в области права собственности на ИР прописан правовой режим государственных ИР: обеспечивают суверенитет и хозяйственную самостоятельность Республики Беларусь, характеризуют ее экономическое, социальное и оборонное развитие, являются ресурсами государственного значения, относятся к республиканской собственности.

Отечественным законодателем закреплены нормы, которые устанавливают состав правового режима информации, в том числе устанавливают собственника, владельца, обладателя и т. п. К примеру, Законами Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», «О научно-технической информации», «О государственных секретах», «О коммерческой тайне», отдельными статьями кодексов и законов: Гражданского кодекса (ст. 140. Нераскрытая информация), Банковского кодекса (ст. 121. Банковская тайна), законов «О здравоохранении» (ст. 46. Предоставление информации о состоянии здоровья пациента. Врачебная тайна), «Об адвокатуре

и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (ст. 1. Адвокатская тайна) и др. – устанавливают в той или иной степени субъектный состав собственника либо владельца. Конституция Республики Беларусь устанавливает центральный правовой режим права на доступ к информации.

Достаточно большой перечень законодательных актов говорит о внимательном отношении государства к проблемам правового режима информации, но в то же время анализ актов свидетельствует о некоторой хаотичности, раздробленности, ведомственной ограниченности, «пробельности» и противоречивости отдельных правовых норм, регламентирующих информационные права и обязанности субъектов, компетенцию государственных органов в данной сфере правового регулирования. В связи с этим авторский подход к проблеме двуединой природы ИР позволяет определить пределы действия вещного права собственности и исключительных прав на ИР.

Проблемным полем действующего информационного законодательства является двуединая природа ИР как совокупности документированных информационных единиц (которые создаются творческими интеллектуальными усилиями человека), не закреплённой правовой охраной авторских и смежных с ними прав на ИР, патентной охраной (кроме ИР в виде баз данных), и носителя этих единиц, имеющего материальную оболочку и являющегося объектом права вещного.

Понятие интеллектуальной собственности имеет в сфере обращения ИР достаточно ограниченное применение, т. к. объектом таких отношений выступает творческий продукт, результат интеллектуальной деятельности, к которому информация не отнесена. Закон «Об информации, информатизации и защите информации» не распространяется на отношения, связанные с охраной информации, являющейся объектом интеллектуальной собственности. В качестве объекта интеллектуальной собственности, с учетом того, что «информация – это сведения...», выступает секрет производства «ноу-хау» как сведения, охраняемые в режиме коммерческой тайны, согласно статьям 140 и 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Белорусское гражданское законодательство в качестве объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1], наряду с вещами, включая деньги и ценные бумаги, иным имуществом, в том числе имущественными правами, работами и услугами, нематериальными благами законодатель выделяет и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность) и нераскрытую информацию. Определение же информации в кодексе не раскрыто, она лишь упоминается в ст. 910 в качестве объекта договора франчайзинга и отождествляется со сведениями о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах (ст. 140 Гражданского кодекса).

Законодатель предоставляет информации охрану лишь в качестве нераскрытой информации, если она составляет служебную или коммерческую тайну. Информация гражданским законодательством вынесена за рамки интеллектуальной собственности и не находит, как отмечалось, отражения в качестве объектов интеллектуальной собственности. Если мы обратимся к акту «Об авторском и смежных правах», то в нем в перечне объектов авторского права также нет речи об информации либо ИР.

Нормы авторского права ориентированы на защиту внешнего проявления произведения, его формы, что дает возможность информации, содержащейся в нем, беспрепятственно распространяться третьими лицами. В патентном праве защиту находит содержательная часть патентозащищаемого объекта, информация с принципиальных позиций становится общедоступной.

В современном мире ИР достаточно долгое время имеют товарный характер и выступают в качестве объекта договорных отношений, связанных с его формировани-

ем, поиском, переработкой, хранением, предоставлением, распространением и использованием в различных сферах человеческой деятельности.

Обратимся к авторитетным ученым в области права, исследуем доктринальные подходы к назревшей проблеме, выработаем собственное мнение о непростой ситуации установления вещного права или исключительного права интеллектуальной собственности на информацию, на ИР как выделенную часть информации, а, может быть, и формирования института «информационной собственности» в будущем. Так, О. В. Гаврилов отмечал: «Я думаю, что термин “информационная собственность” в какой-то перспективе имеет право на жизнь. Но надо учитывать сложность аргументации. Дело в том, что в юридической науке есть понятие “юридической фикции” (например, интеллектуальная собственность есть юридическая фикция). Это конструкция, явно противоречащая действительности, но она полезна по ряду причин» [2, с. 24].

Сейчас стоит дилемма: являются ли ИР (по сути, это совокупность документированных информационных единиц) объектом исключительных прав, или они подвержены регулированию в рамках института права собственности. Дискуссии не утихают, проблема выглядит шире: соотношение права собственности и права интеллектуальной собственности [3, с. 10; 4, с. 23–64; 5]; соотношение и взаимосвязь информации и интеллектуальной собственности [6, с. 110–117]; связи институтов собственности и исключительных прав с правом на информацию [7].

Пожалуй, общеизвестными являются научные взгляды теоретиков права в отношении традиционной «святой» модели вещного права, основанного на редуцированной триаде правомочий, наследование которой произошло через пандектное право от древних римских юристов. В условиях адаптации к новым технологиям право находится в поиске новых решений по защите и охране общезначимых с экономической или иной точки зрения благ и ценностей как традиционными средствами, так и новыми правоохранительными конструкциями.

На современном этапе развития права собственности наблюдается характерное расширение его предметной области: наряду с вещью появляется, к примеру, предприятие как имущественный комплекс. Режим права собственности под влиянием логики последовательной рецепции распространился на нематериальные объекты: имущественные права и нематериальные блага, нераскрытую информацию.

Объекты вещных прав обычно создаются физическим трудом в отличие от творений, созданных в основном умственной деятельностью являющихся объектами исключительных прав. Исключительные права в своей совокупности устанавливают режим использования результата интеллектуального труда, т. е. определяют, кто вправе, а кто не вправе применять данный результат, какими личными неимущественными и имущественными правами, способами и формами защиты этих прав они наделены.

Представляется неприемлемым подход «прямой аналогии» вещного и интеллектуального права. По этому поводу классическим ответом звучат слова Г. Ф. Шершеневича: «Распространять понятие о вещных правах на права, не имеющие своим объектом вещи, представляется теоретически неудобным. Порядок возникновения, перехода, прекращения вещных прав рассчитан именно на материальное их содержание, и потому распространение этих правил на совершенно иную область может создать нежелательное смешение понятий в теории и практике» [8, с. 254–255].

Другое мнение основано на проведении аналогии «по сути», когда под собственностью понимается не строго определенный набор правомочий, а набор правомочий, избираемый в зависимости от признаков объекта, экономических, технологических факторов. В данном направлении наиболее плодотворными следует считать исследования И. Л. Бачило, в работах которой выявлены связи институтов права собственности и исключительных прав с правом на информацию.

Суть третьего, «умеренного», взгляда на соотношение вещного права и исключительных прав заключается в «подгонке» теоретических разработок под действующие не совсем «зрелые» нормативные правила и установления. Как отмечают Е. А. Войниканис и М. А. Якушев, «представители данного подхода ставят перед собой задачу метаистолкования, т. е. подведения теоретической базы под сырой нормативный материал» [4, с. 46].

Анализ действующего законодательства в информационной сфере позволяет говорить о некотором использовании проприетарной теории информации скорее в практических целях выполнения служебных компетенций по управлению массивами документированной информации, точнее ИР. Фактически не признавая актуальность и жизнеспособность данной концепции ввиду отрицания тождества между информацией и вещью и признания права собственности только вещным правом, законодатель, не устанавливая надлежащих оснований коммерциализации ИР, решил задачу выпуска документированной информации в гражданский оборот. Зная структуру ИР, состоящую из трех обязательных видов документированных информационных единиц, две из которых (идентификационная и удостоверяющая) являются единицами обслуживания процесса документирования основной содержательной информационной единицы, приходится говорить о наличии ее потенциальных признаков как объекта интеллектуальной собственности. Значит, ИР следует признать особым объектом интеллектуальной собственности, состоящим потенциально из собственно интеллектуальной собственности (содержательной информационной единицы) и сведений об интеллектуальной собственности (идентификационных и удостоверяющих единиц). Стоит помнить, что, в отличие от классического понятия вещной собственности интеллектуальная собственность ограничена временными рамками, а ее объекты нематериальны.

Таким образом, комплексность правового регулирования информационных отношений требует упорядочения подходов в едином правовом институте ИР. Закрепленный публичными нормами Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» правовой режим документированной информации, основанием которого установлен институт вещных прав, не может являться надлежащей и адекватной юридической конструкцией, обеспечивающей правовую защиту и охрану, а также коммерциализацию ИР. Считаю необходимым в ближайшей перспективе внесение ряда изменений в данный закон, Гражданский кодекс, которые должны сформировать критерии и условия выбора защиты прав субъекта в отношении ИР юридическими средствами интеллектуальной собственности и/или института вещного права собственности в отношении составляющих информационных единиц.

В первоочередном порядке в экспликации нуждаются также нормы гражданского законодательства в отношении информации (ИР), представленной в виде баз, банков данных, информационных массивов, отдельных авторских документов, патентнозащищаемых файлов.

Заключение

Таким образом, по нашему мнению, термин «информация» в законодательстве не совсем является удачным: в логико-правовом понимании востребованной является категория «информационный ресурс» как часть специально выделенной по определенным функционально-целевым признакам информации, прошедшей в установленном порядке документирование. В правовом поле движение всегда имели, имеют и будут иметь надлежащим образом оформленные информационные единицы – документы, совокупность которых, как было доказано выше, составляет ИР.

ИР, представляя собой систему документированных информационных единиц, содержит в себе двуединую природу информационного объекта. Значит, при наличии

признаков произведения либо изобретения составляющих информационных единиц ИР могут быть признаны объектом интеллектуальной собственности.

Назрели условия для разработки и принятия Информационного кодекса, модельный вариант которого уже принят в качестве рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ; автором также предпринималась попытка обоснования данного кодифицированного акта [9; 10]. Одним из важнейших разделов данного кодекса должны стать вопросы права собственности, исключительных прав в правовом режиме ИР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. от 05.01.2013 г. : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Гаврилов, О. В. Актуальные проблемы информационного права / О. В. Гаврилов // Труды по интеллектуальной собственности. – М. : ИМПЭ, 2000. – С. 100.
3. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. – М. : ТК Велби, 2003. – 752 с.
4. Войниканис, Е. А. Информация. Собственность. Интернет. Традиции и новеллы в современном праве / Е. А. Войниканис, М. А. Якушев. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 176 с.
5. Пиленко, А. А. Право изобретателя [Электронный ресурс] / А. А. Пиленко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2005. – 777 с. – Режим доступа: <http://gogolevka.ru/biblioteka/otdely/zal-ekonomiko-pravovoi-literaturi>. – Дата доступа: 10.09. 2013.
6. Строганова, И. В. Информация и интеллектуальная собственность: соотношение и взаимосвязь [Электронный ресурс] / И. В. Строганова. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/9/2002_02/016.pdf. – Дата доступа: 10.09. 2013.
7. Бачило, И. Л. Право собственности на информационные ресурсы [Электронный ресурс] / И. Л. Бачило // Юрид. б-ка «Эгида». – Режим доступа: http://lawlib.at.ua/_ld/1/102_sHn.zip. – Дата доступа: 14.10. 2013.
8. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич ; вст. ст. Е. А. Суханова. – М. : СПАРК, 1995. – 556 с.
9. Шалаева, Т. З. Концептуальные подходы к правовому регулированию негосударственных информационных ресурсов в национальном сегменте сети Интернет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Т. З. Шалаева. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/page/yurisprudentsiya>. – Дата доступа: 25.09.2013.
10. Шалаева, Т. З. Информационные ресурсы Беларуси: проблемы правового режима : монография // Т. З. Шалаева. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 191 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2019

Shalayewa T. Z. Ownership and Exclusive Rights to Information Resources: Problems of the Twin Nature

The article is aimed at solving the problems of forming the legal regime of an information resource, including such a component as ownership. The author put forward theoretical approaches to understanding the categories of «property right», «intellectual property right» of an information resource. The study is aimed at analyzing doctrinal approaches to the correlation of property law and exclusive rights with the right to information.

УДК 342.534

О. В. Чмыга

канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ch.ok.vas@mail.ru

НЕГАТИВНАЯ И ПОЗИТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Категория «ответственность» в юридической науке в настоящее время носит дискуссионный характер. Данное правовое понятие проанализировано с точки зрения его сущности, определены его виды в их взаимосвязи и взаимозависимости. Обозначены основные проблемы правового закрепления и реализации позитивной и негативной ответственности лиц, избранных в состав белорусского Парламента, предложены меры по совершенствованию национального законодательства в указанной сфере.

Введение

Единая позиция относительно сущности юридической ответственности как вида социальной ответственности на современном этапе в правовой науке не сложилась. Мнения исследователей о сути указанного предмета допустимо разделить на две группы: ряд ученых признают наличие негативной (ретроспективной) юридической ответственности (данная правовая позиция преобладает), иные исследователи (их меньшинство) допускают существование позитивной (перспективной, статутной, активной и т. п.) юридической ответственности.

А. Ф. Вишнеvский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский – представители классического негативного (ретроспективного) понимания юридической ответственности – считают, что данная категория «может быть определена как особая (связанная с правонарушением) субъективная обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карающие его последствия совершенного им противоправного виновного деяния» [1, с. 483]. Аналогичной правовой позиции придерживаются С. С. Алексеев, О. С. Йоффе, М. Д. Шаргородский, И. С. Самощенко, М. Х. Фарушкин, Р. О. Халфина и другие исследователи.

Сторонниками выделения юридической ответственности в позитивном аспекте являются О. Э. Лейст, В. О. Лучин, Б. Л. Назаров, П. Е. Недбайло, В. А. Рыбаков, В. Г. Смирнов, М. С. Строгович и ряд других ученых. В отличие от ретроспективного осмысления рассматриваемого понятия примером понимания юридической ответственности в позитивном аспекте может служить правовая позиция Б. Л. Назарова. По его мнению, данное понятие, «во-первых, предполагает правомерное поведение; во-вторых, органически связано с чувством долга перед обществом; в-третьих, выступает как сила предупреждения правонарушений путем выработки навыков и привычек правомерного поведения; в-четвертых, момент устрашения как угроза применения государственного принуждения... представляет собой направленную на предотвращение правонарушений общую превенцию» [2, с. 248]. Таким образом, как справедливо отмечает О. Э. Лейст, «обязанность отчета – существенный компонент позитивной ответственности» [3, с. 227–233]. Безусловно, способность отдавать отчет своим действиям, зрелое правосознание в целом (основные составляющие юридической ответственности в позитивном аспекте) – важнейшие и обязательные требования к системе личностных характеристик каждого гражданина. При этом указанный подход нам видится особенно

актуальным применительно к ответственности лиц, обладающих высоким правовым статусом парламентариев.

Следует отметить, что в правовой науке существует также и целое направление исследователей (М. А. Краснов, О. Э. Лейст, Т. Н. Радько и другие ученые), которые, хотя и признают существование в правовой действительности рассматриваемых явлений негативной (ретроспективной) и позитивной юридической ответственности, не находят возможным отразить их сущность в единой концептуальной дефиниции. Несмотря на явные достоинства каждого из рассмотренных выше правовых подходов к концептуальному пониманию сложной и многогранной категории «юридическая ответственность», признавая необходимость размежевания негативного и ретроспективного ее аспектов, мы придерживаемся мнения о целесообразности широкого (двухаспектного) понимания юридической ответственности публичных выборных лиц.

Мы считаем, что все меры негативной конституционно-правовой ответственности парламентариев в зависимости от субъекта допустимо разделить на персонифицированные (досрочное прекращение мандата народного избранника, лишение парламентария иммунитета) и коллегиальные (некоторые случаи досрочного прекращения полномочий (ропуска) палат Парламента). Примечательно, что в юридической литературе существует достаточно нестереотипное мнение, в частности представленное М. А. Красновым, согласно которому «досрочное прекращение депутатских полномочий является крайним проявлением неблагоприятных последствий. При этом не имеет принципиального значения форма такого прекращения (отзыв, добровольное сложение или лишение полномочий в упрощенном порядке)» [4, с. 84]. Поэтому М. А. Краснов считает, что «любой способ досрочного прекращения депутатских полномочий связан в той или иной степени с ответственностью депутата» [4, с. 85]. Не отвергая в принципе подобной правовой позиции, можно утверждать, что форма досрочного прекращения полномочий парламентария является определяющим компонентом ответственности указанного лица.

В Республике Беларусь, по нашему мнению, определены следующие исчерпывающие способы досрочного прекращения полномочий парламентариев, связанные с их конституционно-правовой ответственностью: в случае отзыва данных лиц либо в связи со вступлением в отношении них в законную силу обвинительного приговора Верховного Суда Республики Беларусь. Отметим, что основания и процедура отзыва белорусских парламентариев на современном этапе в целом достаточно регламентированы. Основанием применения к члену Парламента такой крайне жесткой меры конституционно-правовой ответственности является совершенное виновно противоправное деяние указанного лица, выраженное в неисполнении предусмотренных законом парламентских обязанностей, нарушении актов законодательства Республики Беларусь, совершении действий, дискредитирующих парламентария, повлекшее утрату доверия лиц, которые его избрали (назначили). В действующем Избирательном кодексе Республики Беларусь отсутствует исходное легальное определение названной меры конституционно-правовой ответственности. Полагаем, что под отзывом парламентария допустимо понимать меру конституционно-правовой ответственности, связанную с досрочным прекращением мандата депутата Палаты представителей, члена Совета Республики в связи с утратой доверия со стороны лиц, которые его избрали, в соответствии с установленной актами законодательства процедурой. По нашему мнению, указанную дефиницию допустимо в качестве дополнения внести в ст. 155 «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе» Избирательного кодекса Республики Беларусь. В рамках этого акта допустимо установить запрет на инициирование процедуры отзыва парламентария в течение 6 месяцев со дня начала его полномочий и за 6 месяцев до их прекращения. Следует отметить, что досрочное прекращение мандата парламентария

в связи со вступившим в отношении него в законную силу обвинительным приговором Верховного Суда Республики Беларусь является самостоятельной мерой негативной конституционно-правовой ответственности парламентария, которая закономерно наступает после его привлечения к уголовной ответственности, не подменяя при этом последнюю. Таким образом, основанием применения к члену Парламента данной меры ответственности является совершенное виновно противоправное деяние, выраженное в факте совершения преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Беларусь, подтвержденное вступившим в отношении него в законную силу обвинительным приговором Верховного Суда Республики Беларусь и повлекшее невозможность дальнейшего исполнения парламентских публично-властных полномочий указанным привлеченным к уголовной ответственности лицом.

Еще одной мерой персонифицированной негативной конституционно-правовой ответственности парламентария является лишение его неприкосновенности (об основаниях ее применения и процедуре проведения кратко мы говорили выше). Отметим лишь, что нивелирование названной важнейшей юридической гарантии эффективной реализации полномочий народного избранника – жесткая мера конституционно-правового воздействия, неотвратимо влекущая наступление неблагоприятного последствия – существенное сужение рамок его статусной конструкции.

К коллегиальным мерам негативной конституционно-правовой ответственности членов Парламента представляется возможным отнести случаи досрочного прекращения полномочий (ропуска) Палаты представителей, Совета Республики, предусмотренные ст. 94 Основного Закона Республики Беларусь. Основанием применения указанной меры является совершенное виновно систематическое или грубое нарушение палатами Парламента Конституции, подтвержденное соответствующим заключением Конституционного Суда Республики Беларусь.

К мерам же позитивной конституционно-правовой ответственности парламентариев, полагаем, допустимо отнести досрочное прекращение полномочий нижней палаты Парламента при отказе в доверии Правительству, выражении вотума недоверия Правительству либо двукратном отказе в даче согласия на назначение Премьер-министра. Основанием применения указанных жестких, но вынужденных мер является ненадлежащее исполнение парламентариями своих обязанностей, которое выражается в игнорировании необходимости установления конструктивного политико-правового диалога с соответствующими государственными органами, повлекшее нарушение системы сдержек и противовесов, повышение политической напряженности в государстве, ведущие к кризису государственной власти, экономической нестабильности, понижению престижа белорусского демократического и правового государства и народа в мировом сообществе.

В развитие механизма фиксации предвыборных заявлений кандидатов в парламентарии, выигравших в последующем выборы, автор настоящей статьи полагает возможным публиковать каждые шесть месяцев со дня начала полномочий парламентариев соответствующие общедоступные сборники, содержащие отчеты парламентариев о результатах своей работы, степени исполнения ими их предвыборных программ. На наш взгляд, указанная мера политической ответственности парламентариев является своевременной и необходимой в современном белорусском демократическом и правовом государстве, поскольку считаем, что народные избранники в своей профессиональной деятельности обязаны действовать на основании полного соблюдения принципиальных положений своей предвыборной программы, поддержанной его электоральным корпусом – частью белорусского народа, единственного источника государственной власти, осуществляющего свою власть опосредованно через наделенного им соответствующими полномочиями представителя.

Важное место в структуре юридической ответственности парламентария занимает дисциплинарная ответственность. Как хорошо известно, в теории трудового права различают общий и специальный виды дисциплинарной ответственности. Общая дисциплинарная ответственность возникает в результате нарушения правил внутреннего трудового распорядка и распространяется на всех работников. На работников же с особым характером выполнения трудовой функции – белорусских парламентариев, осуществляющих свои полномочия на профессиональной основе, помимо общей, распространяются также и правила специальной дисциплинарной ответственности. В отличие от общей специальная дисциплинарная ответственность белорусских парламентариев урегулирована регламентами палат Парламента, а также в меньшей степени – Законом Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь». Меры названной ответственности, по нашему мнению, допустимо подразделить на два вида: 1) меры, связанные с соблюдением правил парламентской дисциплины (парламентской этики) при проведении пленарных заседаний палат, заседаний постоянных комиссий, иных органов, членами которых являются парламентарии; 2) меры, направленные на обеспечение фактической эффективной работы парламентария в указанных органах.

Меры дисциплинарной ответственности парламентариев первой группы предполагают рассмотрение соответствующими постоянными комиссиями палат Парламента, к компетенции которых относятся вопросы парламентской этики, вопросов о нарушении парламентарием норм парламентской этики. Такая комиссия в течение десяти дней с момента поступления обращения обязана рассмотреть его и принять к парламентариям следующие меры воздействия с сообщением об этом в соответствующие палаты Парламента: обязать принести извинения; объявить общественное порицание; информировать избирателей о нарушении депутатом Палаты представителей правил парламентской этики, а в отношении члена Совета Республики – информировать орган, его избравший или назначивший. Эти меры ответственности белорусских парламентариев за нарушение парламентской дисциплины (правил парламентской этики) нам представляются недостаточными. С учетом опыта Франции полагаем допустимым предусмотреть в базовом Законе за нарушение правил парламентской дисциплины (правил парламентской этики) следующие меры дисциплинарной ответственности парламентариев: 1) призыв к порядку; 2) призыв к порядку с занесением в протокол, с соответствующим обязательным единовременным применением санкции материального характера в размере 1/3 ежемесячного денежного вознаграждения парламентария; 3) выражение порицания с соответствующим обязательным единовременным применением санкции материального характера в размере 1/2 ежемесячного денежного вознаграждения парламентария; 4) лишение слова по рассматриваемой проблеме с соответствующим обязательным единовременным применением санкции материального характера в размере 1/2 ежемесячного денежного вознаграждения парламентария; 5) выдворение из зала заседания (сроком на 5 дней) с соответствующим обязательным применением санкции материального характера в размере 1/2 ежемесячного денежного вознаграждения парламентария сроком на два месяца; 6) постановление соответствующей палатой Парламента перед избирателями округа, от которого избран депутат Палаты представителей, а в отношении члена Совета Республики – перед органом, который его избрал, вопроса об инициировании процедуры отзыва парламентария.

Мерами же, направленными на обеспечение фактической эффективной работы народных избранников в Парламенте, согласно действующему законодательству является применение санкций в отношении тех лиц, которые не участвовали без уважительных причин в работе заседаний палат, постоянных комиссий, иных органов, членами которых они являются. По нашему мнению, эти меры незначительны: по реше-

нию Председателей соответствующих палат или их заместителей парламентариям не выплачиваются компенсационные выплаты, заработная плата за время их отсутствия. Кроме того, устанавливается открытый режим информации относительно неоправданного отсутствия парламентариев на заседаниях палат Парламента или комиссии, а также о принятых к ним мерах воздействия.

Примечательно, что греческая модель решения указанной проблемы также достаточно либеральна и схожа с белорусской. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 63 Основного Закона Греции, если депутат в течение месяца неоправданно пропустил более пяти заседаний, из его ежемесячного вознаграждения удерживается 1/30 часть за каждый случай отсутствия. Наиболее же оптимальный вариант решения указанной проблемы, по нашему мнению, существует в тех странах (Франция и ряд других государств), где «размер вознаграждения делится на две части; вторую часть депутат может получать в зависимости от посещения им заседаний парламента, постоянных комиссий, от активности в работе» [5, с. 676].

На основании вышеизложенного полагаем необходимым пересмотреть положения ст. 13 базового Закона и ужесточить меру ответственности белорусских парламентариев за неучастие без уважительных причин в работе палат Парламента и иных его органов, членами которых они являются, посредством внесения в указанную норму изменения следующей возможной редакции: «Депутату Палаты представителей, члену Совета Республики, которые не участвовали без уважительных причин в работе заседаний Палаты представителей, Совета Республики, постоянных комиссий, иных органов, членами которых они являются, более 10 дней подряд, по решению Председателя Палаты представителей, Председателя Совета Республики или их заместителей ежемесячная заработная плата выплачивается в размере 1/2 ее части, не выплачиваются компенсационные выплаты за время их отсутствия, а в случае их неучастия без уважительных причин в работе указанных органов более одного месяца возможна постановка соответствующей палатой Парламента перед избирателями округа, от которого избран депутат Палаты представителей, а в отношении члена Совета Республики – перед органом, который его избрал, вопроса об инициировании процедуры отзыва».

Хотелось бы также обратить внимание на необходимость усиления ответственности белорусских парламентариев за ненадлежащую их деятельность в избирательных округах, органах, которые их избрали. Меры специальной дисциплинарной ответственности парламентариев за деятельность в указанной сфере в действующем законодательстве Республики Беларусь практически отсутствуют. Представляется, что этот пробел национального законодательства подлежит устранению посредством создания действенного механизма, направленного на обеспечение реальной специальной дисциплинарной ответственности народных избранников за невыполнение (ненадлежащее выполнение) возложенных на них полномочий не только в Парламенте Республики Беларусь, но и вне его рамок. Отметим также, что, согласно теории трудового права, материальная ответственность работника за ущерб, причиненный нанимателю, – это обязанность работника возместить ущерб, причиненный по его вине нанимателю. Специальный Закон, равно как и регламенты палат Парламента, не содержат положений, регламентирующих материальную ответственность за ущерб, причиненный по вине профессиональных белорусских парламентариев имуществу Парламента. Принимая во внимание, что парламентарии, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, являются, следуя терминологии науки трудового права, работниками, хотя и несколько специфическими, проблема неурегулированности специальными нормативными правовыми актами подобного вида ответственности указанных профессиональных членов Парламента также требует скорейшего разрешения.

Нельзя не обратить внимания и на тот примечательный факт, что согласно ст. 15 Гражданского кодекса Республики Беларусь убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежат возмещению Республикой Беларусь или соответствующей административно-территориальной единицей в порядке, предусмотренном законодательством. Как известно из теории гражданского права, основанием гражданско-правовой ответственности является неисполнение (ненадлежащее исполнение) гражданско-правовой обязанности, возложенной на субъекта указанной ответственности, равно как и причинение им материального и морального вреда. В этой связи полагаем, что в названном акте необходимо закрепить положение о том, что случае причинения гражданину или юридическому лицу убытков непосредственно парламентарием в результате совершения им незаконных деяний в рамках его специального правового статуса, государство Республика Беларусь (в лице уполномоченных органов) обязано направить регрессный иск, обращенный к указанному выборному лицу.

Заключение

Необходимо признать, что в Республике Беларусь на современном этапе отсутствует комплексный нормативный механизм применения мер юридической ответственности к парламентариям. Признавая ответственность народных избранников неотъемлемой частью их правового статуса, мы видим необходимость в дополнении базового для нашего исследования Закона Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» соответствующей главой, посвященной ответственности депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский. – Минск : Амалфея, 2004. – 688 с.
2. Назаров, Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей / Б. Л. Назаров. – М. : Юрид. лит., 1976. – 311 с.
3. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981. – 289 с.
4. Краснов, М. А. Ответственность в системе народного представительства: методологические подходы / М. А. Краснов. – 2-е изд. – М., 1995. – 56 с.
5. Безуглов, А. А. Конституционное право России : в 3 т. / А. А. Безуглов, С. А. Солдатов. – М. : Профобразование, 2001. – Т. 2. – 831 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.06.2019

Chmyha O. V. Negative and Positive Responsibility of Members of Parliament of Belarus: Problems of Legal Fixing and Realization

The category «responsibility» from the point of view of jurisprudence has debatable character now. In the article this legal concept from the point of view of its essence is analyzed, its types in their interrelation and interdependence are defined. The author of the article has designated the main problems of the legal fixing and of the realization of positive and negative responsibility of persons, elected to the structure of the Belarusian Parliament, measures for improvement of the national legislation in the specified sphere are offered.

УДК 347.963 (476) (091) Г 78

И. М. Грачева*ст. помощник прокурора Брестской области**e-mail: Iris0877@yandex.ru***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ БССР В 1941 г.**

Раскрыты данные об уникальном опыте деятельности оперативной группы органов прокуратуры БССР в начале Великой Отечественной войны. Проанализирована специфика управления органами прокуратуры в условиях военного положения, ее организация и правовое регулирование с целью выявления основных положений исторического опыта.

Введение

Целесообразность исследования определена потребностью тщательного историко-правового изучения деятельности органов прокуратуры. Без научного анализа причин неудач и успехов этой деятельности в прошлом не может быть создана теоретическая база для поступательного движения в реализации современных планов руководства страны по укреплению правопорядка и поддержанию статуса Республики Беларусь как правового государства. Теоретическая значимость статьи заключается в выявлении опыта становления и развития органов прокуратуры, изучении характера изменений, произошедших в организации и деятельности прокурорских органов в годы Великой Отечественной войны. Практическая значимость работы определяется возможностью дополнить существующие историко-правовые и исторические исследования новыми аспектами, относящимися к особенностям правового регулирования работы органов прокуратуры БССР в 1941 г.

Деятельность органов прокуратуры БССР в 1941 г.

Утром 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии, вероломно нарушив пакт о ненападении, вторглись в пределы Советского государства. Накануне 22 июня 1941 г. немцы перебросили из-за Буга эшелон с опломбированными вагонами, в которых были вооруженные солдаты и офицеры, на станцию Брест-Западный. Утром они заняли станцию и часть города, оставив в тылу пограничников и военных в крепости, стремительно день за днем продвигаясь к Минску.

Руководство БССР в первые дни войны призывало население сохранять спокойствие, убеждало людей, что враг не пройдет. Принимались постановления о борьбе с «паникерами». В это же время готовились эшелоны для эвакуации сотрудников ЦК и государственных органов. За три дня до оккупации, в ночь с 24 на 25 июня они покинули Минск. В руки немцев, вошедших 28 июня 1941 г. в город, попали секретные дела Совнаркома БССР и наркоматов. Это были почти все дела, касавшиеся вопросов государственного управления БССР, в том числе списки членов правительства и их семей с указанием адресов, депутатов Верховного Совета и их семей, ответственных работников Наркомата местной промышленности, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, а также перечень важнейших государственных структур БССР.

29 июня 1941 г. была дана директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в соответствии с которой проводилась дополнительная мобилизация в Красную Армию. В июне – августе было мобилизовано более 500 тыс. жителей Беларуси.

Прокуратура БССР на начало войны насчитывала в штате 901 единицу (прокуроры, их помощники, следователи), фактически работало 847 работников [1, с. 54]. По неполным данным, около 450 работников были призваны в Красную Армию, 45 ра-

ботников были направлены в партизанские отряды и на подпольную работу, в том числе и заместитель прокурора БССР по спецделам Я. Г. Нароенко, Минский областной прокурор А. Г. Бондарь, Пинский областной прокурор С. П. Артамонов, прокурор г. Лиды И. А. Бычков, прокурор Несвижского района В. Д. Кожакин.

Из докладной записки прокурора Белорусской ССР И. Д. Ветрова, отправленной на имя П. К. Пономаренко 18.07.1941 г. из Гомеля, следует, что в первые дни войны часть прокуроров из-за отсутствия связи и четких указаний из Москвы осталась на своих рабочих местах. Как следствие, они были расстреляны фашистами либо во время ареста, либо после. Так, прокурор Брестской области И. П. Амилаев и его заместитель М. Л. Горелик, заместитель Барановичского областного прокурора И. И. Дмитраков, Лунинецкий районный прокурор С. В. Пантелеев, Гродненский районный прокурор Г. В. Крейнин, Сопоткинский райпрокурор А. В. Приставко и др. были убиты фашистами в первые дни войны. И. Д. Ветров указывает, что остальные работники эвакуировались в разные области Советского Союза.

Прокуратура СССР с первых дней своей деятельности пыталась установить непосредственную связь с работниками всех звеньев республиканских прокуратур. Например, в практике руководящей работы того периода использовались короткие совещания по радио с прокурорами республик, краев, областей, городов, районов по наиболее актуальным вопросам. Такой обмен информацией имел важное мобилизующее значение. В день начала войны прокуратура БССР смогла установить телефонную связь со всеми областными прокуратурами, кроме г. Бреста, где уже в 4 утра были немцы. 23 июня связь с Белостокской областной прокуратурой была потеряна. Однако вечером того же дня Белостокский областной прокурор вышел на связь из г. Барановичи, куда он успел эвакуироваться. 24 июня, после бомбардировки г. Минска и Дома правительства, где находилась прокуратура БССР, были предприняты попытки организовать работу в помещении областной прокуратуры, а затем в здании общежития Юридического института, однако вследствие постоянных налетов авиации реализовать рабочие мероприятия не удалось. Прокурором БССР И. Д. Ветровым было принято решение об эвакуации. 25 июня прокуратура БССР покинула Минск и 27.06.1941 г. возобновила работу в Могилеве, затем с 04.07.1941 г. – в Лиозно-Мстиславле, а с 16.07 по 17.07.1941 г. – в Гомеле [1, с. 54]. Здесь после эвакуации была создана оперативная группа в составе прокурора БССР И. Д. Ветрова, его заместителя Гинцбурга, заместителя прокурора по кадрам Удалова и еще более 20 человек.

Прокуратура Брестской области прекратила свою работу 22 июня 1941 г. Барановичская областная прокуратура была эвакуирована 24 июня. 25 июня был эвакуирован штат прокуратуры из Минска. 4 июля был эвакуирован Пинский коллектив прокуратуры, и в этот же день проведена эвакуация Вилейской областной прокуратуры. 10 июля эвакуирована прокуратура Витебской области. Могилевская и Витебская областные прокуратуры были эвакуированы 10.07.1941 г., Гомельская областная – 16.08.1941 г., Полесская областная – 19.08.1941 г. [1, с. 54].

подавляющее большинство эвакуированных оперативных прокурорских работников были призваны в ряды Красной Армии, 31 прокурорский сотрудник был откомандирован для работы в партийные, 4 человека были направлены для сопровождения секретных документов.

Таким образом, в июле 1941 г. работа прокуратуры велась только в Гомельской и Полесской областях, частично в 9 районах Могилевской области, с которыми поддерживалась связь.

После занятия немцами Гомеля работники оперативной группы были направлены в распоряжение отдела кадров прокуратуры СССР. В сентябре 1941 г. докладные за-

писки прокурором БССР И. Д. Ветровым о работе прокуратуры представлялись уже из г. Орла [1, с. 39].

Прокуратуры Брестской, Минской областей и БССР не успели эвакуировать свои архивы. По указанию И. Д. Ветрова лишь часть документов была уничтожена [4, с. 55]. Что именно было уничтожено, в процессе исследования выяснить не удалось. Документы Пинской областной прокуратуры были уничтожены на месте. Прокуратуры Белостокской, Витебской, Могилевской, Полесской и Гомельской областей особо важные документы эвакуировали, а часть уничтожили. В число эвакуированных документов вошли секретная и совершенно секретная переписка, неоконченные следственные дела, а также дела по спецотделу. Эвакуация документов была проведена в тыловые районы СССР. Несмотря на сложные условия, прокуратура БССР в 1941 г. продолжала работать.

В условиях военного времени необходимо было перестроить работу всего государственного аппарата (как центрального, так и местного), скорректировать национально-государственное устройство, управление вооруженными силами и их структуру. Изменений требовало управление экономикой, социально-культурной сферой, охраной государственной безопасности и общественного порядка; требовалось оперативно приспособить к военным условиям правовую систему. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О военном положении» [2, с. 25], означавший вступление страны в войну. Согласно этому документу устанавливалось, что в местностях, в которых было объявлено военное положение, все функции органов государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, высшему командованию войсковых соединений. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. Это был особый правовой режим, предусматривавший значительное расширение полномочий военных властей, расширение круга дел, подсудных военным трибуналам, применение чрезвычайных мер по охране общественного порядка, государственной безопасности и укреплению обороноспособности [3, с. 12].

Как было отмечено выше, условия войны потребовали существенной перестройки государственного аппарата. Она заключалась прежде всего в создании чрезвычайных органов. Совместным постановлением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Совнаркома СССР от 30 июня 1941 г. был образован Государственный комитет обороны (ГКО) «ввиду создавшегося чрезвычайного положения», а также институт его уполномоченных, местных комитетов обороны. В их руках была сосредоточена вся полнота власти по вопросам обороны страны. Указом от 22 июня 1941 г. было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», установившее порядок организации, комплектования, рассмотрения дел и опротестования приговоров военных трибуналов. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», дела обвинявшихся в этом преступлении лиц передавались на рассмотрение военных трибуналов. Военным трибуналам были подсудны также дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и с предприятий других отраслей, обслуживавших военную промышленность. Самовольный уход с этих предприятий рассматривался как дезертирство, и лица, виновные в этом, подлежали ответственности в виде тюремного заключения на срок от 5 до 8 лет.

В первую очередь прокуроры были сосредоточены на расследовании дел, связанных с выполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. «О введении военного положения». Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что по состоянию на 02.09.1941 г. в производстве всего было 884 дела данной категории: 62 дела по Витебской области; 41 дело по Могилевской области; 322 дела по Гомельской области; 241 дело по Полесской области, 218 дел по прокуратуре БССР [1, с. 56]. Это были дела об измене Родине, содействии войскам противника, о контрреволюционной агитации и распространении провокационных слухов. Кроме того, прокуратура расследовала несколько дел о проявлениях трусости и паникерства.

Так, на территории Стрешинского района Гомельской области 17 июля 1941 г. приземлился самолет с советским летчиком. Гражданин Козлов Виктор Тимофеевич, житель деревни Жирховка того же района, принял этот самолет за немецкий, подошел к летчикам и начал называть им фамилии коммунистов, комсомольцев и сельских активистов. В итоге Козлов был предан суду военного трибунала.

Неклюдов Михаил Павлович при отступлении частей Красной Армии из Рогачева остался в городе, где ранее работал финансовым инспектором. Находясь в Рогачеве, он установил связь с немецким офицером, от которого получил пропуск на право свободного хождения по городу в любое время. При отступлении немцев из Рогачева Неклюдов ушел с ними, а затем вернулся и занимался мародерством и восхвалял немцев. При аресте у Неклюдова был обнаружен немецкий бинокль и сигнальный фонарь. В результате Неклюдов М. П. был предан суду военного трибунала.

Гражданин Щедрюк И. Д., член КП(б)Б, был направлен в истребительный отряд, где был вооружен винтовкой. Впоследствии Щедрюк пытался бежать на территорию, оккупированную немцами, но был задержан. На допросе он показал, что в партию он вступил из корыстных целей и пытался перейти на сторону врага для передачи сведений. По приговору военного трибунала Щедрюк И. Д. был расстрелян.

Уголовные дела заводились и в отношении должностных лиц. Так, секретарь Лепельского райкома партии Мельников должен был остаться для работы в тылу противника. Он руководил группой коммунистов, однако он бежал на незанятую оккупантами территорию, оставив свою группу без руководства. Мельников был предан суду военного трибунала [1, с. 57].

Кроме расследования уголовных дел, в начале войны прокурорский надзор был сосредоточен и на вопросах общего надзора: эвакуация государственного имущества и выдача пособий семьям мобилизованных в Красную Армию. Надзор за эвакуацией осуществлялся главным образом в Витебске, Гомеле и Могилеве. Так, было установлено, что директор Могилевской швейной фабрики имени Володарского Могильнянский самовольно оставил фабрику, не вывез имущества, не произвел расчета с рабочими и выехал из Могилева. Аналогичный случай был выявлен и в Гомеле с директором машиностроительного завода имени Кирова Шапиро. Оба фигуранта были преданы суду за трудовое дезертирство [1, с. 58]. Прокуратура БССР поставила ряд вопросов перед эвакуационной комиссией и затем дважды сообщала имеющуюся информацию в ЦК(б)Б и СНК БССР для принятия необходимых мер.

Несмотря на сложности начального этапа работы прокуратуры в военных условиях, она провела в ряде городов и районов проверку правильности и своевременности выдачи пособий семьям красноармейцев. Такие проверки были в Гомеле, Добруше, Могилеве, Новосельце. Данная работа проводилась также райпрокурорами Гомельской, Полесской, Могилевской и Витебской областей.

Оперативная группа прокуратуры БССР, находясь в прифронтовой полосе, принимала меры к наведению порядка в ряде районов: после вмешательства прокуроров в Лиозненском районе было приостановлено бегство ряда работников; в Ловшанском,

Обольском и Стариковском сельсоветах Сиротинского района была арестована группа лиц за грабежи.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [1, с. 55] произошло расширение сети военных прокуратур. В действующей армии были созданы военные прокуратуры фронтов, которым подчинялись военные прокуратуры армий и соединений. В оперативном подчинении военных прокуратур фронтов находились также военные прокуратуры войск НКВД по охране тыла и фронта и военные прокуратуры железнодорожных войск фронтов. Действовали военные прокуратуры фронтов противовоздушной обороны, авиации дальнего действия. В тылу были образованы военные прокуратуры военных округов с подчинением им военных прокуратур гарнизонов, запасных стрелковых дивизий и авиационных бригад и некоторых других.

Такая структурная организация позволяла военной прокуратуре в соответствии с требованиями боевой обстановки более оперативно осуществлять свои функции по пресечению нарушений законности и расследованию преступлений. Задачи органов прокуратуры во время войны были весьма разнообразны, но главные из них – решительная борьба с посягательствами на воинскую дисциплину и боевую мощь армии и флота, с агентурой врага и иными враждебными элементами, с паникерами, дезертирами, расхитителями военного имущества, с дезорганизаторами тыла.

В условиях военных действий оставался открытым еще один вопрос: что делать с лицами, заключенными в местах лишения свободы. Уже 12.07.1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении отдельных категорий заключенных». В соответствии с данным нормативным документом прокуроры проверили Гомельскую и Мозырскую тюрьмы, а также исправительно-трудовые колонии. В итоге из мест заключения были освобождены 540 человек. Кроме того, в сентябре 1941 г. И. Д. Ветров поставил вопрос о находившихся в прифронтовой зоне лицах, осужденных трибуналами к высшей мере наказания. Однако на сентябрь 1941 г. вопрос об ускорении рассмотрения дел данной категории решен не был. Также в тюрьмах к осени 1941 г. содержалось большое количество лиц, осужденных к долгосрочному лишению свободы (на срок от 5 до 10 лет). Вопрос о них был поставлен перед прокуратурой СССР, в результате чего был получен наряд на отправку данной категории заключенных вглубь страны [1, с. 58].

Вместе с тем по состоянию на сентябрь 1941 г., по мнению И. Д. Ветрова, оставались нерешенными вопросы о:

- 1) вкладах в сберкассы, внесенных в местах, временно занятых противником;
- 2) пенсиях выехавших инвалидов;
- 3) выплате пособий семьям красноармейцев, эвакуированных с постоянного места жительства;
- 4) выплатах учителям за летнее время;
- 5) выплатах ИТР, не эвакуированным вместе с предприятиями;
- 6) организации в ряде мест военных трибуналов;
- 7) приеме на работу без трудовых книжек;
- 8) зарплате народных ополченцев;
- 9) порядке восстановления уничтоженных документов;
- 10) издании обязательных постановлений воинскими частями о порядке взыскания штрафов;
- 11) порядке заключения под стражу и восстановления дел на заключенных, которые вышли из тюрем в связи с занятием территории противником;
- 12) фактической ликвидации Верховного Суда в БССР [1, с. 58].

На начальном этапе войны в 1941 г. прокуроры проводили также и агитационную работу. В газетах «Звезда» и «Советская Белоруссия» были размещены четыре сообщения о работе органов прокуратуры БССР.

В своих докладных прокурор БССР отмечал, что прокуроры Сиротинского района и прокурор Витебской области Кравченко, несмотря на то, что руководство и отдел НКВД выехали, остались на месте и принимали меры по предотвращению грабежей. Аналогично действовал прокурор Речицкого района Гомельской области Тарашенко. Прокурор Жлобинского района Драчев все время оставался на месте, командуя ротой истребительного отряда, успешно выполняя также и свои прямые обязанности [1, с. 57].

Прокуратурой БССР во время войны был дан ряд различных указаний и разъяснений областным и районным прокурорам по их работе, в частности о направлении следственных дел, по которым эвакуированы арестованные. Все архивы, следственные дела, наблюдательные производства и документы военного периода прокуратуры БССР были направлены в Сталинград в сопровождении работников прокуратуры Удалова и Захарова. Часть секретных документов, гербовая печать и штампы были переданы заместителем прокурора БССР Гинбургом в Москву в прокуратуру СССР.

Повседневная работа прокуратуры была направлена прежде всего на обеспечение точного исполнения требований законодательства об укреплении тыла, оказании помощи фронту, всемерном содействии военному командованию. Особую актуальность приобрела борьба с нарушениями государственной, трудовой и воинской дисциплины, хищениями государственного и общественного имущества, самовольным оставлением работы на предприятиях промышленности и транспорта, нарушениями прав и законных интересов военнослужащих и их семей, детской беспризорностью. Огромное значение прокуратура придавала надзору за выполнением государственных планов поставок боеприпасов и вооружения, решений о восстановлении эвакуированных предприятий, требований о сохранности их оборудования, обеспечении их сырьем, материалами и рабочей силой.

Прокурорские работники сыграли заметную роль в организации партизанского движения и подполья на оккупированной территории. Прокурор БССР И. Д. Ветров осенью 1941 г. добровольно ушел на фронт. Воевал на Брянском и Калининском фронтах, а получив контузию, был отправлен на лечение в Москву. В июне 1942 г. его отозвали из действующей армии в распоряжение ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения. После гибели секретаря подпольного Полесского обкома партии Ф. М. Языковича было принято решение направить И. Д. Ветрова на оккупированную территорию. С августа 1943 г. он занимал эту должность и одновременно являлся командиром областного соединения [4, с. 31].

В результате предпринятых усилий прокуратура БССР в 1941 г. смогла в короткие сроки после оккупации создать оперативную группу в тылу, а также пополнить ряды действующей Красной Армии опытными кадрами, которые внесли свой вклад в освобождение нашего Отечества.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Роль прокуратуры с началом Великой Отечественной войны в значительной степени выросла. Это было обусловлено тем, что прокуратура, являясь главным надзорным органом государства, была призвана обеспечить выполнение тех жизненно важных задач, которые возникли в связи с переводом всей страны на военное положение.

2. По объективным причинам прокуратура СССР не смогла в полной мере обеспечить руководство действиями работников прокуратуры БССР, из-за чего часть работников осталась на местах, а часть пыталась эвакуироваться, не имея четкого плана дей-

ствий. Сумбурность эвакуации привела к тому, что часть документов была утеряна, а часть оказалась в руках немцев.

3. По Указу «О военном положении» 1941 г. органы прокуратуры претерпели количественную и качественную трансформацию в связи с перестройкой всех государственных органов на военный лад. Большая часть прокуроров была призвана на фронт, а остальные обеспечивали деятельность оперативных групп в тылу.

4. Одним из наиболее важных направлений в работе органов прокуратуры БССР в 1941 г. являлся общий надзор. Общенадзорные мероприятия прокуратуры были направлены на выполнение постановлений ГКО и иных актов военного законодательства по организации партизанского движения на оккупированной территории и обеспечение планомерных эвакуационных действий с территорий, которые были оставлены войсками Красной Армии.

5. С началом военных действий остро встал вопрос организации работы на оккупированной территории, для чего часть прокуроров, в том числе и лично прокурор БССР И. Д. Ветров, были заброшены в тыл для организации работы с подпольщиками и партизанскими отрядами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 37.
2. Неизвестная война. 1941–1945 : сб. док. / гл. ред. А. П. Финадеев ; редкол.: И. И. Вишев, Н. П. Палецких, Е. П. Турова. – Челябинск : Иероглиф, 2000. – 151 с.
3. Новиков, С. Г. Военная прокуратура на страже законности и правопорядка в период Великой Отечественной войны / С. Г. Новиков // Совет. государство и право. – 1985. – № 4. – С. 12–18.
4. Посвящая себя служению закону... Прокуратуре Республики Беларусь 90 лет / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. Г. Р. Юнчик. – Минск : Друк, 2012. – 320 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2019

Hrachova I. M. The Activities of the Prosecution Authorities of the BSSR in 1941

In 2019, we celebrated the 75th anniversary of the liberation of our country from the Nazi invaders. The prosecution authorities played a big role in the liberation of our country. The article contains data on the unique experience of the operational group of the BSSR prosecution authorities during the Great Patriotic War. At the same time, the main attention in the article is focused on revealing the specifics of the management of prosecution bodies in martial law conditions, its organization and legal regulation in order to identify the characteristic features of historical experience that may be useful at the present stage in a state of emergency.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацый артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. Г. Хадыева, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 27.11.2019. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 14,42. Ул.-выд. арк. 11,27.

Тыраж 100 экз. Заказ № 501.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.